

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 5 · № 6 · НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ · 2007

Содержание

Итоги накануне юбилея *Фёдор Лукьянов* 5

Призрак противостояния

Россия и Запад: конфронтация неизбежна? *Сэр Родерик Лайн* 8
Фраза «Россия стоит на распутье» является избитым клише. Точнее было бы сказать, что Россия миновала эту точку четыре года тому назад, а следующая развилка далеко впереди. Теперь мы понимаем, что 2003 год стал поворотным моментом во внутренней и внешней политике.

Теряя Россию *Дмитрий Саймс* 21
Отношения США и России быстро ухудшаются. Ошибочная и высокомерная политика Соединенных Штатов после окончания холодной войны стала источником глубокого разочарования России. А все более вызывающее поведение Владимира Путина провоцирует возмущение Запада. Но ни Вашингтону, ни Москве соперничество не нужно. Обеим сторонам необходимо действовать как можно быстрее, чтобы предотвратить возрождение конфронтации.

Многополярность и многообразие *Тьерри де Монбриаль* 37
Такого понятия, как «экономический патриотизм», раньше не существовало. Но после выдвижения на первый план России, Индии, Китая ситуация может измениться. С реальным вступлением этих стран в большую финансовую игру глобализация подвергается первому серьезному испытанию.

Разговор по существу

«Отказ от государств-наций — иллюзия» *Юбер Ведрин* 50
У нас нет выбора между полной открытостью и протекционизмом или между полным универсализмом и национальной идентичностью. Необходим баланс, который позволит мировой экономике эффективно функционировать, но даст возможность каждой стране законными способами защищать свои фундаментальные интересы.

Энергетический коктейль

- ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие на равных?
Пекка Сутела 62
 Евросоюзу не мешает задуматься: а стоит ли вообще добиваться новой всеобъемлющей договоренности с Москвой наподобие Соглашения о партнерстве и сотрудничестве? Чиновники могут годами обсуждать суть и значение общих ценностей, но не лучше ли направить энергию в более плодотворное русло?
- «Третий пакет» и будущее «Газпрома» *Татьяна Романова* 69
 Новый пакет законопроектов по окончательной либерализации энергетического рынка Европейского союза окажет заметное влияние на его отношения с Россией. Дискуссии о значении «принципа взаимности» могут быть крайне полезны, но могут и превратиться в очередной источник острых противоречий.
- Европейская энергобезопасность и уроки истории
Надя Кампанер 84
 Более четверть века назад проект газопровода из Сибири в Европу привел к расколу западного мира. Навязанное США эмбарго на поставку технологий вызвало протест ряда глав европейских государств. Вокруг «уренгойской трубы» объединились ведущие страны Европейского сообщества, в равной степени заинтересованные в сотрудничестве с Советским Союзом.
- Как биотопливо может заставить бедняков голодать
Карлайл Форд Рунге, Бенджамин Сенауэр 96
 Благодаря высоким ценам на нефть и обильному субсидированию Соединенные Штаты переживают бум этанола, производимого из кукурузы. Но для этой индустрии требуется так много исходного сырья, что стоимость кукурузы и других продуктов питания стремительно растет по всему миру. Чтобы остановить эту тенденцию и предотвратить усугубление проблемы голода Вашингтону следует законсервировать мощности и диверсифицировать производство этанола.
- ## Восточный вектор
- Конкуренция за безопасность Центральной Азии
Иван Сафранчук 112
 ШОС не собирается противостоять США глобально или регионально, но не хочет иметь с Вашингтоном никаких связей, то есть намерен действовать не против Америки, но без нее. Это довольно интересная и по-своему уникальная модель отношений с мировой сверхдержавой.
- Шанхайская организация сотрудничества
 и будущее Центральной Азии *Эван Файгенбаум* 122
 Вашингтон не рассматривает государство Центральной Азии в качестве фигур на «геополитической шахматной доске» и надеется, что Россия и Китай также не стремятся к этому.
- Гармония превыше всего *Александр Ломанов* 132
 Эволюция политической системы Китая в направлении поддержания баланса интересов внутри руководства и предотвращения появления всемогущих вождей привела к тому, что нынешний лидер страны Ху Цзиньтао уже не имеет возможности единолично назначить своего преемника.

Корейский полуостров: единство и борьба <i>Александр Воронцов, Олег Ревенко</i>	146
--	-----

Наиболее важным достижением последнего десятилетия стало осознание Пхеньяном и Сеулом того, что, несмотря на существующие фундаментальные разногласия, нельзя достичь объединения нации ни военным путем, ни принудительным «поглощением» одной стороны другой.

Восточноазиатская стратегия России и корейский вызов <i>Георгий Толорая</i>	158
--	-----

России предоставляется возможность мирными средствами, не вызывая раздражения партнеров, а также без вложения особенно значительных средств занять привлекательную нишу в восточноазиатских делах. Отсутствие конфликтов с ведущими игроками позволяет Москве играть балансирующую роль.

Продолжение темы

Ближневосточный мирный процесс как великая афера <i>Генри Зигман</i>	172
---	-----

Если бы США и их союзники заняли жесткую позицию и дали понять Израилю, что не позволят в одностороннем порядке менять границы, сложившиеся до 1967 года, то не возникло бы надобности в сложных формулах урегулирования или в именитых посредниках.

Конфликты в Грузии: как быть дальше? <i>Дитер Боден</i>	181
---	-----

Параллели между Косово и Кавказом во многих отношениях неуместны. Но возможность сравнивать возникает уже в силу основополагающего принципа международного права — принципа территориальной целостности — в тех случаях, когда происходит отделение части территории государства.

Зачем Чешской Республике ПРО <i>Томаш Пойар</i>	191
---	-----

Прага готова взять на себя ответственность за свою судьбу и судьбу союзников. Благодаря участию в проекте ПРО, Чешская Республика станет страной, готовой защищать независимость и свободу на деле, а не на словах. Даже если ей придется отказаться от части комфорта, возможного в ситуации, когда Чехия отсиживалась бы за спиной более активных государств.

Отклики и рецензии

Не столкновение, а партнерство <i>Тимур Тимофеев</i>	200
--	-----

Франция на заре XXI века <i>Пётр Черкасов</i>	205
---	-----

Китай глазами России <i>Василий Михеев</i>	212
--	-----

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАРДАНИЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Издается Фондом исследований
мировой политики*

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
<http://www.globalaffairs.ru>

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ №
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Мартти
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ВАЙНШТОК С.М.

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(*в личном качестве*)

ЖУКОВ А.Д.
(*в личном качестве*)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(*в личном качестве*)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЫК Б.Н.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(*в личном качестве*)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.

заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(*в личном качестве*)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(*в личном качестве*)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ДУБИНИН Ю.В.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно».
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Автор макета
Константин Радченко

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Верстка
Наталья Заблочките

Редактор
Ринат Якубов

Редактор
Александра Кобзева

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Стилист
Роберт Бридж

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блиникова

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Корректор
Людмила Купченко

Ответственный секретарь
Валерия Чистякова

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
op@globalaffairs.ru

Иллюстрации
Александр Бобосов

Итоги накануне юбилея

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Этот номер журнала можно считать рубежным. Завершается пятый год нашего существования: пилотный выпуск вышел в свет в конце ноября 2002-го. Формальный «юбилей» мы отметим в январе, когда исполнится годовщина начала регулярного выпуска. Но ничто не мешает уже сегодня подвести некоторые итоги. Благо ситуация дает массу поводов.

Когда мы приступали к работе, взаимоотношения России и Запада переживали подобие «медового месяца». Казалось, перед лицом страшной террористической угрозы все готовы были забыть былые распри и объединиться во имя будущего.

Сегодня это выглядит то ли как очередная несбывшаяся иллюзия, то ли как еще один неиспользованный шанс. Наши авторы продолжают обсуждение темы, которая стала лейтмотивом 2007 года, — почему мы вновь оказались чуть ли не на пороге холодной войны?

Откликаясь на публикации в предыдущих номерах, сэр **Родерик Лайн** анализирует причины «похолодания». Он надеется, что через пару лет Россия преодолет болез-

ни политического роста и обретет уверенность в себе, а Запад привыкнет к ее новому статусу. **Дмитрий Саймс** подвергает резкой критике американскую политику в отношении Москвы, не шадя при этом администрации Билла Клинтона и Джорджа Буша. Он призывает занять уважительную и реалистичную позицию и забыть о былом высокомерии. Спокойно воспринимать современную Россию предлагает и **Юбер Ведрин**, который не сомневается в постепенном движении Москвы к демократии.

Тьерри де Монбриаль обращает внимание на то, до какой степени усложнился мир: он не только многополюсен, но и гетерогенен. Поэтому особенно важно учитывать особенности и интересы самых разных участников международного процесса. Эта же тема получает развитие в полемическом отклике **Тимура Тимофеева** на споры вокруг многообразия цивилизаций.

Любые рассуждения о неоднородности мировой среды неизбежно приводят в Азию — именно там стремительно растут новые геополитические центры силы.

тические «полюса». **Александр Ломанов** подводит итоги съезда компартии Китая, который обозначил новые рубежи развития страны.

Взаимодействие КНР и России в рамках Шанхайской организации сотрудничества вызывает повышенный интерес: как две великие державы собираются распорядиться растущим влиянием? **Иван Сафранчук** пишет о том, в какой степени интересы Москвы и Пекина в Центральной Азии совпадают, а в какой расходятся. Небезынтересный взгляд на ШОС предлагает **Эван Файгенбаум**, который занимается регионом в Государственном департаменте США.

Два материала — **Александра Воронцова** и **Олега Ревенко**, а также **Георгия Толорая** — посвящены ситуации на Корейском полуострове. От того, как удастся распутать сложный клубок противоречий там, зависит очень многое в азиатской политике.

В поисках объяснений происходящего вокруг России приходится вновь и вновь обращаться к энергетической проблеме — за многими политическими процессами угадывается беспокойство по поводу надежности снабжения ресурсами. **Пекка Сутела** пытается разобраться, почему торговля энергоносителями не может функционировать, как обычный товарообмен. **Татьяна Романова** анализирует новые предложения Европейской комиссии по либерализации энергетического рынка и приходит к выводу, что их воплощение в жизнь

повлияет и на ЕС, и на его отношения с Москвой. **Надя Кампанер** напоминает, что за несколько десятилетий сотрудничества с Европой Россия никогда не давала повода заподозрить себя в ненадежности как поставщика.

Любопытный аспект диверсификации источников энергетики затрагивают **Карлайл Форд Рунге** и **Бенджамин Сенауэр**. Модное биотопливо способно, по их мнению, привести к кризису в сельскохозяйственной отрасли.

В номере продолжается тема, поднятая недавно на наших страницах американским экспертом **Филипом Койлом**, который усомнился в целесообразности размещения элементов ПРО в Центральной Европе. **Томаш Пойар**, однако, полагает, что это значительно укрепит безопасность Чехии. **Дитер Боден** возвращается к проблеме, неоднократно обсуждавшейся нашими авторами — о воздействии «косовского прецедента» на другие «замороженные конфликты», в частности в Грузии. **Генри Зигман** крайне негативно оценивает так называемый «мирный процесс» на Ближнем Востоке, именую его аферой.

В следующем, «праздничном», номере — давно обещанная тема демографии, анализ американских военных расходов, размышления ветеранов мировой политики о современной ситуации, взгляд на Россию из Европы и Америки, а также многое другое.

Призрак противостояния

Кладбище буржуазных свобод.
Журнал «Крокодил», 1936 г.

“ Если нейтральный наблюдатель, прилетевший, к примеру, с Марса, прочтет газетные заголовки последних месяцев, у него сложится впечатление, что Россия находится в состоянии ожесточенного и длительного противоборства с Западом. Но если он же побывает на одной из десятков встреч по развитию разнообразного практического сотрудничества, он придет к противоположному выводу ”

Россия и Запад: конфронтация неизбежна? Сэр Родерик Лайн

8

Теряя Россию Дмитрий Саймс

21

Многополярность и многообразие Тьерри де Монбриаль

37

Россия и Запад: конфронтация неизбежна?

Сэр Родерик Лайн

В последних номерах журнала «Россия в глобальной политике» развернулась эмоциональная полемика по поводу трений во взаимоотношениях России и «Запада» (за неимением лучшего термина). Свое мнение высказали министр иностранных дел России Сергей Лавров, Сергей Караганов, Константин Косачев, Алексей Арбатов, а со стороны Вашингтона — Томас Грэм. Хотелось бы тоже высказаться по этой проблеме с точки зрения Западной Европы.

Сегодняшнюю ситуацию полезно сравнить с тем, что происходило шесть или семь лет назад. В начале нового тысячелетия мир был настроен оптимистично. В 2000 году Дэвид Герген, бывший советник президентов США Клинтона, Рейгана и Никсона, начал свою книгу *Eyewitness Power* («Очевидец силы») такими словами: «Вполне возможно, что мы живем на заре нового золотого века». Он видел политические, экономические, научные и культурные силы, способные помочь будущим поколениям «подняться на фантастические высоты, о которых грезил еще Вудро Вильсон. Люди будут восклицать от радости, веселиться и торжествовать». Нужно быть неисправимым романтиком, чтобы написать нечто подобное сегодня после событий 11 сентября 2001-го, фиаско в Ираке и распространения волнений и беспорядков по всему Ближнему Востоку — от Ирана и Пакистана до Афганистана — либо на фоне усиливающихся опасений по поводу изменения климата на планете.

Сэр Родерик Лайн был послом Великобритании в Российской Федерации с 2000 по 2004 год. В соавторстве со Струобом Тэлботом и Кодзи Ватанабэ он написал книгу «Взаимодействие с Россией. Следующая фаза», а также Доклад для трехсторонней комиссии, опубликованный по-русски в 2007 г. в серии «Библиотека Московской школы политических исследований».

Россия была одним из поводов для оптимизма в западном мире. Она быстро оправилась от потрясения 1998 года. Во время первых трех лет пребывания на президентском посту Владимир Путин установил прочные отношения с лидерами западного мира и много сделал для восстановления репутации страны на международной арене. Он посылал важный сигнал – Россия жаждет развивать связи с мировым бизнесом и привлекать зарубежные инвестиции. Москва стремилась стать значимым игроком в мировой экономике и вступить в ВТО. Укрепление внутривластной стабильности в России всячески приветствовалось, ей аплодировали за умелое проведение макроэкономической политики и важные шаги, предпринятые для реформирования и перестройки экономики. Главным раздражителем в отношениях служили способы ведения войны в Чечне (хотя на Западе не было и нет симпатий к чеченскому терроризму).

Россия и Запад вышли на новый качественный уровень сотрудничества. Моментальная реакция Москвы на террористические акты в США 11 сентября 2001 года еще больше укрепили это доверие.

Как же все изменилось к концу 2007-го! Совершенно очевидно, что доверие, которое стороны питали друг к другу до 2003 года, улетучилось. Являются ли нынешние разногласия этапом в развитии отношений или фундаментальным расколом? Отвечает ли интересам России и Западной Европы наличие столь глубокой пропасти, которая их разделяет? И каковы перспективы возрождения более конструктивных связей?

ПОЧЕМУ ОТНОШЕНИЯ СТАЛИ НЕПРИЕМЛЕМЫМИ?

В своей статье «Новая эпоха противостояния» («Россия в глобальной политике», № 4, 2007 г.) Сергей Караганов утверждал, что Запад и Россия вступили в новую фазу противостояния, которая отличается от холодной войны, но может оказаться даже опаснее. По его словам, Запад оставил надежду превратить Россию в дружественное ему государство и теперь смотрит на нее с позиций «нового сдерживания». Ранее («Россия в глобальной политике», № 2, 2007 г.) Алексей Арбатов, комментируя реакцию на февральскую речь президента РФ Владимира Путина в Мюнхене, вопрошал, не стоим ли мы на пороге новой холодной войны?

Некоторые политики и обозреватели как на Западе, так и на Востоке были бы рады воскресить холодную войну, поскольку это

облегчает сочинение сенсационных газетных заголовков. Я согласен с Карагановым и Арбатовым, что аналогии с холодной войной не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики и от этой риторики следует отказаться.

У холодной войны было несколько причин. Это и столкновение идеологий, и прямая взаимная военная угроза, и опосредованное противостояние СССР и Запада в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и в Латинской Америке, и советская политика в отношении стран Центральной и Восточной Европы в рамках Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, и, наконец, изолированность советского режима (низкий уровень торговли, разные экономические системы, строго контролируемые обмен информацией и контакты между людьми). Ни одной из этих предпосылок сегодня не существует.

С точки зрения бывшего западноевропейского дипломата, я бы объяснил нынешние проблемы пятью причинами.

Во-первых, хотя это может быть иррационально, наследие прошлого неизбежно сказывается на наших отношениях. Исторические эмоции, глубоко укоренившиеся в подсознании народов, легко воспламеняются под влиянием соответствующих событий – таких, как убийство политических оппонентов, ракеты, падающие на территорию соседних стран либо мучительные споры по поводу военных памятников. Сами по себе это серьезные вопросы, но их влияние на политику многократно усиливается историей (а политики охотно манипулируют ими). Само слово «НАТО» неизбежно вызывает в России отрицательные эмоции.

Наследие прошлого дает о себе знать повсеместно. События 90-летней давности все еще омрачают взаимодействие Турции и Армении, а не так давно повредили американо-турецким связям. Раздел Ирландии произошел в 1921 году. В 1973-м Великобритания и Ирландская Республика вместе присоединились к Европейскому экономическому сообществу. Однако Ирландия остается одной из немногих стран, в которых английская королева не побывала с официальным визитом за все время своего долгого пребывания на троне. В качестве примеров можно привести Францию и Алжир, Японию и Китай, Японию и Корею, Германию и Польшу или Германию и Чешскую Республику. Холодная война закончилась всего полпоколения тому назад, и память о ней будет жить еще, как минимум, одно поколение.

На Западе явно недооценивают, сколь болезненно реагируют россияне на хаос и унижение 1990-х годов. Их страна, которая когда-то

была гордой сверхдержавой, распалась совершенно неожиданно, потеряв две пятых своего населения и значительную часть территорий.

Не стоит удивляться стремлению россиян вернуть себе уважение, независимость, достоинство, «суверенитет», а также тому, что политическое руководство подхватило и воплотило в жизнь эти желания. Не стоит удивляться и тому, что в Кремле преувеличивают возрожденную мощь страны. Другим державам с имперским менталитетом, например, Великобритании, понадобилось полвека для того, чтобы психологически свыкнуться с утратой статуса и найти новую точку равновесия. Большая часть населения России, как и ее руководители сформировались в советское время. Безусловно, это накладывает отпечаток на их мировоззрение, но это не значит, что Россия вернется к временам Советского Союза.

Во-вторых, мы расплачиваемся за несбывшиеся ожидания обеих сторон, которые объяснялись наивностью, невежеством или непониманием происходящих событий. Разочарование усугублялось старыми подозрениями. Солженицын назвал это «столкновением иллюзорных надежд с действительностью».

Среди россиян бытует глубоко укоренившееся мнение, будто Запад сознательно пренебрег возможностью принять Россию с распростертыми объятиями, не оказал ей помощь, а попытался эксплуатировать ее слабости. Караганов подчеркивает это настроение, утверждая, что «пока Россия была слаба, ее не пригласили вступить в “клуб” развитых демократий». Солженицын сетует на то, что Запад отверг руку помощи, протянутую Россией после событий 11 сентября 2001 года (*Der Spiegel*, 23.11.2007).

Это миф. Конечно, в отношении западных стран к Москве в начале 1990-х просматривается изрядная доля наивности, желаемое принималось за действительное. Во многом Запад вел себя бестактно и покровительственно, хотя делал это непреднамеренно. Но нельзя забывать, что уже в начале 1990-х Россию приняли в ряд демократических «клубов», ей было предложено самое широкое участие во всевозможных международных организациях. Москва стала членом МВФ и Совета Европы. В Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Россией было заявлено о «стратегическом партнерстве, основанном на общих интересах и ценностях». Президент Борис Ельцин приглашался на саммиты «Большой семерки», которая таким образом впоследствии превратилась в «Большую восьмерку». С учетом событий 11 сентября 2001 года был учрежден Совет Рос-

сия – НАТО, а в 2002-м на саммите G8 в Кананаскисе президент Путин был удостоен чести провести в России в 2006 году встречу лидеров «Большой восьмерки».

Из каких «клубов» Россия была исключена? Что касается Евросоюза, то Москва сама не захотела присоединиться к нему (а пожелай Россия стать его полноправным членом и согласись ЕС ее принять, потребовалось бы много лет на то, чтобы привести российскую экономику и политическую систему в соответствие с европейскими нормами). Россия не подавала заявку на вступление в НАТО (такая возможность обсуждалась, но конкретных шагов не было предпринято). ВТО – это не «клуб» демократий, а торговая организация, действующая на основании четких правил. Переговоры о вступлении в нее России, пусть и медленно, но продвигаются. ОЭСР, «клуб» с более низким статусом, рассматривает вопрос о принятии в свои ряды Москвы.

Таковы факты, но в политическом смысле не так важны они, как стойкое ощущение отверженности и изоляции, сохраняющееся в России. Его крайним выражением является обвинение Запада в попытках ослабить или даже «расчлнить» Российскую Федерацию. Может ли в это поверить человек в здравом уме? Это предположение абсолютно ни на чем не основано. Чем мог бы руководствоваться Запад, пытаясь расчлнить Россию? Распад России со страшными последствиями для Западной и Центральной Европы был самым жутким кошмаром, преследовавшим западных политиков в начале 1990-х.

В-третьих, по наиболее важным глобальным вопросам между Россией и Западом нет фундаментальных расхождений. В некоторых областях наши интересы, конечно, не совпадают. Москва не разделяет позицию США и Великобритании по вопросу об Ираке, однако в этом с ней согласны многие страны Западной Европы. Россия теперь гораздо активнее отстаивает свои интересы на Ближнем Востоке, в Азии, в некоторых странах Африки, в Латинской Америке, и она имеет на это полное право в рамках международного законодательства.

В-четвертых, препятствием для сотрудничества являются разные ценности. В своей статье министр иностранных дел РФ Сергей Лавров попытался исключить этот вопрос из межгосударственных отношений: «Вестфальская система, которую в определенных кругах стало модным критиковать, вывела ценностные различия за рамки

межгосударственных отношений. С данной точки зрения холодная война означала движение вспять. Надо ли продолжать идти по этому пути назад, который может вести только к конфронтации?».

Но нравится нам это или нет, в XXI столетии ценности играют важную роль в международных отношениях. Иначе зачем Генеральный секретарь ООН (при широкой поддержке других членов мирового сообщества) стал бы вмешиваться во внутренние дела Бирмы? Россия присоединилась к Совету Европы и подписала Европейскую конвенцию о защите прав и основных свобод человека. Она подписала документы, в которых декларировала, что разделяет ценности Европейского союза, и вступила в «клуб» восьми наиболее развитых в промышленном отношении демократий. Государства, не имеющие общих ценностей, конечно же, могут сотрудничать, но лишь в тех областях, где у них имеются общие интересы. Однако подлинное *партнерство* и совместное членство в демократических «клубах» требует общности ценностей. Ощущение того, что наши ценностные установки расходятся, особенно в том, что касается верховенства закона, наносит серьезный урон отношениям.

В-пятых, эти разногласия обыгрываются во внутривнутриполитических целях, и этим грешат обе стороны. Арбатов предостерегает: «Те, кто в России и на Западе пытается набрать очки на конфронтации, безответственно превращают важнейшие национальные интересы своих государств в разменную монету внутривнутриполитических игр».

Преувеличение внешней угрозы — старая политическая уловка. В 1991 году Москва оказалась в идеологическом вакууме и переживала кризис самоопределения. Некоторые утверждают, что антизападничество стало новой «национальной идеей», а для сплочения народа используется национализм с сильным привкусом ксенофобии.

Безусловно, часто повторяемое утверждение, будто Запад пытается ниспровергнуть и ослабить Россию, используется для определенных целей, чтобы оправдать усиливающийся контроль над гражданским обществом, ограничение гражданских и политических прав и возрождение былой мощи органов внутренней безопасности. Поскольку в наше время невозможно оградить страну от критики извне, самой эффективной контратакой является объявление критиков опасными и дестабилизирующими силами. Мне представляется, что антизападная риторика Кремля предназначена прежде всего для внутреннего употребления.

ОПАСНОСТЬ КОНФРОНТАЦИИ

Если нейтральный наблюдатель, прилетевший, к примеру, с Марса, прочтет газетные заголовки последних месяцев, у него сложится впечатление, что Россия пребывает в состоянии ожесточенного и длительного противоборства с Западом. Но если бы этот «марсианин» побывал на одной из десятков встреч, на которых мне довелось присутствовать в этом году в России (деловые контакты, переговоры между российскими и транснациональными компаниями по совместным проектам, семинары по управлению, реформе образования, гражданскому обществу и т. д.), он пришел бы к противоположному выводу.

То, что происходит сегодня, нельзя назвать конфронтацией в полном смысле этого слова. Российское руководство продвигает идею «суверенного государства» по образцу великих держав XIX века и использует все рычаги, которые имеются в его распоряжении, чтобы возродить былое влияние страны на международной арене. Однако я не думаю, что Кремль избрал противостояние с Западом в качестве стратегического курса. Это стоило бы России слишком дорого и не отвечает ее национальным интересам.

Точно так же ни Евросоюз, ни США не стремятся к конфронтации. Москва стала более неудобным партнером для Запада, а в некоторых областях даже прямым конкурентом, но никак не угрозой, которую нужно сдерживать.

Стало быть, Сергей Караганов не прав, предостерегая, что нынешнее противостояние может быть еще опаснее того, которое было в прошлом? В своей статье Алексей Арбатов привел перечень разногласий, способных привести к таким последствиям. Это выход из соглашений о контроле над вооружениями, возможная цепная реакция после провозглашения независимости Косово, опасность вооруженного конфликта между Россией и поддерживаемыми НАТО Грузией и Молдавией, риск гражданской войны в Украине.

Вместе с тем ядерная проблема Ирана приблизилась к кульминации. Тегеран играет в опасную игру балансирования на грани войны. Риторика Вашингтона напоминает подготовку к военной кампании в Ираке (уроки которой, похоже, так и не были усвоены администрацией Джорджа Буша), и кандидаты на президентский пост соревнуются между собой в воинственных высказываниях. Ни один здравомыслящий человек не хочет видеть Иран в «клубе ядерных держав», но вопрос в том, как предотвратить эту

неоспоримую угрозу. До сих пор Тегеран был источником скорее тактических, чем стратегических разногласий между Россией и Западом. Но если Соединенные Штаты применят военную силу, то Кремль выступит решительно против и последствия могут оказаться чрезвычайно серьезными.

КУДА ДВИЖЕТСЯ РОССИЯ?

Оценка внутренней российской политики имеет фундаментальное значение для понимания того, как Россия и Запад должны строить свои взаимоотношения.

Избитым клише стала фраза «Россия стоит на распутье». Точнее было бы сказать, что страна миновала эту точку четыре года тому назад, а следующая развилка далеко впереди. Теперь мы понимаем, что 2003-й был поворотным моментом во внутренней и внешней политике.

Звон нефтедолларов обернулся похоронным набатом для реформ. Кремль отверг мысль о «стратегическом партнерстве» с Западом. В этом больше нет потребности: Россия достаточно сильна, чтобы проводить полностью независимую политику, ей больше не нужно идти на уступки западному миру либо считаться с его точкой зрения. Она сама способна диктовать условия. Российские лидеры больше не желают быть связанными узами сотрудничества или принимать на себя обязанности, вытекающие из партнерских отношений. Они не доверяют Западу, недоверие усиливается определенными событиями, а также критикой извне. Они рассержены и резко выражают недовольство тем, что Россию не уважают, с Россией не считаются, с Россией плохо обращаются.

«Уважение» — ключевое слово. Россия хочет, «чтобы уважали ее законные интересы и считались с ее мнением по важнейшим вопросам», — пишет Арбатов.

Стоит поразмышлять над тем, почему Россию больше уважали в 2002 году, чем в 2007-м. Государство заслуживает больше уважения умеренностью и мягким обращением (хотя в руках может держать кнут), нежели запугиванием, угрозами, обвинениями и манипулированием либо пренебрежительным отношением к закону. В 1991 году Соединенные Штаты и их союзники заслужили колоссальное уважение, остановив первую войну в Персидском заливе, восстановив суверенитет Кувейта, выполняя резолюции ООН, следуя гуманитарным принципам и сохраняя единство широкой коалиции. И,

напротив, они во многом утратили это уважение и влияние в мире, избрав противоположный курс во время второй войны в Персидском заливе. Все признают Россию силой, с которой нужно считаться, однако чрезмерная игра мускулами вызывает противодействие.

На Западе есть два основных мнения по поводу того, в каком направлении движется Россия.

Сторонники первой точки зрения считают, что Москва уже выбрала для себя магистральный курс. То, что мы видим сейчас, и есть будущее. Как внутри России, так и за ее пределами немало аналитиков полагают, что, вновь обретя силу и уверенность в себе, страна вернулась к исторической модели, которая в принципе несовместима с западной. Под «суверенным государством» следует понимать «обособленное», или изолированное, государство.

Ментальность россиян, отчасти уходящая корнями в православие, глубоко консервативна. Демократия их не привлекает. Как показывают опросы общественного мнения, большинство жителей страны считают, что только сильное, централизованное авторитарное правление может навести порядок на такой огромной территории. Сталин по-прежнему популярен в народе. Будущий успех может базироваться на колоссальных запасах полезных ископаемых и традиционно мощной тяжелой индустрии. При этом ведущую роль в экономике будет играть государство.

Противоположная точка зрения заключается в том, что в настоящий момент мы являемся свидетелями определенной коррекции и отката в длительном переходном процессе. Он развивается полным ходом, хотя на уровне политического руководства это, быть может, и незаметно. Речь идет прежде всего о возникновении среднего класса, конкурентоспособных частных предприятий и постепенном формировании нового поколения молодых образованных россиян. Они тесно соприкасаются с внешним миром, чего не могли позволить себе их родители, и хотят быть частью этого мира.

Сторонники такой теории утверждают, что традиционалистская модель окажется неэффективной и неконкурентоспособной, а экономика, основанная на громоздких государственных отраслях промышленности, не создающих добавленной стоимости, уже потерпела крах в 70–80-е годы прошлого столетия и не выживет в XXI веке. Большие сомнения остаются и по поводу долговременной жизнеспособности политической модели, основанной на одном человеке и одном учреждении или «вертикали власти», которая во многом зависит от

кадров бывшего КГБ и сменивших его организаций. Как выразился Алексей Арбатов, главная проблема «управляемой демократии» и вертикали исполнительной власти Путина «состоит в том, что нынешнее экономическое благополучие и политическая стабильность зиждутся на весьма хрупком и недолговечном фундаменте».

Выступая перед участниками Валдайского форума 14 сентября, президент Путин в сжатом виде выразил эти сомнения: «Мы не сможем построить будущее России... если не наладим реальную и эффективно функционирующую многопартийную систему и не создадим гражданское общество, которое будет защищать общество и государство от ошибок и неверных действий со стороны властей предрежущих».

Определяющим фактором будет экономика. Процветание, вызванное высокими ценами на нефть и газ, лишь замаскировало, но не устранило принципиальных, структурных слабостей системы. Модернизация экономики станет вероятным катализатором более широких перемен.

Сергей Караганов полагает, что через пять-семь лет «Россия придет в себя от теперешней эйфории и станет проводить не менее активную, но более осторожную политику». Если нельзя будет достигнуть «устойчивого роста в 8–10 % ежегодно» (очень амбициозная цель), доля страны в мировом ВВП будет постепенно уменьшаться. Кроме того, «преимущество, основанное на энергоресурсах, — явление временное. Необходима постоянная модернизация политической системы, чтобы не допустить скатывания в авторитаризм застойного типа».

Аналогичное суждение высказывает и Дмитрий Тренин, автор недавно вышедшей книги «Правильно понимать Россию» (*Getting Russia Right*): «Со временем в России появится больше законных собственников: от нескольких десятков сегодня до нескольких сот через несколько лет, а затем и до нескольких сот тысяч. Спустя одно поколение будет просто невозможно и даже немыслимо иметь одного хозяина в стране. Разделение властей должно неизбежно произойти в действительности... Либерализм, имеющий все шансы возобладать в России, будет стимулироваться экономикой».

Не следует рассчитывать на слишком быстрое изменение общей атмосферы. Какие бы перестановки в правящей элите ни произошли весной следующего года, вряд ли можно ожидать, что они приведут к резкой смене курса. Но со временем социально-экономическое развитие потребует переоценки национальных интересов и приоритетов России.

Каким увидят мир через 5–10 лет будущие российские лидеры?

- Всем будет ясно (впрочем, это бесспорно и сегодня), что Россия утвердила свой суверенитет.

- Страхи 1990-х улетучатся. Станет очевидно, что яростные антизападные эскапады и культивирование национального комплекса жертвы являются лишь политической тактикой, а не долгосрочной стратегией. Если цель заключается в том, чтобы вернуть себе уважение в мире, то такая тактика контрпродуктивна.

- Экономическая интеграция продолжится. Россия захочет иметь модернизированную, диверсифицированную и конкурентоспособную экономику, которая в полной мере использует имеющийся человеческий капитал и успешно преодолевает качественное отставание от развитых стран. Растущая нехватка квалифицированного персонала требует высокого уровня образования, подготовки и инвестиций для достижения необходимой производительности труда. Путь вперед укажут не государственные монополии, а прогрессивные частные компании, успешно конкурирующие на мировых рынках.

- Внутри страны зазвучат всё более настойчивые требования укрепить верховенство закона, снизить уровень коррупции и ослабить влияние бюрократии.

- Глобальные угрозы, включая расползание оружия массового уничтожения, международный терроризм, нестабильность на Ближнем Востоке и изменение климата, не снизятся.

- Приспособление к усилению Китая будет непростым делом для России, так же как и для Соединенных Штатов и ЕС.

- США откажутся от бесперспективной идеологии неоконсерватизма.

- Евросоюз по-прежнему будет самым богатым политическим блоком мира, а также крупнейшим торговым партнером России; он выработает более цельную внешнюю политику.

В этих обстоятельствах более вероятно, что будущее руководство России пожелает использовать политический вес страны не для создания, а для решения острых проблем совместно с другими державами, имеющими сходные интересы.

КАК ЗАПАДУ НУЖНО ИЗМЕНИТЬ СВОЙ ПОДХОД?

Во-первых, нельзя допустить дальнейшего ухудшения общей атмосферы. Если мы не желаем сползания к деструктивной конфронта-

ции с ущербом для обеих сторон, то западным странам следует достаточно сдержанно и тактично, в совещательном духе подходить к решению насущных проблем современной повестки дня. Вместо стратегического партнерства Западу следует стремиться к сотрудничеству с Россией в решении конкретных глобальных задач.

Во-вторых, Западная Европа и Соединенные Штаты должны признать, что перемены в России займут длительное время. Насколько возможно, им необходимо и впредь прилагать усилия для просвещения России относительно намерений Запада, но не стоит ожидать быстрых перемен. Бесполезно метать громы и молнии по поводу того, что Россия не отвечает критериям западной демократии. Демократия там, где она существует, имеет самые разные формы, а на ее развитие ушли века. За последние 20 лет Россия существенно продвинулась в деле обеспечения личных свобод. Подлинная демократия (этот процесс происходит снизу вверх, а не наоборот) пока не утвердилась, что неудивительно, но вполне может развиваться в течение следующих 25–50 лет.

Куда разумнее уделить внимание власти закона, поскольку именно в этой области Москва взяла на себя четкие и определенные внутренние и международные обязательства. Их выполнение, бесспорно, в интересах страны, и это сделало бы намного более прочным фундамент взаимоотношений России и Запада. Однако последний сможет заслужить доверие россиян, если не будет следовать собственным призывам на практике. В этом смысле кавалерийские наскоки администрации Джорджа Буша на международное право нанесли значительный урон.

В-третьих, западный мир должен пересмотреть подход к России в плане вовлечения, а не сдерживания. На самом деле ни одно из правительств ведущих западных стран и ни одна крупная организация не стремятся к сдерживанию. Если Запад и будет иметь влияние на Москву, то только благодаря силе примера, информационному потоку и контактам между людьми. Изоляция абсолютно контрпродуктивна — эта истина не требует дополнительных доказательств.

Самая важная форма вовлечения — взаимовыгодное двустороннее сотрудничество в бизнесе. Дальнейшее развитие рыночной экономики будет самым мощным двигателем модернизации общества и государственного управления. По словам Дмитрия Тренина, «можно полагаться на то, что рыночные силы еще шире откроют Россию и помогут осуществить еще более глубокие преобразования, но эти силы нужно всячески поощрять». Растущая экономическая взаимо-

зависимость уже является фактором сдерживания деструктивного поведения, а в будущем она еще больше усилится.

Последнее, но не менее важное требование состоит в том, что Европейскому союзу нужно сформулировать ясную и принципиальную долговременную позицию в отношении с Россией, самой крупной европейской страной. Евросоюз должен дать понять, что он:

- категорически против нового деления Европы и намерен последовательно работать над устранением барьеров;
- признаёт, что сильная, стабильная, процветающая и современная Россия внесет весомый вклад в благосостояние европейского континента, и стремится к самому тесному сотрудничеству с ней;
- полностью признаёт право России защищать свои интересы и проводить независимую политику в рамках международного законодательства и суверенного права других государств;
- одинаково заинтересован в суверенитете, стабильности и развитии Российской Федерации и всех других республик бывшего Советского Союза и в гармоничных отношениях между ними;
- не стремится расширять свое влияние в ущерб России, но будет противодействовать посягательствам на суверенные права любого европейского государства;
- будет энергично отстаивать свои интересы и ценности, если им будет брошен вызов.

ВЫВОДЫ

Политика не должна исходить из того, что противоборство неизбежно и тем более необходимо. Пока еще мы не находимся в состоянии конфронтации, которая совершенно не нужна обеим сторонам и потенциально опасна, поскольку может нанести серьезный ущерб. Однако полностью исключать ее нельзя.

Нам нужно шаг за шагом возрождать доверие, сотрудничая в тех областях, где имеются общие интересы. Это потребует мудрого государственного руководства и сдержанности в риторике, чего явно не хватает в последнее время. Необходимо также реалистично оценивать сегодняшнюю ситуацию и проблемы, с которыми мы сталкиваемся.

Это будет медленный процесс, но через несколько лет появится реальная возможность установить подлинное партнерство. Это достойная долгосрочная цель. Быть может, мы и не стоим на пороге «нового золотого века», но через несколько лет положение изменится и обстановка, скорее всего, улучшится.

Теряя Россию

Плата за возобновление конфронтации

Дмитрий Саймс

При наличии угрозы со стороны «Аль-Каиды» и Ирана, а также растущей нестабильности в Ираке и Афганистане Соединенным Штатам не нужны новые враги. Тем не менее их отношения с Россией ухудшаются с каждым днем. Риторика с обеих сторон становится все более агрессивной, соглашения о безопасности находятся под угрозой срыва, а Вашингтон и Москва все чаще смотрят друг на друга сквозь призму холодной войны.

Хотя вновь обретенная напористость и силовое давление России как дома, так и за рубежом являются главными причинами утраты иллюзий обеими сторонами, США также несут ответственность за неуклонное ухудшение отношений. Проблемы, просчеты и проступки Москвы не оправдывают американских политиков, допустивших серьезные ошибки в период, когда они помогали России перейти от экспансионистской коммунистической империи к более традиционной великой державе.

Ошибочная линия Соединенных Штатов основывалась на распространном в Вашингтоне убеждении, будто администрация Рейгана единолично выиграла холодную войну. В действительности дело обстояло несколько иначе, и, безусловно, большинство россиян видят распад Советского государства по-другому. Волюнтаристское видение истории и есть основная причина неудач США в отношениях с Москвой в эпоху после холодной войны.

Ключевой ошибкой Вашингтона стала его склонность обращаться с постсоветской Россией, как с побежденным врагом. Соединен-

Дмитрий Саймс — президент Центра Никсона, издатель журнала *The National Interest*. Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 5 (сентябрь — октябрь) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

ные Штаты и Запад действительно выиграли холодную войну, но победа одной стороны не обязательно означает поражение другой. Советский лидер Михаил Горбачёв, российский президент Борис Ельцин и их советники считали, что перешли на сторону США как победители в холодной войне. Они постепенно пришли к выводу, что коммунизм вреден для Советского Союза и особенно для России. С их точки зрения, они не нуждались в давлении извне, чтобы действовать в интересах своей страны.

За последние 16 лет возможности для установления отношений стратегического сотрудничества между Россией и Соединенными Штатами появлялись не раз. Однако действия вашингтонских дипломатов однозначно оставляли впечатление, что превращение Москвы в стратегического партнера никогда не было для Америки приоритетом. Администрации Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего полагали: когда им понадобится взаимодействие с Россией, они смогут заручиться им без особых усилий или уступок. Пожалуй, особенно характерно это для команды Клинтона. Она смотрела на Россию как на послевоенные Германию и Японию, то есть как на страну, которую можно силой заставить следовать политике США и которая в конце концов научится извлекать из этого выгоды. При этом, похоже, не принималось в расчет, что Россию никогда не оккупировали американские солдаты и на нее не сбрасывались атомные бомбы. Россия трансформировалась, но не проиграла. Это обстоятельство наложило глубокий отпечаток на то, как она реагировала на поведение Соединенных Штатов.

После падения «железного занавеса» Москва не действовала ни как сателлит, ни как надежный союзник, ни как настоящий друг. Но она не вела себя и как враг, и тем более как враг с глобальными амбициями и с враждебной и мессианской идеологией. Однако сегодня весьма реален риск того, что Россия может пополнить ряды противников США. Чтобы избежать этого, Вашингтон должен понять, в чем ошибался, и осуществить необходимые меры, чтобы разомкнуть порочный круг.

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

Неправильное понимание и толкование завершения холодной войны повлияло на выбор неверного политического курса в отношении России. Хотя Вашингтон и сыграл важную роль в ускорении круше-

ния советской империи, но заслуги российских реформаторов достойны куда большего признания.

Действительно, в конце 1980-х годов крушение Советского Союза или даже восточного блока вовсе не было неизбежным. Вступив в должность в 1985-м, Горбачёв намеревался разрешить проблемы, которые уже были признаны при Леониде Брежневем. А именно: перенапряжение вооруженных сил в Афганистане и Африке и чрезмерные расходы на оборону, которые подрывали советскую экономику. При этом Горбачёв стремился укрепить мощь и престиж Советского Союза.

Он резко сократил советские субсидии государствам восточного блока, прекратил поддержку консервативных правительств стран Варшавского договора. Все это и предпринятая им перестройка создали в Восточной Европе совершенно новую политическую динамику и привели по большей части к мирному распаду коммунистических режимов и ослаблению влияния Москвы в регионе. Рональд Рейган внес вклад в этот процесс, усилив давление на Кремль, но именно Горбачёв, а не Белый дом покончил с советской империей.

Роль США в распаде СССР была еще меньше. Администрация Джорджа Буша-старшего поддержала независимость прибалтийских республик и довела до сведения Горбачёва, что репрессивные меры против законно избранных правительств поставят под угрозу американо-советские отношения. Но, позволив партиям, выступавшим за независимость, соперничать и побеждать на относительно свободных выборах и отказавшись от решительного использования сил безопасности для их отстранения от власти, Горбачёв практически обеспечил выход стран Балтии из Советского Союза. Россия сама нанесла финальный удар, потребовав равного институционального статуса с остальными республиками СССР. Горбачёв заявил на Политбюро, что, если позволить перемены, это будет означать «конец империи». Так и случилось. После провалившегося реакционного переворота в августе 1991-го, Горбачёв уже не мог удержать Ельцина, а также лидеров Белоруссии и Украины от демонтажа Советского Союза.

Администрации сначала Рейгана, а затем и Буша-старшего понимали, что обвал супердержавы был чреват опасными последствиями, и управляли распадом Советского Союза с впечатляющей комбинацией сочувствия и жесткости. Они обходились с Горбачёвым уважительно, но не делали никаких существенных уступок в ущерб

интересам США. В частности, они не пошли навстречу Горбачёву, отчаянно просившему предоставить масштабную экономическую помощь. У Соединенных Штатов не было веских причин содействовать спасению советской империи. Но когда администрация Буша-старшего отвергла советские призывы не нападать на Саддама Хусейна после вторжения Ирака в Кувейт, Белый дом приложил заметные усилия, чтобы должным образом выслушать Горбачёва и не «тыкать его в это носом», как выразился бывший госсекретарь Джеймс Бейкер. В результате Соединенные Штаты смогли и проучить Саддама, и не ослабить узы тесного сотрудничества с Советским Союзом — по большей части на условиях Вашингтона.

Критиковать администрацию Джорджа Буша-старшего можно разве что за то, что она в 1992 году не предоставила незамедлительную экономическую помощь демократическому правительству России, провозгласившей независимость. Пристально следивший за событиями переходного периода бывший президент Ричард Никсон указывал, что крупный пакет помощи мог остановить падение экономики и привязать Россию к Западу на годы вперед. Однако положение Буша было слишком шатким, чтобы дерзнуть помогать России. К тому времени он вел безнадежную борьбу с кандидатом в президенты Биллом Клинтонем, который яростно критиковал его за чрезмерное внимание к внешней политике в ущерб экономике США.

Несмотря на то что в ходе предвыборной кампании Клинтон уделял основное внимание внутренним проблемам, он вступил в должность с желанием поддерживать Россию. Его администрация сумела организовать поступление значительной финансовой помощи Москве — в основном через Международный валютный фонд (МВФ). В 1996-м Клинтон так старался поощрить Ельцина, что сравнил его решение использовать военную силу против чеченских сепаратистов с поведением Авраама Линкольна в период Гражданской войны в США.

Самым большим промахом администрации Клинтона оказалось желание воспользоваться слабостью России. Белый дом стремился, прежде чем Россия оправится от бурного переходного периода, получить для Соединенных Штатов как можно больше дивидендов и в политическом, и в экономическом отношении, и с точки зрения безопасности в Европе и республиках бывшего СССР. Бывший заместитель госсекретаря США Струоб Тэлбот рассказал, как американские чиновники эксплуатировали пристрастие Ельцина к выпивке

во время личных переговоров. Многие россияне верили, что так же администрация Клинтона поступала и во всем, что касалось России. Проблема в том, что Москва в конце концов протрезвела и начала вспоминать вчерашний вечер гневно и избирательно.

ЕШЬ СВОЙ ШПИНАТ

Протягивая руку дружбы, чиновники из администрации Клинтона надеялись навязать Кремлю американские представления о российских национальных интересах. Они верили, что предпочтения Москвы можно спокойно игнорировать, если они не соответствуют целям Вашингтона. Российская экономика находилась в полном упадке, армия разваливалась, и во многих отношениях Россия вела себя как страна, потерпевшая поражение. В отличие от других европейских колониальных империй, оставлявших ранее принадлежавшие им территории, Москва, покидая Восточную Европу или бывшие советские республики, не пыталась вести переговоры о защите своих экономических интересов и интересов безопасности. А тем временем радикальные реформаторы из окружения Ельцина часто приветствовали давление МВФ и США как оправдание жесткой и чрезвычайно непопулярной в России монетарной политики, которую они отстаивали.

Однако вскоре даже министра иностранных дел РФ Андрея Козырева, прозванного в России Мистером «да» за уступки Западу, стала раздражать подобная любовь клинтоновской администрации. В разговоре с Тэлботом, послом по особым поручениям в новых независимых государствах с 1993 по 1994 год, он сказал: «Плохо уже то, что вы заявляете нам, что поступите так, как решили, независимо от того, нравится это нам или нет. Не усугубляйте оскорбление, добавляя, что подчинение вашим приказам служит нашим интересам».

Но Вашингтон был глух к подобным призывам, а высокомерный подход становился там все популярнее. Тэлбот и его помощники именовали это шпинатной диетой. Дядя Сэм по-отечески пичкал российских лидеров политикой, которую Америка полагала полезной для здоровья, не считаясь с тем, насколько неаппетитной она казалась Москве. Как выразилась Виктория Нуланд, советник Тэлбота: «Чем больше говоришь им, что это полезно, тем больше они давятся». Давая понять, что внешняя политика Россия (да и внутренняя тоже) не должна быть независимой, администрация Клинтона вызвала глубокое возмущение Москвы.

Такой неоколониальный подход практиковался в то же время, как МВФ предписывал России выполнение своих рекомендаций. Они, как считают сейчас большинство экономистов, мало подходили для России, а воспринимались населением настолько болезненно, что их невозможно было вводить демократическим путем. Однако радикальные реформаторы-ельцинисты с огромным удовольствием навязывали их народу.

Бывший президент Никсон, а также ряд видных американских бизнесменов и российских специалистов понимали безрассудность такого подхода и убеждали Бориса Ельцина прийти к компромиссу с более консервативным парламентом. Никсон был обеспокоен, когда российские чиновники сказали ему, что Соединенные Штаты готовы закрыть глаза на готовность администрации Ельцина предпринять «решительные» шаги против парламента, если Кремль ускорит экономические реформы. Никсон предупреждал, что «поощрять отступление от демократии в стране с такой самодержавной традицией, как Россия, — это все равно что пытаться потушить пожар горючими материалами». Более того, он утверждал: если действовать, исходя из «фатально ошибочного допущения», будто Россия не была и довольно долго не будет мировой державой, то это поставит под угрозу сохранение мира и подвергнет опасности демократию в регионе.

Клинтон встречался с Никсоном, но проигнорировал его совет и не придал значения наихудшим проявлениям ельцинского произвола. Вскоре между Ельциным и депутатским корпусом возникла патовая ситуация. Президент издал неконституционный указ о роспуске законодательного органа власти, что в итоге привело к насилию и к обстрелу здания парламента из танковых орудий. После этого Ельцин настоял на принятии новой Конституции, предоставлявшей президенту широкие полномочия и ущемлявшей права парламента. Это укрепило власть первого российского президента и создало основу для скатывания в сторону авторитаризма. Назначение Владимира Путина, главы Федеральной службы безопасности, пришедшей на смену КГБ, сначала премьер-министром, а потом исполняющим обязанности президента стало естественным следствием опрометчивого поощрения Вашингтоном склонности Ельцина к авторитарному стилю правления.

Другие аспекты внешней политики администрации Клинтона еще более усилили возмущение России. Расширение НАТО — осо-

бенно первая волна, которая включала в себя Чехию, Венгрию и Польшу, — само по себе не представляло собой большой проблемы. Большинство россиян были готовы примириться с происходящим как с не слишком радостным, но и не особенно угрожающим событием. Но так продолжалось до косовского кризиса в 1999-м. Когда НАТО, несмотря на серьезные возражения России и без одобрения Совета Безопасности ООН, начала войну против Сербии, российская элита и народ пришли к выводу, что их ввели в глубокое заблуждение и что Североатлантический альянс по-прежнему направлен против России. Великие державы, особенно великие державы в упадке, не любят, когда с ними демонстративно не считаются.

Несмотря на гнев Москвы по поводу Косово, в конце 1999 года Владимир Путин, тогда еще премьер-министр, сделал серьезную попытку примирения с США сразу после того, как распорядился отправить войска в Чечню. Его тревожили чеченские связи с «Аль-Каидой» и тот факт, что находившийся под контролем талибов Афганистан был единственной страной, установившей с Чечней дипломатические отношения. Исходя скорее из интересов безопасности, чем из внезапной любви к Соединенным Штатам, Путин предложил Вашингтону сотрудничество в борьбе против «Аль-Каиды» и талибов. Эта инициатива была выдвинута уже после взрывов во Всемирном торговом центре в 1993-м и в посольствах США в Кении и Танзании в 1998 году. К тому времени администрация Клинтона располагала более чем достаточной информацией, чтобы понять смертельную опасность для Соединенных Штатов, исходящую от исламских фундаменталистов.

Но Клинтон и его советники, расстроенные вызывающим поведением России на Балканах и устранением реформаторов с ключевых постов в Москве, проигнорировали эту попытку примирения. Они всё больше видели в России не потенциального партнера, а ностальгирующую, неблагополучную, слабую в финансовом отношении державу, за счет которой США следовало добиваться всех возможных выгод. Поэтому Белый дом стремился закрепить результаты распада Советского Союза, привлекая как можно больше постсоветских государств под крыло Вашингтона. Администрация Клинтона вынудила Грузию принять участие в строительстве нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан от Каспийского моря к Средиземному в обход России. Соединенные Штаты поощряли стремление готового к любым выгодным предложе-

ниям президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе вступить в НАТО и побуждали американские посольства в Центральной Азии противодействовать российскому влиянию в данном регионе. Наконец, команда Клинтона отвергла призыв Путина к антитеррористическому сотрудничеству, усмотрев в этом лишь проявление доведенного до отчаяния неоимпериализма, а также попытку восстановить былое влияние России в Центральной Азии. Таким образом, Вашингтон отказался от имевшей колоссальное значение возможности заставить «Аль-Каиду» и талибов обороняться, разрушить их базы и подорвать способность проводить крупные операции. Только после того как почти три тысячи американских граждан погибли 11 сентября 2001 года, это сотрудничество наконец началось.

ОТ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ – К СОПЕРНИКАМ
Когда в январе 2001-го, через восемь месяцев после того, как Владимир Путин стал президентом России, Джордж Буш-младший пришел к власти, Белому дому пришлось иметь дело с новой группой относительно неизвестных российских чиновников. Команда Буша, стремясь во что бы то ни стало проводить политику, отличную от курса Клинтона, не рассматривала Россию как приоритет. Многие считали Москву коррумпированной, недемократичной и слабой. Хотя такая оценка и соответствовала действительности, но администрации Буша не хватило стратегической дальновидности, чтобы протянуть Москве руку помощи. Впрочем, Буш и Путин действительно испытывали друг к другу личную симпатию. Когда они впервые встретились в Словении (июнь 2001 г.), Буш сделал свое знаменитое заявление, поручившись за душу и демократические убеждения Путина.

События 11 сентября 2001 года радикально изменили отношение Вашингтона к Москве и вызвали всплеск эмоциональной поддержки Соединенных Штатов в России. Путин повторил свое давнее предложение о совместной борьбе против «Аль-Каиды» и талибов. Он открыл воздушный коридор над российской территорией, поддержал создание баз США в Центральной Азии. Но, пожалуй, самое важное, что он сделал – облегчил американцам доступ к афганскому Северному альянсу, готовому к действию, обученному и вооруженному россиянами. Конечно, Путин заботился об интересах России. То, что Соединенные Штаты присоединились к борьбе против исламистско-

го терроризма, было для Путина настоящей удачей. Как и многие другие альянсы, американско-российское антитеррористическое сотрудничество возникло благодаря совместным фундаментальным интересам, а не по причине общей идеологии или взаимной симпатии.

Несмотря на это возобновившееся взаимодействие, взаимоотношения в других областях оставались натянутыми. Заявление Джорджа Буша в декабре 2001-го о выходе США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, одного из последних символов бывшего статуса России как сверхдержавы, еще больше ударило по самолюбию Кремля. Аналогичным образом враждебность Москвы по отношению к НАТО только возросла после того, как к альянсу присоединились три прибалтийских государства. У двух из этих стран – Эстонии и Латвии – были неразрешенные споры с Россией, в основном связанные с положением русских национальных меньшинств.

Приблизительно в то же время источником обострения напряженности стала Украина. С точки зрения России, содействие, которое США оказали «оранжевой революции» Виктора Ющенко, имело целью не только поддержку демократии, но и подрыв влияния Москвы в соседнем государстве, добровольно присоединившемся к Российской империи в XVII веке. В Украине, которая связана с Россией прочными культурными узами, проживает многочисленное русскоязычное население. Более того, на взгляд Москвы, современные границы, установленные Иосифом Сталиным и Никитой Хрущёвым как административные, разделявшие советские провинции, значительно превышают исторические пределы Украины. На этих территориях проживают миллионы русских, что порождает этническую, языковую и политическую напряженность. Подход администрации Буша к Украине (а именно давление, оказываемое на расколотившуюся страну с тем, чтобы та подала заявку на вступление в НАТО, и финансовая поддержка неправительственных организаций, которые активно помогали политическим партиям, выступавшим за Ющенко) вызвал в Москве подозрение, что Соединенные Штаты вернулись к политике сдерживания. Мало кто в Белом доме и в Конгрессе задумывался о последствиях вызова, брошенного России в сфере, столь важной для ее национальных интересов и вызывающей столь сильные эмоции.

Новым полем битвы вскоре стала Грузия. Президент этой страны Михаил Саакашвили стремился использовать поддержку Запада, и в особенности США, как главный инструмент восстановления су-

веренитета Тбилиси над отколовшимися регионами — Абхазией и Южной Осетией. Там с начала 1990-х годов сепаратисты при поддержке России вели борьбу за независимость от Грузии. И Саакашвили не просто требовал возвращения территорий — он открыто позиционировал себя как ведущего регионального сторонника «цветных» революций и свержения лидеров, симпатизирующих Москве. Он изображал себя горячим приверженцем демократии и активным поборником внешней политики США. В 2004-м он даже отправил грузинские войска в Ирак в составе сил коалиции. Тот факт, что на выборах за Саакашвили проголосовало 96 % избирателей (подозрительно высокая цифра), а также его контроль над парламентом и грузинским телевидением не вызывали большой озабоченности за пределами страны. Как и произвольные преследования крупных предпринимателей и политических соперников.

В 2005 году при таинственных обстоятельствах, якобы в связи с утечкой газа, погиб Зураб Жвания — популярный грузинский премьер-министр и единственный политический противовес Михаилу Саакашвили. Родственники покойного публично опровергли государственную версию несчастного случая, явно имея в виду причастность режима Саакашвили к трагедии. Но в Вашингтоне этого, похоже, никто не заметил, хотя убийства представителей российской оппозиции неизменно вызывали озабоченность США.

В действительности, невзирая на злоупотребления Саакашвили, администрация Буша и влиятельные политики из обеих партий постоянно поддерживали его антироссийский настрой. Несколько раз Соединенные Штаты побуждали грузинского лидера остудить пыл и воздержаться от открытого вооруженного столкновения с Россией, но ясно, что Вашингтон выбрал Грузию своим главным сателлитом в регионе. США предоставили грузинской армии оборудование и военных специалистов, дав Саакашвили возможность занять более жесткую позицию в отношении России. Грузинские силы зашли настолько далеко, что задержали и публично унизили российских военных из миротворческой миссии в Южной Осетии и в самой Грузии.

Конечно, действия России по отношению к Грузии тоже были далеко не безупречными. Москва предоставила российское гражданство большинству жителей Абхазии и Южной Осетии и вводила против Тбилиси экономические санкции, зачастую на сомнительных основаниях. Российские миротворцы явно находятся в Абхазии и Южной Осетии, чтобы ограничить способность Грузии править

этими регионами. Однако безоглядная поддержка Соединенными Штатами Михаила Саакашвили создает у Москвы ощущение, что Вашингтон проводит политику, направленную на подрыв ее резко ослабнувшего регионального влияния. В Кремле подозревают, что США заботит не демократия, как таковая, а возможность использовать ее в качестве инструмента, позволяющего поставить Путина в неловкое положение и добиться его изоляции.

ОТНОШЕНИЯ С ВОЗРОЖДАЮЩЕЙСЯ РОССИЕЙ
Несмотря на растущую напряженность, Россия пока не стала врагом США. Еще остается шанс остановить дальнейшее ухудшение отношений. Для этого потребуются дать здравую оценку задачам, стоящим перед Соединенными Штатами в регионе, и рассмотреть многие вопросы в тех сферах, где интересы Вашингтона и Москвы сходятся. В первую очередь это борьба с терроризмом и нераспространение ядерного оружия. Потребуется также кропотливый поиск путей разрешения таких конфликтов, как ядерное противостояние вокруг Ирана, где цели двух стран аналогичны, но тактические предпочтения расходятся. Самое важное — США должны признать, что они больше не обладают неограниченным влиянием на Россию. Сегодня Вашингтон просто не может навязать Москве свою волю, как это было в 1990-е годы.

Администрация Буша и влиятельные конгрессмены резонно полагают, что определяющими вопросами американо-российских отношений должны стать борьба с терроризмом и проблемы нераспространения. Приоритетом является также стабильность в России, где пока еще размещены тысячи единиц ядерного оружия, и в постсоветских государствах. Поддержка Москвой санкций и, если необходимо, применения силы против стран-изгоев и террористических группировок была бы чрезвычайно полезна для Вашингтона.

Соединенные Штаты заинтересованы в распространении демократических форм правления в регионе, однако наивно полагать, что правительство Путина поддержит усилия США по продвижению демократии. Вашингтон должен гарантировать, что никто, включая Москву, не посягнет на право других стран избрать демократическую форму правления либо принимать независимые внешнеполитические решения. Но Соединенным Штатам следует признать, что они располагают ограниченными возможностями для достижения этой цели. В условиях очень высоких цен на

энергоносители, разумной фискальной политики и нейтрализации олигархов режим Путина больше не нуждается в международных кредитах или экономической помощи и без труда привлекает крупные иностранные инвестиции, несмотря на растущую напряженность в его отношениях с западными правительствами. Внутри России относительная стабильность, благосостояние и новое чувство собственного достоинства сгладили разочарование в связи с усиливающимся государственным контролем и деспотичными манипуляциями политическим процессом.

Негативный публичный имидж Соединенных Штатов и их западных союзников, тщательно поддерживаемый российским правительством, резко ограничивает способность Вашингтона содействовать расширению электората, склонного принимать их советы в сфере внутренних дел России. Единственное, что сегодня могут сделать США, — это дать понять Москве, что репрессии несовместимы с долгосрочным партнерством. Усугубляет ситуацию то, что силе морального примера Соединенных Штатов был нанесен ущерб. Подозрительность в отношении намерений США настолько глубока, что даже на решения, не направленные против России, такие, как развертывание противоракетных систем в Чехии и Польше, Москва смотрит с крайней опаской.

В свою очередь, использование Россией энергетики в политических целях разгневало западные правительства, не говоря уже о ее энергозависимых соседях. Москва явно устанавливает более щадящие цены на энергоносители для своих друзей. Правительственные чиновники и руководители государственной компании «Газпром» время от времени демонстрируют и браваду, и удовлетворение, угрожая наказать строптивых, например Грузию и Украину. А тех, кто достигает с Россией в особых политических и экономических договоренностей, она вознаграждает, предлагая энергетические ресурсы по ценам ниже рыночных. Москва мирится, хотя и неохотно, с прозападными предпочтениями своих соседей, но отказывается их субсидировать. Кроме того, Вашингтон лукавит, негодуя по поводу политического использования Россией энергетики. Ведь ни одна страна не вводит экономических санкций так часто и с таким энтузиазмом, как Соединенные Штаты.

Американские комментаторы часто обвиняют Россию в неприимости по косовскому вопросу. Однако публично Москва заявляет, что примет любое соглашение, о котором договорятся Сербия

и Косово. Нет свидетельств того, что Россия отговаривала Белград от заключения сделки с Косово. Напротив, были даже намеки на то, что Россия воздержится при голосовании по резолюции Совета Безопасности ООН, признающей независимость Косово в отсутствие договоренности с Сербией. Если бы непризнанные территории бывшего Советского Союза, особенно Абхазия и Южная Осетия, тоже смогли обрести суверенитет без согласия государства, от которого они хотят отделиться, Москве это было бы выгодно. Многие в России не возражают против создания прецедента по косовскому типу. Этим могли бы воспользоваться непризнанные постсоветские территории. Большинство из них стремятся получить независимость, которая приведет к интеграции с Россией.

Напряженность усугубляется целым рядом других разногласий по проблемам международной политики. Это правда, что Россия не поддержала решение Соединенных Штатов о вторжении в Ирак, но его не поддержали и ключевые союзники Вашингтона по НАТО — Франция и Германия. Россия продает обычные вооружения в некоторые страны, такие, как Иран, Сирия и Венесуэла, которые Белый дом считает враждебными. Но она занимается этим на коммерческой основе и в рамках международного законодательства. Вполне естественно, что США могут видеть в этом провокацию, но многие россияне выразили бы аналогичные чувства относительно поставок американского оружия в Грузию. И хотя Россия не зашла так далеко, как хотелось бы Соединенным Штатам и Европе, в вопросах обуздания Ирана и Северной Кореи, она постепенно начала поддерживать санкции против обеих стран.

Эти многочисленные разногласия не означают, что Россия — враг. В конце концов, она не оказывала поддержки «Аль-Каиде» или какой-либо другой террористической группировке, воюющей с Соединенными Штатами, и не распространяет конкурирующую идеологию с целью установления мирового господства. Она также не вторгалась и не угрожала вторжением соседним странам. Наконец, Москва предпочла не подстрекать сепаратизм в Украине, несмотря на существование там многочисленного и громогласного русского меньшинства. Путин и его советники примирились с тем, что Соединенные Штаты являются самой мощной державой в мире, провоцировать которую без нужды не стоит. Но в Москве больше не желают приспособливаться к предпочтениям США, особенно в ущерб собственным интересам.

ПРОЕКТ СОТРУДНИЧЕСТВА

Чтобы конструктивно работать с Москвой, необязательно номинировать Путина на Нобелевскую премию мира или приглашать его выступить на совместном заседании американского Конгресса. Никто не собирается побуждать Россию вступить в НАТО или приветствовать ее как большого демократического друга. Но Вашингтон должен работать с Москвой для соблюдения жизненно важных интересов США точно так же, как с другими важными недемократическими государствами, такими, как Китай, Казахстан и Саудовская Аравия. Это означает, что надо избавиться и от неуместной любви, и от нереалистического ощущения, будто Соединенные Штаты могут без последствий игнорировать другие страны. Мало кто отрицает, что к подобного рода сотрудничеству стремиться необходимо. Но в Вашингтоне бытует наивное и своекорыстное мнение, что можно заручиться поддержкой Москвы в важных для США сферах, продолжая пренебрегать приоритетами России.

Чиновники из Белого дома убеждены, что Кремль должен слепо поддерживать Америку в ее противоборстве с Ираном и исламистскими террористами, исходя из того, что Москва тоже считает их опасными. Однако при этом упускается из виду тот факт, что Россия расценивает иранскую угрозу совершенно иначе. Хотя Москва не хочет ядерного Ирана, она не воспринимает этот вопрос как безотлагательный и может удовлетвориться инспекциями на местах, предотвращающими промышленное обогащение урана. Ждать, что Россия уступит Соединенным Штатам по Ирану, не учитывая американской политики по другим вопросам, равнозначно ожиданию, что иракцы будут приветствовать войска США и коалиции. В обоих случаях полностью игнорируется точка зрения другой стороны на действия Вашингтона.

Соединенные Штаты должны ясно дать понять России, что Иран, нераспространение и терроризм — определяющие вопросы двустороннего сотрудничества. Аналогичным образом Вашингтону стоит довести до сведения Москвы, что агрессия против члена НАТО или неспровоцированное применение силы против любого другого государства нанесет ощутимый ущерб отношениям. США следует также продемонстрировать и на словах, и на деле, что они будут противиться любой попытке воссоздать Советский Союз.

В экономической сфере Вашингтон должен недвусмысленно дать понять, что манипулирование законом для захвата активов, ле-

гитимно приобретенных иностранными энергетическими компаниями, будет иметь серьезные последствия. Речь может идти об ограничении доступа к американским и западным распределительным сетям, а репутации России будет нанесен ущерб, который приведет к свертыванию программы не только инвестирования и передачи технологий, но и поддержки западными компаниями совместной деятельности.

Наконец, возражения Москвы против размещения элементов системы ПРО в Чехии и Польше не должны останавливать Соединенные Штаты. Скорее, по выражению Генри Киссинджера, Вашингтону необходимо ограничить их развертывание «заявленной целью преодоления угроз со стороны государств-изгоев». Это должно сопровождаться конкретными шагами, направленными на то, чтобы убедить Москву, что данная программа не имеет никакого отношения к гипотетической войне против России.

Хорошая новость заключается в том, что, несмотря на разочарование в Соединенных Штатах и Европе, Россия пока не горит желанием вступить в альянс против Запада. Российский народ не станет рисковать своим новым благополучием, а представители элиты не хотят расставаться со своими счетами в швейцарских банках, лондонскими особняками и отпусками на Средиземноморье. Хотя Россия и хочет расширения военного сотрудничества с Китаем, но Пекин, похоже, тоже не слишком стремится затевать ссору с Вашингтоном. В данный момент Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Китай, Россия и несколько центральноазиатских стран, — это скорее дискуссионный клуб, чем союз для обеспечения коллективной безопасности.

Но если американско-российские отношения ухудшатся еще больше, это не сулит ничего хорошего ни Соединенным Штатам, ни России. Генеральный штаб Российской армии лоббирует придание ШОС военного измерения, а некоторые высокопоставленные чиновники начинают выступать за изменение внешней политики в антизападном направлении. Существует также целый ряд стран, таких, как Иран и Венесуэла, которые побуждают Россию сотрудничать с Китаем, чтобы сыграть ведущую роль в создании экономического, политического и военного противовеса США. А действия таких постсоветских государств, как Грузия, которые искусно играли на противоречиях Вашингтона и Москвы в своих интересах, могут вызвать эскалацию напряженности. То, как Путин режиссирует

процесс передачи власти, чтобы сохранить за собой доминирующую роль, делает маловероятными крупные сдвиги во внешней политике России. Но у новых кремлевских лидеров могут быть собственные идеи и собственные амбиции, а политическая неопределенность либо экономические проблемы способны вызвать у них соблазн начать эксплуатировать националистические настроения, чтобы укрепить собственную легитимность.

Если отношения ухудшатся, вето России в Совете Безопасности ООН может лишить этот орган возможности хотя бы иногда придавать законность военным акциям США или вводить чувствительные санкции против государств-изгоев. Врагам Соединенных Штатов могут придать храбрости новые источники вооружений из России, а также политическая защита и защита в сфере безопасности со стороны Москвы. Международные террористы могут найти прибежище в России либо в странах под ее протекторатом. А Китаю разрыв американо-российских отношений позволит вести себя гораздо более гибко в отношениях с Соединенными Штатами. Это не станет новой холодной войной, потому что Россия не будет глобальным соперником и вряд ли возьмет на себя роль главной движущей силы в противоборстве с Америкой. Но она может создавать стимулы и служить прикрытием для тех, кто будет противостоять Вашингтону, с потенциально катастрофическими результатами.

Было бы безрассудно и недальновидно толкать Россию в этом направлении, повторяя ошибки прошлого. Необходимо работать над тем, чтобы не допустить опасных последствий возобновившегося противостояния США и России. Но в конечном счете Москва будет сама принимать решения. А учитывая историю плохих политических решений Кремля, столкновение может произойти независимо от желания Вашингтона. И если это случится, Соединенные Штаты должны подойти к проблеме соперничества, проявив реализма и целеустремленности больше, чем они проявили в своих половинчатых попытках партнерства.

Многополярность и многообразии

Тьерри де Монбриаль

«ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО» И ДРУГИЕ СТРАНЫ

Соединенные Штаты теряют — отчасти из-за допущенных стратегических и тактических ошибок — свое превосходство в мире, которое, как казалось после краха Советского Союза, они приобрели на длительную перспективу. США, как и раньше, намного опережают другие государства и еще надолго останутся главной мировой державой, однако говорить о «супердержаве» теперь вряд ли уместно. Завязнув в «войне против терроризма», Америка в значительной степени лишилась той свободы действий, которой обладала раньше.

Страны — члены Европейского союза по-прежнему пытаются без энтузиазма приспособиться к шаткому лидерству Америки, рассчитывая при этом на скорый уход Джорджа Буша. В области внешней политики ЕС все еще в значительной мере зависит от основополагающих отношений с Соединенными Штатами. Ему трудно отмежеваться от «старшего брата», даже когда тот допускает ошибки. С этой точки зрения вступление в Евросоюз новых проамерикански настроенных членов, в частности Польши, более чем компенсировало стремление Германии после ее объединения и устранения советской угрозы несколько отдалиться от Америки.

Тьерри де Монбриаль — член Академии гуманитарных и политических наук, основатель и генеральный директор Французского института международных отношений, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике». Статья представляет собой выдержки из текста, опубликованного в сборнике *RAMSES-2008* — ежегодной энциклопедии актуальных международных проблем под редакцией Тьерри де Монбриаля и Филиппа Моро-Дефаржа.

Европейский союз располагает определенным экономическим потенциалом и, проповедуя отказ от любой формы гегемонии, воздействует на мировое развитие посредством «мягкой силы» (*soft power*), что очевидно для всякого внимательного наблюдателя. ЕС можно расценивать как один из формирующихся политических центров в многополярном мире, который все больше становится реальностью.

Вместе с тем свобода действий Евросоюза также структурно ограничена, поскольку общеевропейская идентичность еще не сложилась, идет ли речь о политической организации сообщества или о его общекультурных основах. Прогресс в обеих сферах по определению требует времени. Что же касается общеевропейских институтов, то настоящим прорывом по сравнению с Ниццким договором (декабрь 2000 г.) стали компромиссные решения по новому договору, принятые на саммитах в Брюсселе (июнь 2007 г.) и Лисабоне (октябрь 2007 г.). И хотя достигнутый результат вызвал у кого-то разочарование вкупе с ностальгией по европейской Конституции и всей ее атрибутике, он, бесспорно, является шагом вперед.

С точки зрения Запада, или трансатлантического сообщества, самым важным явлением международной жизни на среднесрочную перспективу станет усиление и распространение на политической арене «исламского влияния». Борьба с этим феноменом, представляющим угрозу Западу, в первую очередь Соединенным Штатам, требует от европейских стран значительных усилий.

РОССИЯ, КИТАЙ И ВЕДУЩИЕ СТРАНЫ С ВЫСОКИМИ ТЕМПАМИ РАЗВИТИЯ

Происходит это в момент, когда Россия возвращается на мировую арену, а Китай постепенно превращается в третью экономическую державу планеты и все более открыто заявляет о себе как о политической силе глобального масштаба. Ни Москва, ни Пекин не торопятся принять идеологические ценности Запада. Обе страны представляют собой формирующиеся мировые центры.

Стремление КНР утвердиться в качестве одного из глобальных лидеров проявляется, скажем, в крупных инвестициях в авиастроение и космическую отрасль военного характера, а также во все возрастающей экономической и политической активности в ряде регионов планеты в частности в Африке. Деятельность китайской дипломатии весьма заметна в самых разных странах, порой даже там, где этого трудно было ожидать, как, например, в Сербии или в Во-

сточном Тиморе. Что касается России, то ее вновь обретенный динамизм проявляется везде, где это возможно, в частности в вопросах, связанных с ситуациями вокруг Косово и Ирана.

В сегодняшних обстоятельствах состав постоянных членов Совета Безопасности ООН относительно адекватен. Относительно, так как Великобритания и Франция не являются представителями Европейского союза в Совбезе, а выступают как независимые государства. Адекватен, поскольку было бы трудно обосновать включение в число постоянных членов СБ ООН других неевропейских стран кроме США, России и Китая.

Действительно, к примеру, Япония остается второй экономической державой мира, но до сих пор она либо не захотела, либо не сумела стать независимой в политическом отношении. Чтобы исправить такое положение, Токио необходимо изменить Конституцию, принятую еще при генерале Дугласе Макартуре.

Среди остальных возможных кандидатов на постоянное членство в Совете Безопасности ООН стоит назвать Бразилию и Индию, которые вместе с Россией и Китаем составляют так называемую группу БРИК. Их экономический потенциал весьма велик, но политическое влияние в мире (в особенности Бразилии) ограничено.

Вообще, Южная Америка по-прежнему является заложницей своего бурного прошлого. Так, после переизбрания президентом Венесуэлы в конце 2006 года Уго Чавес возложил на себя всю полноту власти, намереваясь, возможно, впоследствии провозгласить себя пожизненным лидером. Несмотря на сомнительную экономическую политику Чавеса, дождь из нефтедолларов позволяет ему играть в популизм и преподносить себя как преемника Фиделя Кастро в борьбе с американским империализмом.

Мировым центром XXI века становятся азиатские страны в их совокупности. Вместе с тем сложно предугадать, каким образом удастся разрешить крупные противоречия, существующие, в частности, между Индией, Японией и КНР. Многое будет зависеть от развития ситуации на Корейском полуострове. Благодаря прогрессу в деле урегулирования ядерной проблемы, стало возможным говорить о перспективе нормализации отношений между Вашингтоном и Пхеньяном.

Таким образом, мир становится многополярным и гетерогенным, но в обозримом будущем основные тенденции мирового развития будут связаны, очевидно, с позицией Соединенных Штатов и

«исламским влиянием», с построением единой Европы, с возвращением России на мировую арену и с перегруппировкой Азии вокруг Китая как основного полюса. Однако контекст всего этого определяется вопросом о смысле и будущем глобализации.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:

ПОЛИТИКА ПРЕОБЛАДАЕТ НАД ЭКОНОМИКОЙ
Фундамент современной глобализации — это революция в области информационных технологий. Последние позволяют решать такие общемировые проблемы, как распространение оружия массового уничтожения либо отмывание грязных денег. Однако барьером на пути глобализации оказываются национальные чувства, что вызывает недоумение у приверженцев либерального мышления. Хотим мы того или нет, складывающийся миропорядок не единообразен. Если говорить более конкретно, то нет никаких шансов на то, что из шести миллиардов наших современников с американским видением мира согласится хотя бы относительно значимое меньшинство. Новая многополярность гетерогенна.

Сказать, что мироустройство гетерогенно — значит признать, что общественно-политические образования, и особенно на фоне их превращения в самостоятельные полюсы, не разделяют в одинаковой степени ценности, заложенные в эпоху Просвещения и безоговорочно признанные Европейским союзом и США.

Поскольку такая гетерогенность является свершившимся фактом, не стоит удивляться, что западный этноцентризм вызывает отторжение в странах, влияние которых растет благодаря успехам в экономике, как, например, в Китае либо в «самой большой демократии мира» — загадочной Индии. Еще явственнее неприятие западных ценностей проявляется у народов, которые до сих пор не могут разобраться с наследием своего прошлого. В первую очередь это касается арабо-мусульманских стран.

Примерно сто лет тому назад именно гетерогенность, неоднородность мира помешала глобализации и привела к Первой мировой войне. Затем, несмотря на развитие технологий, потребовалось более 70 лет, чтобы (после развала Советского Союза) сложились благоприятные политические условия для новой глобализации. Если предположить, что и она может потерпеть неудачу, то какие факторы способны к этому привести? Очередная неудача опять чревата мировым размежеванием. Раскол после Первой мировой войны был

ужасен. Возможен ли менее драматичный сценарий? Я думаю, да. Для начала, например, следует перекрыть каналы свободного передвижения капитала, что технически возможно.

Суть экономической реальности, называемой глобализацией, заключена в финансовой сфере. Свобода перемещения капиталов росла по мере развития информационно-коммуникационных технологий и преодолевала границы, стирая одновременно различия между формами вложения капитала и частной собственности, на которых прежде основывались монетарные системы и экономические теории. 1990-е были отмечены крупными сделками. На фоне появления частных акционерных капиталов (*private equity*) и хедж-фондов (*hedge funds*) происходили глубокие изменения в процессах слияния и приобретения компаний, успех которых в большей степени зависел от конъюнктуры на все более нестабильных финансовых рынках. По коммерческим соображениям самые крупные предприятия могут сегодня в одночасье сменить владельцев, оказаться поделенными на несколько более мелких фирм или же, напротив, стать частью большой компании.

Пока подобные процессы, связанные с движением капитала, не выходили за пределы сообщества западных стран, они лишь отчасти затрагивали национальные чувства. Такого понятия, как «экономический патриотизм», не существовало. Но с выдвиганием на первый план России, Индии, Китая ситуация может измениться. Так, например, благодаря политике Владимира Путина и, конечно, не без помощи возросших цен на нефть российская экономика восстала из пепла. Появился ряд процветающих промышленных гигантов, которые, как, к примеру, «Роснефть» либо «Русал», выходят или собираются выходить на крупнейшие западные биржи. Эти предприятия обладают значительными ресурсами и способны использовать рыночные и финансовые инструменты для того, чтобы проникнуть в самое сердце западного капитализма. Правила игры в российской экономике отнюдь не прозрачны, но было бы ошибочно видеть руку Кремля за каждой более или менее значимой коммерческой сделкой с участием российских компаний. Так было, в частности, в 2006 году, когда российская «Северсталь» планировала приобрести французскую *Arcelor* (которую в итоге купил индийский миллиардер Лакшми Миттал).

В 2007-м новый фактор стал оказывать серьезное влияние на мировую экономику. Наряду с традиционной практикой инвестирования государственных средств в ценные бумаги Федерального казначейства США и американские доллары формируются так называемые «све-

ренные фонды» (государственные), средства в которые поступают из национальных валютных резервов и вкладываются в капитал крупных зарубежных предприятий. При этом следует учитывать, что Китай обладает резервами в 1 200 млрд дол., а валютные запасы России оцениваются в 200 млрд долларов. В политическом смысле эту ситуацию уже не сравнить с семейными финансовыми вложениями шейхов и эмиров из Катара либо Объединенных Арабских Эмиратов.

А вот западным инвесторам вряд ли удастся приобрести в ближайшем будущем значительную долю, а тем более контрольный пакет акций более или менее крупных российских либо китайских предприятий. Таким образом, сложность ситуации обусловлена экономической асимметрией (форма гетерогенности) вкуче с гетерогенностью политической. Одно дело — торговля товарами и услугами, совсем другое — смешивание государственных и частных капиталов и приобретение власти, которую имеет собственник: ведь экономическая власть — прямая дорога к власти политической. С усилением России, Индии, Китая и реальным вступлением этих стран в большую финансовую игру глобализация подвергается первому серьезному испытанию.

ИСЛАМ В ПОЛИТИКЕ

Гетерогенность современного мироустройства особенно отчетливо проявляется на фоне роста и укрепления исламского влияния. 33-дневная ливано-израильская война летом 2006 года привела к тому, что партия «Хезболла» утвердилась в качестве одной из основных политических сил в Ливане. Движение ХАМАС захватило власть в секторе Газа, хотя и оказалось в полной изоляции. Впрочем, и на правом берегу реки Иордан влияние этого движения по-прежнему ощутимо. Поскольку «Хезболла» и ХАМАС пользуются поддержкой Ирана и Сирии, можно сказать, что последним удалось набрать политические очки.

В Ираке ситуация продолжает ухудшаться. Население вынуждено владеть жалкое существование, и уровень жизни объективно снизился даже по сравнению с последними годами правления Садама Хусейна. Будущее страны, постепенно превратившейся в главный очаг терроризма, крайне туманно.

Ситуация усугубляется тем, что западным странам никак не удастся найти совместный подход к решению проблемы и — тем более — выработать общую политическую стратегию. Европа все еще слиш-

ком разделена, и это становится особенно очевидным, когда возникает необходимость возразить американскому президенту. Сможет ли новое поколение лидеров трех основных европейских держав (Ангела Меркель, Николя Саркози, Гордон Браун) действовать более решительно? Однако ответ на главный вопрос мы получим, скорее всего, лишь после выборов в Соединенных Штатах в 2008 году.

По мнению США, их союзников и большинства мировых держав, в частности России и Китая, доступ Ирана к ядерному оружию означал бы катастрофическое распространение в регионе средств массового уничтожения. Тегеран утверждает, что именно по этой причине он не собирается переходить через опасную черту. При этом президент Ахмадинежад не упускает случая сделать провокационные заявления в адрес Израиля или пренебречь санкциями ООН. Однако, учитывая, что Иран проявляет определенную готовность сотрудничать с Международным агентством по атомной энергии, можно надеяться на улучшение ситуации.

По всей вероятности, Иран готовится к крупномасштабным переговорам, которые, впрочем, вряд ли возможны, пока Джордж Буш занимает президентское кресло. В центре переговоров наряду с проблемой ядерных технологий могли бы также стоять вопросы о возможности признания Вашингтоном исламского режима, равновесии в регионе и экономическом сотрудничестве. Пока же в ожидании благоприятного стечения обстоятельств Тегеран укрепляет свои позиции: продолжает развивать ядерную программу, усиливает влияние в Ираке, Ливане, Палестине и в целом в шиитском мире.

Несмотря на экономический рост в 8 %, состояние иранской экономики, полностью зависящей от цен на нефть, оставляет желать лучшего. Как ни парадоксально, иранские власти никогда не вкладывали большие средства в переработку нефти. Введение ограничений на потребление топлива вызвало сильное недовольство населения. Некоторые религиозные лидеры открыто подвергли критике иранского президента, а группа экспертов поставила под сомнение эффективность его экономической политики. Ощутимо усилились репрессии против оппозиционеров.

Во внутривнутриполитическом плане Тегеран отнюдь не в состоянии контролировать все источники недовольства и возможных беспорядков. Не случайно иранские стратеги проявляют определенный интерес к «китайской модели»: как и компартия Китая, тегеранские власти понимают, что невозможно бесконечно отрицать любую возмож-

ность критики со стороны общественности. Западным странам стоит следить за происходящим и способствовать естественной эволюции иранского режима, вместо того чтобы изолировать его с целью последующего свержения. Ведь неизвестно, что придет ему на смену.

Таким образом, следует наладить отношения с Ираном, а также урегулировать израильско-палестинский конфликт. Опыт американских президентов, вступивших в должность в период после окончания холодной войны — Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего, — показывает: для создания условий, при которых возможно решение ближневосточной проблемы, ею необходимо заниматься с самого начала президентского срока и в сотрудничестве со всеми странами региона. Необходимо также поддерживать стремление арабских стран к демократии, но не в наивном смысле этого слова, как в неоконсервативной идеологии «Большого Ближнего Востока», а хотя бы путем предоставления большего политического пространства тем силам, которые, не имея возможности публично выразить свою позицию, скатываются к радикализму. Ислам в политике не обязательно означает терроризм. В этой области, как и во многих других, стоит опасаться эффекта «самореализующегося пророчества».

ЕВРОПА:

РАЗНООБРАЗИЕ И ГЕТЕРОГЕННОСТЬ

У Европы нет «естественных» политических границ. В этой части планеты с размытыми пограничными линиями как нельзя лучше можно продемонстрировать разницу между «разнообразием» и «гетерогенностью».

Остановимся на трех факторах, тесно связанных между собой: расширении ЕС, отношениях с сопредельными странами и проблеме Косово.

Евросоюз явно нуждается в передышке. Теоретически новый договор должен быть ратифицирован всеми 27 странами — членами Европейского союза до 2009 года. Этот документ, подтверждающий основные положения почившей в бозе европейской Конституции, призван усовершенствовать функционирование институтов ЕС. После принятия в это объединение Хорватии следует ожидать замедления или даже замораживания процесса расширения Евросоюза.

Решение начать переговоры о членстве Турции, принятое в 2004-м, было правильным, поскольку Анкара выполнила поставленные перед ней условия, хотя вероятность положительного исхода и

представлялась сомнительной. С тех пор проблем только прибавилось. Франция, в частности, заняла непримиримую позицию: присоединение Турции разрушит однородность Европейского союза. Еще до вступления на президентский пост Николя Саркози, чье враждебное отношение к кандидатуре Турции резко снизило шансы на успешное завершение переговоров в обозримом будущем, французский парламент принял закон, предусматривающий наказание за отрицание геноцида армян.

В Анкаре это вызвало волну негодования. Турция почувствовала себя «брошенной» как Европой, так и в какой-то степени Соединенными Штатами (в американском Конгрессе осенью этого года также всерьез обсуждался вопрос о признании геноцида армян. — *Ред.*). При этом Анкара крайне озабочена проблемой Курдистана, который может стать яблоком раздора между Турцией и США.

Турецкий вопрос важен не только с экономической точки зрения. Фундаментальная суть проблемы лежит в геополитической плоскости. ЕС следует, в частности, избегать любых действий, способных быть истолкованными как «отторжение» Турции, какими бы сложными ни были переговоры об ее вступлении в Евросоюз. Тем более что благополучное разрешение конституционного кризиса, разразившегося накануне президентских выборов летом 2007 года, продемонстрировало, что турецкая демократия достигла зрелости.

Энтузиазм некоторых европейцев по поводу возможного вступления Украины в Европейский союз на следующий день после «оранжевой революции» иссяк прежде всего «благодаря» самим украинцам. Определения «прозападный» и «пророссийский», часто употребляемые в отношении украинских политических сил, должны стоять в кавычках.

К тому же геополитические факторы не являются сейчас водоразделом в борьбе за власть между политическими силами в Украине. Ни вхождение в НАТО, ни выдвижение страны в качестве кандидата на вступление в ЕС не стоят в ближайшей повестке дня. Фактически Украина осознала свой гетерогенный характер по сравнению с Западом и разумно старается утвердиться как жизнеспособное общественно-политическое образование, поддерживающее хорошие отношения как с Европой, так и с Россией. Учась демократии, украинские лидеры демонстрируют умеренный подход. Страна пытается обеспечить свое экономическое развитие, имея обнадежи-

вающие темпы роста на уровне 7 %. Это хорошая новость для стабильности европейского континента в целом.

Российский вопрос более сложен. Москва полагает, что холодная война ушла далеко в прошлое, однако не признаёт себя частью Запада. Западным странам в свою очередь трудно признать гетерогенность их бывшего противника.

Со стороны нелегко судить о том, сможет ли Кремль утверждать свое влияние в форме, более соответствующей западной концепции демократии. Тем не менее есть фактор, вселяющий уверенность. Новая российская элита в достаточной степени консолидирована, а значит, можно ожидать фундаментальной преемственности в политическом курсе после выборов в Государственную думу в декабре 2007 года и в особенности после президентских выборов весной 2008-го. Имя будущего хозяина Кремля в этих условиях не столь принципиально важно. Главное – внутренняя и внешняя политика останутся прежними.

Прохладное отношение Запада и систематическая критика, идущая из-за рубежа, дают повод Владимиру Путину осуждать надменность и неоимпериалистическое отношение западных стран, привлекая тем самым симпатии других «гетерогенных» частей мира. Когда речь идет о стратегических и экономических интересах, он ведет себя так же, как и любой другой глава государства. Не приходится удивляться его враждебности по отношению к намерениям американцев разместить элементы их системы противоракетной обороны в Польше и Чешской Республике. Эти планы напрямую затрагивают российские интересы. Кроме того, помимо двух названных государств, США не сочли нужным посоветоваться ни с одной из европейских стран, большинство которых весьма сдержанно высказались относительно целесообразности данного проекта. Впрочем, это не помешало НАТО в конечном итоге его одобрить.

Отношения между Россией и Западом осложнялись на протяжении всего 2007 года, что проявлялось в различных сферах и по разным поводам. Однако, если мы согласимся с тем, что никто не хочет возвращения холодной войны и что миропорядок может быть одновременно и открытым, и гетерогенным, мы приходим к выводу, что в отношениях между Россией и Западом не могут произойти радикальные изменения и реализм, скорее всего, возьмет верх.

Последние месяцы в Европе были отмечены усилением напря-

женности в связи с необходимостью решить вопрос о статусе Косово. Ошибкой западных стран было то, что они недооценили решимость России. Суть российской позиции такова: не открывайте «ящик Пандоры». В этом Москву поддерживает и Пекин. Косовская проблема касается его в меньшей степени, чем России, но КНР, конечно, проводит параллель с Тайванем.

Можно с полным основанием предположить, что власти Приштины проявят инициативу и в одностороннем порядке провозгласят независимость края. Но, имея лишь ограниченную свободу действия, они едва ли пойдут на самопровозглашение, если зеленый свет не зажгут США и Европейский союз, которые затем признают новое государство. В то же время ни Россия, ни Китай, ни многие другие страны их примеру не последуют. Скорее всего, произойдет цепная реакция — ход событий, не предусмотренный планом Ахтисаари. Хрупкое равновесие Республики Босния и Герцеговина тоже будет нарушено (ее «анклав» — Республика Сербская — также потребует присоединения к Сербии), не говоря уже о Македонии с ее значительным албанским меньшинством. Все это объясняет относительную сдержанность, с какой Вашингтон в конечном итоге реагирует на ситуацию, развитие которой он не смог спрогнозировать.

Благоразумие требует, чтобы на протяжении некоторого времени в данном регионе сохранялся статус-кво и при этом велись активные поиски решения, что позволило бы албанской провинции установить отношения с другими странами и с помощью ЕС обеспечить свой экономический и социальный прогресс. Одновременно необходимо работать над примирением с Сербией. Она тоже к нему стремится. Время может расставить все по своим местам, и если мы не будем торопить события, у нас появится больше шансов на то, что европейское чудо случится вновь.

* * *

Из года в год миропорядок понемногу меняется. Чтобы сохранять объективность, необходимо снова и снова с разных сторон анализировать происходящее. Только так можно надеяться на надежные прогнозы, способные предложить игрокам на мировой арене стратегии достижения договоренностей там, где это возможно.

Заключая, что мир становится многополярным и при этом гетерогенным, мы делаем вывод, который, если он верен, может иметь существенные последствия. Самое важное из них — это воз-

возможность компромисса между стремлением к минимальной общей безопасности и неизбежным существованием международной конкуренции, не только политической, но и экономической. Конкуренции, которая не исчезла с наступлением глобализации, а, возможно, даже усилилась. Сегодня остро встает вопрос о пределах глобализации.

Что касается старой мечты о мире, достигнутом посредством господства права и «многостороннего» подхода, она не скоро будет реализована. Тем не менее европейцам ни в коем случае не стоит от нее отказываться. Ведь дело европейской интеграции направлено на претворение в жизнь этой мечты на отдельно взятом кусочке земного шара. Настоящая утопия (впрочем, ее не нужно совсем отбрасывать) — это вера в то, что Европейский союз распространится на всю планету. Конечно, в условиях, которые невозможно представить себе сегодня, например, благодаря будущей технической революции. Какой реванш взяла бы тогда «Старая Европа», чуть не покончившая с собой в XX веке!

Разговор по существу

Юбер Ведрин (справа) и президент Франции Николя Саркози

“ Вопрос о протекционизме не может рассматриваться только в теоретическом плане. У нас нет выбора между полной открытостью и протекционизмом или между полным универсализмом и национальной идентичностью. Необходимо найти баланс между двумя полюсами, который позволит мировой экономике эффективно функционировать, но одновременно даст возможность каждой отдельной стране защищать свои фундаментальные интересы ”

Юбер Ведрин:

«Отказ от государств-наций — иллюзия»

«Отказ от государств-наций — ИЛЛЮЗИЯ»

В ряду французских политиков, которые занимаются международными отношениями, Юбер Ведрин (род. в 1947 г.) занимает особое место. Вершиной его многолетней карьеры стал пост министра иностранных дел (1997–2002). Ранее он работал с президентом Франции Франсуа Миттераном как его официальный представитель, а затем как генеральный секретарь аппарата. Автор ряда книг и статей по проблемам современного мирового развития. С Юбером Ведрином беседовала в Париже Вера Медведева.

— Недавнее слияние компаний *Gaz de France* и *Suez* возмутило ряд европейских стран и возобновило дискуссию относительно «национальных чемпионов» и протекционистских методов. Мы стоим на пороге возврата к протекционизму?

— Даже в нынешней глобализированной экономике, когда рыночные механизмы распространились на весь мир, любое государство в той или иной степени комбинирует рыночную открытость с элементами протекционизма. Нет ни одной полностью закрытой страны: даже в Северной Корее созданы специальные экономические зоны. Но никто полностью и не открывает свою экономику, поскольку всегда имеются определенные стратегические интересы. Посмотрите на Соединенные Штаты — они всегда твердят об экономической свободе, пропагандируют идеи либерализма, однако у них существуют очень действенные механизмы защиты национального бизнеса.

Мы можем назвать регионы мира, где экономическая свобода и открытость пустили глубокие корни. С определенной степенью допущения можно привести в качестве примера и Западную Европу. Внутренние основы функционирования экономики одновременно являются здесь составной частью идеологии. Так, европей-

цы верят в либеральную рыночную экономику и соответственно в открытость рынков. Одновременно Западная Европа последних десятилетий негативно воспринимает национализм и всякую закрытость, поскольку это может привести к войне. Даже патриотизм зачастую начинает восприниматься с опаской. Кроме того, здесь стараются не заикливаться на национальной идентичности, пытаясь воспринимать всех людей прежде всего как носителей общечеловеческих ценностей, а не как представителей какой-то отдельной национальности.

Конечно, в таком европейском подходе присутствует элемент наивности, поскольку мы прекрасно видим, что США, Россия, Китай, Индия либо Бразилия практикуют экономическую и идеологическую открытость только до определенного предела. Более того, они нередко делают ставку на протекционизм или, если хотите, на экономический патриотизм.

Вопрос о протекционизме не может рассматриваться только в теоретическом плане. Ведь у нас нет выбора между полной открытостью и протекционизмом или между полным универсализмом и национальной идентичностью. Необходимо найти баланс между двумя полюсами, который позволит мировой экономике эффективно функционировать, но одновременно даст возможность каждой стране законными способами защищать свои фундаментальные интересы.

— Европа критикует Россию за защиту ею своих интересов, хотя сама делает то же самое. Все-таки, похоже, мир движется в сторону протекционизма...

— Я не думаю, что мы движемся к протекционистскому миру. Если каждая страна будет действовать подобным образом, мы все, и Россия в том числе, просто получим глобальную рецессию. Но не стоит ожидать и полной открытости экономики. Никто не собирается отказываться от возможностей, которые предоставляет глобализация. Она является чрезвычайно эффективным механизмом, поскольку стимулирует экономический рост, помогает выйти из состояния ужасающей бедности миллионам людей во всем мире. Глобализация остается особым феноменом и с культурной точки зрения, и с точки зрения стиля жизни. Любая страна может получить выгоду от глобализации, при этом вовсе не нужно отказываться от национальной идентичности. Всегда можно найти золотую середину. Главы государств и политики как раз и пытаются найти это равновесие.

Если вернуться к вопросу о том, не слишком ли активно Москва использует протекционистские методы, то однозначного ответа здесь нет. После развала советской империи на Западе предавались иллюзиям относительно того, что Россия автоматически превратится в большую демократическую страну по типу западноевропейских. Я таких взглядов никогда не разделял. Может быть, это и случится, но не завтра и не послезавтра.

Россия — страна с невероятно богатой культурой, но она знала только авторитарные режимы. Поэтому совершенно невозможно, чтобы она чудесным образом вдруг превратилась в западноевропейскую демократию, а ее экономическая система стала идентичной рыночной экономике Западной Европы. Это — нонсенс. Даже в девяностые годы, в период правления Ельцина, когда российские руководители действовали в абсолютном согласии с американскими либералами, мне казалось, что это не продлится долго. Невозможно кардинально изменить менталитет за столь короткое время, обязательно нужен период адаптации и трансформации.

Поэтому неудивительно то, что последовало за перестройкой. После Горбачёва и Ельцина обязательно должен был появиться кто-то вроде Путина. И мне понятна его популярность, а также понятно, почему после Ельцина россияне реагируют на политику Путина именно так. Их ностальгия по временам сильного Советского Союза вполне объяснима, хотя, конечно, абсурдно думать, что они ностальгируют по эпохе тотального дефицита. Россияне забыли, что услуги, которые предоставлялись обществу, включая медицину или транспорт, были довольно-таки среднего качества, но они помнят, как все было дешево.

Мне кажется, что Россия станет такой же страной, как и остальные, демократической на свой манер, но для этого должно пройти больше времени. И перемена произойдет не под давлением западных стран, а станет следствием собственной социальной и культурной эволюции и трансформации внутренней политики.

Понятно, что сейчас Москва хочет воспользоваться своими энергетическими ресурсами. Но не будем забывать, что зависимость здесь обоюдная. Европа нуждается в нефти и газе, а Россия — в том, чтобы иметь возможность их продавать. Кроме того, Россия должна развивать и другие сектора экономики, поскольку не сможет существовать только за счет продажи энергоресурсов. А западные, и в частности европейские, технологии очень пригодятся

ей для диверсификации экономики. Так что общих интересов чрезвычайно много. Конечно, по определенным направлениям Москва может ориентироваться на альянс с Вашингтоном или снабжать нефтью Китай. Но продавать газ и нефть только китайцам было бы слишком опасно. Словом, и Россия, и Европа должны избавиться от иллюзий и сосредоточиться на естественной кооперации, которая выгодна всем.

Мне бы не хотелось давать уроки российским руководителям относительно того, в какой степени им нужно открывать свой рынок. Они вольны делать то, что считают нужным. Но при этом не надо забывать и о взаимозависимости, поскольку Москва действует не в безвоздушном пространстве. Согласование взаимных интересов — это важнейший предмет для дискуссий. И нужно помнить, что защита фундаментальных интересов не должна превращаться в свою противоположность.

— Некоторые европейские наблюдатели считают следствием благоприятной ситуации на энергетическом рынке подъем национализма в России.

— Не думаю, что правомерно употреблять слово «национализм» по отношению к процессам, происходящим в России. Допустимо говорить о национализме во Франции и Германии накануне Первой мировой войны, когда действительно наблюдались и шовинистическая истерия, и стремление к войне. Можно говорить о национализме на Балканах, где такого рода отношения исторически сложились между сербами, хорватами и другими народами. Возможно также употреблять слово «национализм» по отношению к политике администрации Джорджа Буша, особенно ее неоконсервативного крыла, которое олицетворял собой Доналд Рамсфелд. Но мы не можем говорить о национализме, когда Россия хочет использовать те возможности и то влияние, какие ей предоставляет обладание нефтью и газом.

— Лет тридцать назад было модно рассуждать о едином Европейском союзе без государств-наций, а теперь об этой идее даже не вспоминают.

— Это была полная иллюзия. В Европе всегда присутствовала небольшая группа тех, кого можно считать федералистами. По аналогии с Соединенными Штатами Америки они грезили о Соединенных Штатах Европы. Некоторые даже мечтали объединить Францию и Германию, хотя это была фантазия чистейшей воды. Но сегодня мы окончательно убедились в том, что такого рода воззрения чрезвычай-

но далеки от действительности. В признании подобного факта нет чего-либо трагического. Европейские страны не имеют ничего общего с Соединенными Штатами. В Америке есть административное деление, но граждане, которые ее населяют, являются жителями одной страны. Это – не объединение разных государств, а форма организации одной и той же страны. Еще первый американский президент Джордж Вашингтон говорил: «Мы все одинаковы, мы говорим на одном языке, у нас одна религия, мы имеем одинаковые права, у нас один враг – британская монархия». Ничего подобного нельзя сказать в отношении шведов и португальцев, британцев и греков. Именно поэтому идея отказа от национальных государств в Европе и полной политической интеграции являлась иллюзией с самого начала.

Вполне возможно, что в определенный момент она была продуктивна, поскольку помогала бороться против национализма после Второй мировой войны. Сами по себе подобного рода воззрения вполне привлекательны, но ведь жители европейских стран вовсе не хотели воплощения их в жизнь... Кстати, эта идея никогда не появлялась ни в каких официальных европейских документах – ни в Римских договорах, ни в последующих, поскольку их разработчики были очень осторожны в данном вопросе.

То, к чему стремилась Европа, Жак Делор называл федерацией государств-наций. Франция при этом остается Францией, Германия – Германией, Польша – Польшей и т. д., но одновременно они образуют союз, который позволит осуществлять общую политику по многим направлениям. Таким образом, европейская конструкция вовсе не похожа на другие объединения. И в данном случае мы не можем говорить о национализме – это совершенно иное. Канцлер ФРГ Ангела Меркель защищает интересы немецкой индустрии, но это не национализм. Возможно, здесь следовало бы говорить об «экономическом патриотизме». Так что в настоящее время заметно роста национализма в Европе нет.

– **Николя Саркози активно продвигает идею создания поста президента Европейского союза, что должно придать бóльшую четкость аморфному восприятию единой Европы. Но при этом каждая европейская страна защищает прежде всего собственные интересы. Каково же ближайшее будущее объединенной Европы?**

– Идея президентства в ЕС дискутируется уже с десятков лет. Великая эпоха объединенной Европы связана с именами Франсуа Миттерана, Гельмута Коля и Жака Делора – политиков, деятельность ко-

торых пришлось на 80–90-е годы прошлого века. Именно тогда были заложены основы будущего развития, определены параметры расширения Европы, общего экономического союза, приобрела реальные очертания идея единой валюты. И именно тогда начала воплощаться в жизнь мысль о более тесном политическом союзе. Но не с точки зрения федерализма, не путем объединения народов, а через формирование наднациональных структур, которые могли бы проводить в определенных вопросах единую экономическую и политическую линию. Делор всегда был реалистом. Он, например, постоянно настаивал на том, что каждая европейская страна должна сама осуществлять социальную политику. Мы не можем, считал он, проводить какую-то умозрительную единую европейскую социальную политику, поскольку различия между странами слишком велики.

Но, несмотря на признание необходимости сохранить национальную идентичность, в ту эпоху активно обсуждалось, какими действиями и даже какими символами можно реализовать идею укрепления единого Европейского сообщества. И предложение учредить пост президента Евросоюза с достаточно длительным по времени мандатом появилась именно тогда, по крайней мере в начале президентства Жака Ширака. Кроме того, крепло убеждение, что должность, которую сейчас занимает Хавьер Солана, представляя объединенную Европу на политической арене, следует преобразовать в пост общеевропейского министра иностранных дел.

Николя Саркози не внес ничего нового по сравнению с предыдущими обсуждениями. Но в заслугу ему можно поставить то, что предложенный им вариант решения проблемы позволил выйти из тупика, в который попал Европейский союз после провала референдумов по европейской Конституции во Франции и Нидерландах. Было очевидно, что в случае проведения подобного референдума в Великобритании англичане тоже проголосовали бы против. Такого же результата можно было ожидать и во многих других европейских странах. Именно поэтому ставилась задача спасения если не всего конституционного проекта, то хотя бы принципиальной его части. И идея Саркози о подписании упрощенного договора как раз и состояла в том, чтобы найти согласие в главном, не проводя дальнейших референдумов.

В политическом плане Европа не продвинется дальше того упрощенного договора, который предлагает Николя Саркози. Поэтому мы можем ожидать только того, что предсказывал еще Жак Делор, то

есть создания конфедерации национальных государств, которые сообщают действуют в некоторых областях, но при этом сохраняют суверенитет. А по отношению к экономическому пространству, где принят евро, можно говорить о федерации государств-наций. Но никогда не будет единой Европы с единым народом и единым для всех президентом. Никогда! Я, конечно, могу и ошибаться, но это — мое мнение.

— **А что вы думаете о дальнейшем расширении Европейского союза?**

— Лично я выступаю за то, чтобы установить границы расширения. В определенный момент нужно остановиться, иначе весь европейский проект просто умрет. Некоторые полагают, что чем больше стран входит в ЕС, тем он сильнее. Другие утверждают, что в случае дальнейшего присоединения к нему новых государств Евросоюз более не будет однородным, и находить совместные решения станет еще труднее.

Будущее единой Европы — это не только вопрос политической интеграции и географических границ. Это еще и вопрос о том, что будет представлять собой Европейский союз в мире. Станет ли он просто зоной с чрезвычайно приятными условиями жизни или же будет являться реальной мировой силой? Некоторые европейские руководители полагают, что для защиты наших ценностей и нашего стиля жизни непременно нужно быть влиятельной силой на мировой арене, в частности, по отношению к России, Китаю или арабским странам. А другие, наоборот, боятся этого, считая, что не следует трансформировать ЕС в особый полюс силы. И опасения, которые они высказывают, базируются на опыте прошлого, когда некоторые европейские страны уже пытались демонстрировать силу. Конечно, хорошо бы создать пацифистскую влиятельную Европу. Это вполне возможно и было бы просто идеально.

— **А как обстоят дела со столь любимой европейскими политиками концепцией многополярности? Она уже воплотилась в жизнь?**

— Все вопросы многополярности либо однополярности слишком теоретические. Можно посмотреть на вещи под другим углом зрения. Страны становятся все более зависимыми друг от друга, поскольку они экономически нуждаются друг в друге. В современном мире невозможно жить изолированно, как это когда-то веками мог позволять себе, например, Китай. А если страны всё более взаимозависимы, то они должны договариваться. Иногда они ведут переговоры на двусторонней основе, иногда — на многосторонней. Но мы не можем выбирать только двусторонность или только многосторонность.

Каждое государство защищает собственные интересы. И если в какой-то момент окажется более выгодно общаться на двусторонней основе, то такой путь и будет избран. А если необходимо согласие между тремя странами, то они и попытаются договориться между собой. Ну а когда требуется международное одобрение того или иного шага, то дискуссии будут проходить в Организации Объединенных Наций. С другой стороны, коалиции постоянно изменяются, поскольку нет силы, которая бы в одиночку организовывала весь мир. Те, кто говорит о том, что «мы превратим мир в многополярный», сами не представляют себе, как именно они собираются действовать. Разве что переместиться на Марс и сконструировать что-нибудь там...

В реальном же мире одни только призывы мало что значат. Если нет какой-то особой силы, которая глобально властвует над миром, значит, нельзя говорить об однополярности. И когда я утверждаю это, то имею в виду не только Соединенные Штаты. Не является такой силой и ООН. Ведь по большому счету что такое ООН? Это — некая площадка, где международное сообщество обсуждает насущные вопросы. Но затем Россия действует в интересах России, Китай — в интересах Китая, Америка — в интересах Америки. Именно поэтому не нужно представлять себе мировое развитие как отлаженный и организованный процесс. И мы не знаем, изменится ли это в будущем.

Очевидно одно: когда страна сильна, то практически всегда она склонна действовать независимо и в одностороннем порядке. И наоборот. Это объяснимо, поскольку влиятельное государство в большинстве случаев может само решить свои проблемы и не нуждается в чужом мнении. Чтобы подтвердить этот вывод, даже не надо оглядываться на крупные державы — достаточно взглянуть на Израиль.

Например, Соединенные Штаты всегда были унитаристами, а вовсе не только при администрации Джорджа Буша-младшего. До Буша это осуществлялось более скрытым образом и не так сильно бросалось в глаза. Выглядело это приблизительно так: «В принципе мы хотим согласия между всеми, но если не получается договориться, то будем действовать в одиночку». А при Буше произносилось: «Будем действовать в одиночку». И его администрация начинала переговоры лишь тогда, когда у партнеров просто не было другого выхода. То есть внешне подход изменился, но и сейчас, и раньше США тяготели к односторонним действиям.

Россия, как сильная страна, также нередко действует в одиночку. Обладая запасами нефти и газа, она может пренебрегать чужим мнением. То же самое можно сказать о Китае. В прошлом практически все влиятельные европейские короли вели себя, как Джордж Буш либо Владимир Путин, защищая свои национальные интересы. Современная Европа теперь уже не способна проводить ту же политику, тем более что после всех войн европейские страны просто боятся такого поведения. Именно поэтому европейцы постоянно призывают к совместным поискам решения проблем, главным образом путем дискуссий. На этом пути Европа продвинулась достаточно далеко, однако для остального мира желаемое зачастую выдается за действительное.

– А как вы относитесь к необходимости реформирования ООН и возможной отмене права вето в ее Совете Безопасности?

– Кто реально может изменить нынешнюю ситуацию? Разве Россия будет голосовать за отмену права вето или Америка – за расширение состава Совета Безопасности? Когда в Ялте Сталин, Рузвельт и Черчилль обсуждали будущее Европы, то все были согласны, что нужна некая структура, которая могла бы помочь создать послевоенный мир. Причем это была организация победителей. Соединенные Штаты и Советский Союз подчеркивали, что их вступление в Организацию Объединенных Наций невозможно, если они не смогут контролировать ситуацию. Они не хотели допустить, чтобы Генеральная Ассамблея ООН могла проголосовать против них. Именно тогда и возникло право вето. Если мы аннулируем его, то Франция и Великобритания, наверно, останутся в ООН, но Россия и Китай почти наверняка выйдут из этой организации. Чтобы менять что-то в структуре ООН, необходимо согласие двух третей Генеральной Ассамблеи и одобрение всех постоянных членов Совета Безопасности. Вряд ли сейчас такое согласие на кардинальные изменения может быть получено. Либо нужно действовать так же, как и после Второй мировой войны, когда все решали победители.

– Вы специалист одновременно и по российской, и по американской политике. Чего вы ждете от Америки после президентских выборов?

– Мы движемся к хаотически многополярному миру. Соединенные Штаты продолжают оставаться основным игроком, но появятся и другие сильные участники: Россия, Китай, Япония, Индия, Бразилия... Кроме того, реальной политической силой может стать объединенная Европа. Если же этого не произойдет, то Франция, Гер-

мания и Великобритания продолжают самостоятельно играть важные политические роли.

Мы вправе ожидать появления новых альянсов по тому или иному вопросу, когда, например, Америка, Россия и Европа выступят заодно против Китая. Но не трудно представить себе и абсолютно иные конфигурации, если страны объединятся против Москвы. Россия не имеет такой мощи, как Соединенные Штаты, но обладает реальным влиянием. И никто не предскажет, как в будущем распределится баланс сил, а неопределенность делает систему нестабильной.

Если говорить конкретно о США, то я не ожидаю, что курс следующего президента будет противоположен теперешнему, поскольку в американской политике всегда присутствуют элементы преемственности. Джордж Буш уже сейчас проводит отнюдь не ту же линию, что раньше. Между первым и вторым сроками его президентства просматривается явное отличие. Кроме того, как я уже подчеркивал, крупные державы всегда склонны к односторонним действиям. Другое дело, что они могут при этом вести себя достаточно уважительно по отношению к другим, тогда как Буш в начале своего правления проводил грубую политику.

После следующих президентских выборов Соединенные Штаты будут по-прежнему считать, что они играют особую роль в мире, что на них возложена цивилизаторская миссия и что они должны нести ценности демократии и либеральной экономики всем остальным. Америка верит в свое особое предназначение. И такого рода настроений не исчезнет с приходом нового президента.

С другой стороны, конечно, возможны существенные изменения. Например, что касается Ближнего Востока, позиция администрации Буша практически полностью совпадала со взглядами правых в Израиле — я имею в виду партию «Ликуд». Они одинаково смотрели на палестинский вопрос и на отношения с арабским миром. После президентских выборов мы можем ожидать возврата к более реалистическим и более прагматичным воззрениям.

— Китай при каждом удобном случае подчеркивает отсутствие у него глобальных политических амбиций. Вы в это верите?

— Даже специалисты по Китаю не имеют единого мнения на этот счет. Если смотреть с исторической точки зрения, то Китай никогда не претендовал на то, чтобы оказывать какое-то особое влияние. Это Запад всегда стремился изменить окружающий мир. Такой подход в определенной степени формировался христианской

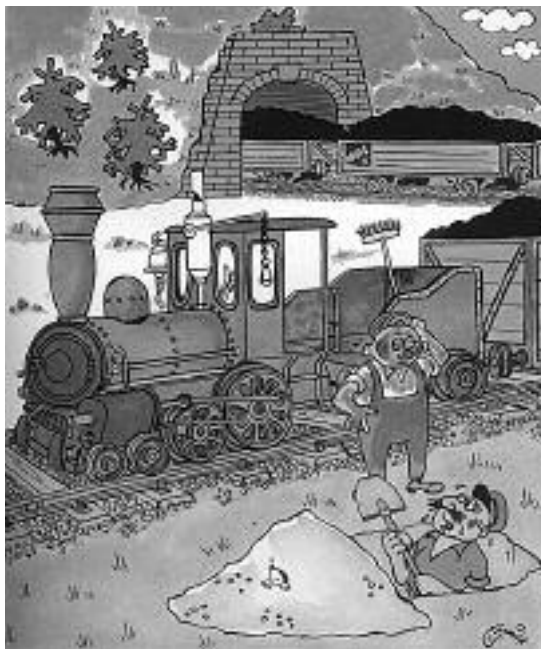
религией. Существуют две конфессии, которые всегда стремятся обратить людей в свою веру: это ислам и христианство, особенно католичество и протестантизм. В гораздо меньшей степени это присуще православию. Именно склонность католичества и протестантизма к миссионерству стала основой колонизации.

В религии и истории Китая ничего подобного не просматривается. Эта страна никогда не ставила перед собой задачу доминировать в мире. Китайцы совершили великие географические открытия очень рано, много раньше европейцев, используя суда гораздо более внушительные, чем корабли Христофора Колумба. Многие полагают, что они добрались и до Америки, не говоря уже об исследовании ими Африки. Но однажды император сказал, что дальние путешествия прекращаются, поскольку китайцев это больше не интересует. Они считали себя центром мироздания. Если варвары хотели к ним приезжать, то они могли это делать, а если не хотели, то могли и дальше пребывать в темноте и невежестве. Китайцев совершенно не увлекала роль просветителей.

Мне кажется, этот менталитет будет проявляться и в дальнейшем. Не думаю, что поведение Китая может напоминать действия Европы либо Америки. Но никогда нельзя забывать о естественной логике развития, которая подталкивает экономически сильные державы к тем или иным политическим шагам. Китай развивается экстраординарными темпами, он нуждается в нефти, газе, полезных ископаемых, в прокладке новых трубопроводов, в мощном торговом флоте. Стране придется обеспечивать свою экономическую безопасность. И даже если Пекин и не проявляет сегодня интереса к политическим союзам с Россией либо с Европой, рано или поздно начнет действовать логика экономического развития.

Хотя интеллектуально и политически Китай и не запрограммирован на доминирование в мире, но движение по пути становления великой державы может увести его достаточно далеко. Если появятся реальные трудности, то могут возникнуть разного рода коалиции государств, которые захотят сдержать влияние Китая, и Пекину придется на это реагировать. Уже в эпоху Цзян Цзэмина был принят на вооружение лозунг «мирное возвышение Китая». То есть взят курс на подъем, но процесс этот будет мирным. Однако далеко не все верят этому. Так что вопрос о будущей политике Пекина пока остается открытым.

Энергетический коктейль

«Если мы не найдем здесь угля, нам отсюда вовеки веков не выбраться». Журнал *Eulenspiegel*, ГДР, 1962 г.

“ В случае с энергетикой модные термины «гарантия поставок» и «гарантия спроса» можно расшифровать следующим образом: речь идет о максимальной прозрачности во всем, что касается ресурсов, спроса и планов на будущее. Возможно, в основу энергетического диалога следует положить принципиальное соглашение, которое придет на смену Энергетической хартии ”

ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие на равных?

Пекка Сутела

62

«Третий пакет» и будущее «Газпрома» *Татьяна Романова*

69

Европейская энергобезопасность и уроки истории

Надя Кампанер

84

Как биотопливо может заставить бедняков голодать

Карлайл Форд Рунге, Бенджамин Сенауэр

96

ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие на равных?

Пекка Сутела

У Европейского союза есть сосед, доля которого в общем товарообороте слишком мала, чтобы рассматривать его как серьезного торгового партнера. Зато он производит нечто, без чего поезда остановятся, самолеты не взлетят, а наша с вами жизнь значительно осложнится. Поэтому для Евросоюза он важнее, чем можно предположить исходя из торгового баланса.

Речь идет о Швейцарии и ее часах.

Наша зависимость от российских энергоресурсов, и в первую очередь от газа, — проблема куда более серьезная, чем привязанность к знаменитому швейцарскому товару. На то есть две причины.

Во-первых, швейцарские часы легко заменить другими, например японскими. Можно открыть и собственное производство. Иное качество, менее престижные марки, но адекватная и доступная замена обеспечена.

Хотя потребность в энергоносителях, как и их доступность, — величина переменная, а замена ресурсов вполне возможна, необходимо учитывать экономию на масштабе и риск невосполнимых затрат. Переход от российского газа, скажем, к итальянской ветряной энергии — не такое простое дело.

Во-вторых, швейцарские часы производятся частными компаниями, не зависящими от политических планов Берна. С энергоноси-

Пекка Сутела — руководитель Института переходной экономики Банка Финляндии. Данная статья отражает личное мнение автора, которое может не совпадать с позицией Банка Финляндии, Евросистемы и других организаций. Статья основана на материалах, подготовленных для подкомиссии по иностранным делам, оборонной политике и политике развития при Специальном комитете Британской Палаты лордов по вопросам Европейского союза.

телями ситуация иная. Огромная часть мировых запасов нефти контролируется государствами или государственными компаниями. Все крупные поставщики газа в ЕС являются национальными монополиями, на поведение которых неизбежно влияют политические и стратегические заботы правителей.

Есть и **третий** фактор: государственная компания по-разному функционирует в либеральной капиталистической стране типа Норвегии и в условиях российского авторитарного капитализма.

Политическая задача Норвегии проста и понятна: повысить благосостояние граждан. Цели ставятся на более длительный срок, но, по сути, мало отличаются от целей частной компании, работающей на обогащение владельца. Государственная монополия не осложняет политику норвежского газопроизводителя и не делает ее менее прозрачной.

Задачи авторитарного капиталистического государства, такого, как Россия, неизбежно более сложны и менее прозрачны. Авторитарный капитализм возник не так давно, и пока неясно, насколько он стабилен и жизнеспособен. Подобная система существовала в Германии и в странах Южной Европы, но там она давно сошла на нет по ряду причин, не связанных с экономикой. К тому же сегодняшние Китай и Россия столь мало похожи на своих предшественников, что сопоставление едва ли оправданно и не вносит ясность.

Здесь не место для пространных дискуссий, однако, по моему мнению, авторитарный капитализм следует рассматривать как новое явление. К тому же авторитаризм подразумевает отсутствие либо дефицит отчетности и дает больше возможностей для единоличного принятия решений, продиктованных самыми разными намерениями. В большинстве случаев права собственности плохо прописаны в законодательстве. Все перечисленные проблемы обостряются, если государство пытается изменить свой мировой статус, как это происходит с Россией. В результате затрагиваются не только права и обязанности иностранных компаний, работающих на территории такой страны, но и зарубежная деятельность представляющих ее предпринимателей.

Потому, хоть образ и занятен, российская энергия — это все же не швейцарские часы. Однако и то и другое — товар, а следовательно, на плечи того, кто стремится подчинить рынок своим политическим интересам, ложится бремя доказательства [отсутствия двойного смысла в его намерениях]. Действительно, глобальное

усиление государственного контроля над энергоресурсами и энергетический национализм — одна из крупнейших экономических тенденций последнего времени. Но это отнюдь не значит, что потребители должны в ответ усилить политический контроль над взаимосвязанными рынками.

Европейцам следует, по меньшей мере, решить для себя, являются ли энергоносители экономическим или политическим товаром. Судя по прошлым дискуссиям, возможны оба варианта, но Европейский союз, пожалуй, слишком раздроблен, чтобы прийти к единому мнению. Страны — члены Евросоюза имеют совершенно разный энергетический потенциал и разную историю инвестиций. У каждой своя, зачастую весьма печальная статистика невосполнимых расходов, свои политические интересы и соответствующее видение будущей структуры энергетики. Нельзя забывать и о различных вариантах европейского либерального капитализма, проявляющихся в отношении к вопросам конкуренции и защиты «национальных чемпионов».

Все это осложняет воплощение в жизнь призывов к созданию общей энергетической и внешнеполитической стратегии. Странам — членам ЕС полезно было бы скоординировать энергетическую политику и внутренние рынки, однако дальнейшие усилия в данном направлении не только невозможны, но и нежелательны по ряду причин.

Никакая общая политика не убедит некоторых членов европейского сообщества, что ядерная энергия — единственный путь в будущее. Другие, напротив, отказываются увеличить потребление природного газа. Торговая политика находится в ведении Европейской комиссии, но в случае с энергоносителями ее влияние просматривается далеко не всегда — отчасти потому, что принятие решений здесь зависит от многих факторов. Если, как прямо выразился кто-то из коллег, задача состоит в создании картеля потребителей того же газа, возникает простой вопрос: как будет действовать этот картель? Классический мафиозный вариант предполагает четверку громил и черный «кадиллак». Для взаимодействия с ОПЕК потребуются нечто более сложное и цивилизованное. Пока что конкретных предложений не поступало.

Взаимность — вот, пожалуй, ключевой термин торговой политики. Она бывает положительной (я пускаю партнера на рынок, чтобы он пустил меня к себе) либо отрицательной (он навредил мне, а я — ему). У экономистов всегда были проблемы с этой концепцией. Говорят, что покойная Джоан Робинсон, представительница кем-

бриджской школы», спросила однажды: если сосед заваливает свои гавани камнями, должны ли и мы делать то же самое?

Возводя торговые барьеры, мы зачастую бьем по собственному благополучию: если соседу взбрело в голову прострелить себе ногу, вовсе необязательно следовать его примеру.

Возьмем, к примеру, газоснабжение. Москва, безусловно, вредит себе, принципиально ограничивая участие иностранных инвесторов в разработке месторождений и добыче газа. В условиях энергетического национализма международные компании бывают вынуждены согласиться на роль миноритарных акционеров, кооператоров или поставщиков технологий. Однако, ограничивая варианты сотрудничества по политическим соображениям, российские власти намеренно или по неведению подрывают благосостояние страны. Многие технологии можно просто купить, но порой для их разработки необходимы особые стимулы. Неполный доступ к западным методикам управления, особенно управления проектами, может стать для России главным источником потерь. Решения, подрывающие эффективность отрасли, — это прежде всего удар по национальным интересам. И похоже, Москва осознаёт это, по крайней мере отчасти.

Ввиду фундаментальных различий между либеральным и авторитарным капитализмом Европейский союз и Россия по-разному понимают сотрудничество в энергетической сфере. Более либеральные игроки воспринимают равенство как неперемное условие, общий принцип игры. Для Евросоюза, ориентированного на рынок, взаимодействие в торговой сфере — это согласованный доступ к рынкам и инвестициям. Нужно лишь установить правила, а там уж пусть победит сильнейший.

Менее либеральные системы стремятся к равенству конечных результатов. Для России, предпочитающей государственное регулирование, взаимность в энергетике — это в первую очередь обмен активами приблизительно равной стоимости. Однако, после того как французская компания *Total* получила права на ограниченное миноритарное участие в разработке газоконденсатного месторождения Штокман, Франция не предоставила подобные привилегии ни одной из российских компаний, по меньшей мере официально. Пока неясно, достаточно ли столь ограниченного допуска иностранных партнеров для того, чтобы начать разработку огромного, но непростого Штокмановского месторождения в неоднократно заявленные сроки. Впрочем, расхождения между либеральным и авторитарным

капитализмом не стоит возводить в догму. Но они существуют, и преодолеть их непросто.

Вернемся, однако, к практическим выводам из вышеприведенных, пусть и схематических, рассуждений. Должен ли ЕС ограничить российские инвестиции в переработку и сбыт газа в соответствии с тем или иным пониманием принципа взаимодействия? Экономист скажет: нет. Если российская компания уверена, что сможет лучше организовать сбыт и ее ставка выше остальных, нужно предоставить ей эту возможность. Таково общее правило: побеждает наивысшая ставка. Если российская компания обещает первоклассную работу – дайте ей шанс показать себя. Это азы конкуренции. Если россияне не справляются, кто-то другой может подать заявку на их активы. И если владелец играет по рыночным правилам, то за этим последует приобретение пакета акций. Но кто сказал, что игра пойдет по правилам? Прежде чем обратиться к данному вопросу, отметим, что здесь затронута еще одна, более сложная тема.

Политолог Дмитрий Тренин выделяет две основные тенденции, способствующие оздоровлению российского общества.

Первая – это продолжающееся укрепление нового среднего класса. Люди хотят сами выбирать, что им делать со своими деньгами, а отсюда и модернизация, и диверсификация, и раскрытие экономики. Возможно, когда-нибудь бывшие советские подданные, а ныне российские потребители откроют новую страницу истории и эволюционируют в граждан.

Вторая благотворная тенденция – интернационализация российского бизнеса. Однако некоторые европейцы опасаются, что это приведет к русификации Европы.

Но, похоже, экономические доводы звучат не слишком убедительно как для большинства обычных граждан, так и для многих влиятельных российских политиков. Отчасти дело в живучести примитивного меркантилизма. Впрочем, есть и другие причины.

Во-первых, хотя либерализация иностранных инвестиций явно пойдет на пользу стране, российские производители вряд ли обновят и улучшат процесс газораспределения либо обслуживания заправок на территории Европейского союза. У других государств больше опыта в данном деле. Зачем же российские компании перебивают чужие ставки? Что это – самонадеянность, избыток средств или некий тайный расчет? Именно это и тревожит европейского обывателя.

И все же следует признать, что опыт далеко не всегда подтверждает подобного рода подозрения. Финляндия мало зависит от природного газа, целиком поступающего из России. «Газпром» является миноритарным акционером нашей распределительной компании, а ЛУКОЙЛ владеет второй по охвату сетью автозаправочных станций. И мы не видим в этом ничего зазорного. Более того, участие «Газпрома» обеспечило сторонам доступ к важной информации. Российская сеть АЗС работает превосходно, что признают даже конкуренты. Если мажоритарное участие Москвы по той или иной причине невозможно, то даже миноритарная доля может пойти на пользу дела.

Но есть и вторая, уже упомянутая причина: авторитарный капитализм не предполагает четкого механизма принятия решений. Что, если, завалив камнями свои гавани, российский производитель примется за соседские? Плохое управление активами ударит по деловым интересам, но, возможно, бизнес для России не главное? Как было сказано, в условиях авторитарного капитализма права собственности очерчены нечетко. Следовательно, нет и определенных правил принятия решений. Стремление приблизиться к конечному потребителю вполне оправданно с деловой точки зрения. Введение разумных цен на экспортный газ объяснимо также и в плане экономической эффективности и экологической устойчивости. Но пока явно не определены права собственности и механизм принятия решений, сохраняются и подозрения в тайных мотивах.

Если требование равного взаимодействия в газовой сфере кажется несправедливым, что уж говорить о более сложных случаях! Как, например, быть с недвижимостью, если спрос и предложение на средиземноморском побережье намного выше, чем в Черноморском регионе? И о каком равном взаимодействии может идти речь при поступлении студентов в зарубежные вузы?

Предложенный Европейской комиссией пакет по либерализации энергетического рынка вызвал оживленные дискуссии. С российской точки зрения, идею равенства внешних и внутренних участников рынка вроде бы следует не клеймить как проявление протекционизма, а, напротив, всячески приветствовать. Перефразируя высказывание канцлера ФРГ Ангелы Меркель, «Газпром» должен гордиться тем, что к нему относятся, как к «Майкрософту». Но, вероятно, кто-то всерьез опасается, что к французскому «Майкрософту» отнесутся иначе. Другое дело, что предложенный принцип расчленения энер-

гоконцернов политически нежизнеспособен по ряду внутренних причин. Вполне возможно, что нежизнеспособна и идея создания независимого системного оператора. Поэтому все, что говорится по данному поводу, следует рассматривать не как последнее слово Брюсселя, а как начало большой дискуссии, в насущной необходимости которой я, надеюсь, сумел убедить читателя.

В обозримом будущем не стоит возлагать больших надежд на отношения Евросоюз – Россия. Москва вовсе не считает, что находится на пути к либеральному капитализму. Напротив, она уверена, что у нее свой путь. По этой причине одностороннее сближение российского законодательства с правилами сообщества в духе статьи 55 старого Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) невозможно, хотя тенденции, описанные Дмитрием Трениным, действуют на этом направлении. Наивно надеяться и на то, что проблема решится, если Россия ратифицирует Энергетическую хартию. Москва этого не сделает. В более широкой перспективе Европейскому союзу не мешает задуматься: а стоит ли вообще добиваться новой всеобъемлющей договоренности наподобие СПС? Чиновники могут годами обсуждать суть и значение общих ценностей, но не лучше ли направить энергию в более плодотворное русло?

Терпение – хорошая вещь в большой политике, но многие практические вопросы требуют безотлагательного решения. В рамках четырех общих пространств ЕС и Россия столкнулись с множеством проблем – от экологических угроз и пограничных конфликтов до либерализации торговых отношений и совместных внешнеполитических задач. В случае с энергетикой модные термины «гарантия поставок» и «гарантия спроса» можно расшифровать следующим образом: речь идет о максимальной прозрачности во всем, что касается ресурсов, спроса и планов на будущее. Возможно, в основу энергетического диалога следует положить принципиальное соглашение, которое придет на смену Энергетической хартии. Оно особенно необходимо сегодня, когда стороны пересматривают политику взаимоотношений и уделяют пристальное внимание новым партнерам. Но смогут ли эти новые тенденции способствовать диалогу? Найти решение будет нелегко, пока стороны рассматривают международные отношения с принципиально разных позиций.

«Третий пакет» и будущее «Газпрома»

Татьяна Романова

В сентябре 2007 года Комиссия Европейских сообществ (КЕС) обнародовала свои предложения по «третьему пакету» законопроектов о либерализации рынка электроэнергии и природного газа. В западной и российской прессе немедленно появилось множество спекуляций вокруг опубликованных документов. Каковы же основные положения «третьего пакета», перспективы его принятия в Европейском союзе и, главное, потенциальные последствия для России?

НЕМНОГО О СОДЕРЖАНИИ

В пакет законопроектов об окончательной либерализации энергетики вошло пять документов, призванных в целом реализовать ключевые цели энергетической политики ЕС: создание конкурентного рынка, снижение нагрузки на окружающую среду и повышение энергетической безопасности Евросоюза.

Эти три задачи, представленные в Зеленой книге по энергетической безопасности (2006), составляют концептуальную основу всех действий КЕС. Они нашли отражение и в новой редакции Договора, учреждающего Европейские сообщества, который после ратификации будет называться Договором о функционировании Европейского союза.

«Третий пакет» призван произвести три существенных изменения в управлении энергетическим сектором ЕС:

- окончательное разделение сегментов бизнеса;
- укрепление регулирующих агентств;
- усовершенствование условий сотрудничества операторов сетей.

Т.А. Романова — к. полит. н., доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Первое. Законопроекты содержат намерение окончательно ликвидировать «вертикальную интеграцию», то есть отделить (*unbundling*) производящие мощности (добывающие — в случае природного газа и генерирующие — для электроэнергии) от транспортных сетей — газопроводов или высоковольтных линий электропередачи. Сегодня большая часть транспортных активов находится в руках крупных газовых и электроэнергетических компаний, что затрудняет выход на рынок новых игроков и создает препятствия для выбора потребителями своего поставщика. Нынешняя структура собственности на транспортные активы, по мнению КЕС, не способствует «правильным» инвестициям в развитие сетевых активов.

Еврокомиссия настаивает на наиболее жестком варианте выделения транспортной составляющей. Государства — члены Евросоюза могут, согласно предложенной схеме, выбрать два пути.

Первый — это раздельное владение двумя сегментами, то есть крупные производители энергии и природного газа обязываются продать свои транспортные сетевые активы независимой компании.

Второй — сохранение собственности добывающей/генерирующей компании на трубопроводы/высоковольтные линии электропередачи при условии передачи управления сетями независимой компании и жестком контроле со стороны регулятора.

В разделении сегментов бизнеса допускается несколько исключений. Первое касается миноритарных акционеров: они могут сохранять право собственности одновременно в добывающих/генерирующих и транспортных сегментах, поскольку их голос не является решающим. Второе исключение затрагивает новую инфраструктуру: в целях окупаемости она может не отделяться от добывающих/генерирующих активов компании-инвестора в течение первых лет своего функционирования. Третье исключение сделано для газохранилищ: их владельцам разрешено разделить добывающие активы и мощности хранения путем создания отдельного юридического лица и обособления управления. Таким образом, предусматривается менее жесткий способ отделения различных сегментов бизнеса.

Второе. Регулятивный контроль в энергетической отрасли предлагается усилить как на национальном уровне, так и на уровне Евросоюза. Этот компонент призван создать условия для регулярного многоуровневого контроля над тем, как европейские компании выполняют требования новых норм.

В первую очередь предполагается укрепить национальные регулирующие агентства — предоставить им самостоятельность юридического лица и бюджетную автономию. Законопроекты проясняют полномочия национальных регуляторов: они должны проводить мониторинг исполнения директив по либерализации энергетики, анализировать инвестиционные планы операторов транспортных сетей, наблюдать за прозрачностью рынка и конкуренцией, а также защищать потребителей. Все эти меры призваны обеспечить независимость регулятора (юридическую, функциональную и финансовую). КЕС также предлагает наделить регулирующие агентства правом проводить расследования и принимать юридически обязательные решения в отношении всех игроков энергетического рынка. Это означает, что национальные инстанции регулирования энергетики превратятся в псевдосудебные органы.

Кроме того, намечается создать новое агентство по регулированию энергетики на базе Европейской группы регуляторов электроэнергетики и природного газа (*EREGG*) — неформального форума для консультаций между национальными энергетическими регуляторами. Создание такого агентства, по мнению Еврокомиссии, облегчит сотрудничество национальных регуляторов по выстраиванию единой системы. Агентство будет контролировать также взаимодействие операторов сетей газопроводов и высоковольтных линий электропередачи, особенно в трансграничных вопросах, и консультировать КЕС относительно развития регулирования.

Третье. Предлагается упростить и углубить сотрудничество сетевых операторов. В целях укрепления взаимодействия компаниям, управляющим сетевыми активами, придется разработать общие технические стандарты работы сетей, взять на себя совместное управление сетями, а также инвестиционное планирование и анализ адекватности инфраструктуры. Для этого необходим официальный орган, обеспечивающий сотрудничество между операторами транспортных мощностей на уровне Европейского союза. Таким образом, в области сетевых активов также очевидно движение в сторону централизованной, общеевропейской системы управления в качестве важной опоры КЕС.

Положения реформы направлены не только на стимулирование конкуренции в энергетической сфере, но и на выстраивание общеевропейского регулирования энергетики. То есть наряду с либерализацией наблюдается и централизация управления.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА?

Все пять документов должны утверждаться Европейским парламентом и Советом министров (в составе представителей 27 государств-членов). Основные политические группы Европарламента уже высказались в поддержку законопроектов КЕС.

Позиция государств-членов более проблематична. Европейская комиссия предварила пакет законопроектов упоминанием о том, что главы государств и правительств согласились с ее инициативами. Это согласие, по версии Еврокомиссии, дано на саммитах Европейского совета в Хэмптоне (март 2005 г.) и в Брюсселе (март и июнь 2007 г.).

Действительно, главы государств и правительств высказались в поддержку дальнейшей либерализации энергетического рынка Евросоюза. Однако дьявол, как обычно, в деталях: соглашаясь с целями, государства-члены не высказываются в поддержку методов их достижения. Сегодня основные возражения вызывает разделение активов, вокруг чего и концентрируются дебаты в Брюсселе.

Традиционно противниками разделения активов выступают (хотя и по разным причинам) Франция и Германия.

Париж отстаивает привычную концепцию защиты производителей и поддержки так называемых «национальных чемпионов» — крупных компаний, способных конкурировать на мировой арене. (Не случайно *Gaz de France* и *Électricité de France* считаются в Европейском союзе священными коровами.) Еще в январе Министерство промышленности Франции направило в адрес КЕС послание, в котором подчеркивается, что целями энергетической политики ЕС должны быть уменьшение нагрузки на окружающую среду, безопасность поставок, снижение стоимости природного газа и электроэнергии (а не масштабная либерализация как инструмент снижения цен на энергетические продукты).

Германия выступает против идеи заставить частные компании продавать свое имущество, так как в ФРГ это законодательно запрещено. Именно по настоянию Берлина разработан второй вариант упразднения вертикальной интеграции. Кроме того, Германия считает, что разделение активов нарушит сложившуюся стройную систему функционирования энергетического сектора, которая основана на взаимных договоренностях и обязательствах крупных компаний.

Германия свела к минимуму свои возражения в течение первой половины 2007 года, когда она председательствовала в Евро-

союзе. Но, не будучи больше связанной обязательствами «честного маклера», она теперь может позволить себе в полном объеме отстаивать национальные интересы, которые не совпадают с позицией Еврокомиссии.

Министр по делам внешней торговли Франции Кристин Легард (ныне она занимает пост министра финансов. — **Ред.**) и министр экономики и технологий ФРГ Михаэль Глос уже назвали инициативу КЕС чистой бюрократией, заявив о намерении воспрепятствовать обязательной продаже сетевых активов. Франко-германский тандем делает законопроект практически непроходным в части разделения сегментов бизнеса.

Более того, в июле 2007-го Австрия, Болгария, Греция, Кипр, Латвия, Люксембург и Словакия направили в Брюссель письмо, в котором поддержали точку зрения Парижа и Берлина. Таким образом, при прохождении законопроектов через Европейский совет Еврокомиссия столкнется с серьезной оппозицией по первому пункту реформы.

Предложению КЕС об окончательном вертикальном разделении активов не благоприятствует и календарь председательства в Евросоюзе. Первые и основные решения Совета министров по пакету реформ совпадают по времени с председательством Словении (в первой половине 2008 года). Этому неопытному и не слишком влиятельному государству вряд ли удастся переломить негативный настрой в Совете министров.

Единства относительно законопроектов нет и на уровне различных групп интересов. Так, по мнению представителей Ассоциации электроэнергетических компаний (*Eurelectric*), инициатива КЕС не только не способствует созданию единого рынка, но и ухудшает условия деятельности компаний, поскольку лишает их гарантированных каналов сбыта электроэнергии. Ассоциация работодателей государств — членов Европейского союза (*BusinessEurope*) заинтересована в сохранении долгосрочных контрактов на поставки газа, обеспечивающих энергетическую безопасность ЕС. Она особенно подчеркивает значение устойчивых связей между крупными производителями электроэнергии/природного газа и инфраструктурными объектами.

Крупнейшие компании Евросоюза отдают, таким образом, приоритет не рынку, а именно стабильности и непрерывности поставок на любых условиях. В то же время, например, Ассоциация химических компаний (*CEFIC*) заявила, что предложения КЕС не способ-

ны разрешить самую важную проблему энергетического рынка — монополизацию сектора.

Вся эта разногласия и критика означают, что Европейская комиссия лишена своего традиционного союзника в борьбе с государствами-членами. Более того, ассоциации бизнеса и профсоюзов могут оказать серьезное лоббистское влияние и на Европейский парламент, и на Совет министров в пользу блокирования или серьезной трансформации предложений Еврокомиссии.

Государства-члены и Европейский парламент могут придерживаться двух линий поведения по проблеме вертикального разделения.

Радикальный вариант — это просто отослать законопроект назад в КЕС. Однако такое вряд ли случится ввиду необходимости создавать иллюзию успешного продвижения по пути укрепления регулируемости рынка и либерализации энергетики. Сегодня для Европейского союза крайне важно сохранить доверие собственных граждан и третьих стран к способности центральных органов и государств-членов взаимодействовать в сфере смешанных компетенций. В период ратификации «Договора о реформе», заменяющего европейскую Конституцию, государства — члены ЕС хотят продемонстрировать способность договариваться по сложным вопросам. Кроме того, для некоторых из них представляют интерес нормы законопроекта в отношении производителей третьих стран (в том числе России).

Второй путь, который может быть избран, — это коррекция предложений КЕС по выделению транспортных активов в пользу менее революционных схем. Возможно, будут смягчены условия второй модели разделения — передачи активов в руки независимой компании. При этом изменения, внесенные Советом министров, очевидно, коснутся компаний государств — членов Евросоюза, но не операторов третьих стран. Государства-члены, скорее всего, согласятся с тем, что касается усиления регулирующих инстанций и сотрудничества сетевых операторов, а также мер ограничения инвестиций третьих стран (см. ниже), поскольку принципиальным для национальных столиц является именно блокирование окончательного выделения транспортной инфраструктуры в самостоятельный бизнес.

СЛОНА-ТО МЫ И НЕ ПРИМЕТИЛИ...

Между тем концентрация внимания на разделении активов — это весьма близорукая позиция. Она затмевает значительно более важную проблему — изменение институциональной структуры регули-

рования. Речь идет о намерении укрепить национальные регуляторы и выстроить регулятивную сеть во главе с центральным агентством на уровне Европейского союза, а также развивать сотрудничество сетевых операторов. Именно эти изменения представляются намного более существенными, чем вертикальная интеграция.

Укрепление национальных агентств по регулированию энергетики будет работать прежде всего на централизацию регулирования. Сталкиваясь с критикой национальных исполнительных и законодательных ветвей власти, вновь созданные инстанции обратятся за поддержкой в Брюссель. А в стремлении утвердиться они будут активно проводить идеи КЕС. Нечто подобное уже произошло с национальными судебными органами, которые, торопясь доказать свою самостоятельность и пределы компетенций, активно сотрудничали с Европейским судом. Это и привело к созданию существующей и ныне в ЕС системы европейского права с его верховенством и прямым действием.

Создание энергетического агентства находится в русле современной системы управления Евросоюза, которая предполагает выстраивание вертикальных структур взаимодействия национальных органов и структур в отдельных сегментах рынка (химический, медицинский, продуктов питания и т. д.). С одной стороны, благодаря многоуровневому взаимодействию и коммуникации регулирующие институты укрепляются, а с другой – происходит перераспределение полномочий между государствами-членами и Брюсселем в пользу последнего.

На первом этапе агентство будет представлять собой лишь слабый координационный орган: это компромисс со стороны КЕС, поскольку государства-члены пока не готовы к радикальному перераспределению регулирующих функций в пользу надгосударственных структур. Однако в будущем можно ожидать укрепления агентства. Наглядный пример подобного развития событий – постепенное развитие Европейского агентства безопасности воздушных перевозок.

В результате энергетическая политика, которая ныне отнесена к смешанным компетенциям Европейского союза и государств-членов (как согласно действующим учредительным документам Брюсселя, так и в соответствии с договоренностями о реформе, предварительно согласованными 18–19 октября 2007 года в Лисабоне), будет все больше переходить в сферу ответственности КЕС. При этом последняя постепенно будет оказывать (косвенное) вли-

яние и на те аспекты деятельности, которые сегодня находятся исключительно в ведении государств-членов (и должны остаться там), как, например, определение внешних поставщиков или структуры энергетического баланса.

Таким образом, укрепление национальных регуляторов и создание энергетического агентства на уровне ЕС являются значительно более важными инициативами для дальнейшего развития энергетической отрасли по сравнению с разрушением вертикальной интеграции. Именно агентство позволит Еврокомиссии впоследствии централизовать большее количество полномочий в энергетическом секторе в ущерб компетенциям государств-членов. Акцентируя внимание на краткосрочных перспективах и проблемах, государства-члены упускают из виду долгосрочное изменение баланса компетенций в области энергетики.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В законопроекте специально оговорено, что ни одно предприятие, учрежденное в третьем государстве (вне зависимости от того, владеет ли оно активами в энергетике), не будет иметь право осуществлять контроль над сетевыми активами Евросоюза. Компании третьих стран могут инвестировать в сетевые активы государств-членов, только получив одобрение на уровне Европейского союза и после подписания международного соглашения между ЕС и государством учреждения соответствующего предприятия.

По мнению КЕС, такие соглашения должны создавать препятствия для инвестиций государственных и полугосударственных фондов России, Китая и ряда других стран в Евросоюз, в основе которых лежат не экономические, а политические мотивы. Требование, предъявляемое к соглашениям, резко расходится с ориентацией на рыночные отношения, ранее декларированные Еврокомиссией. Об этом, однако, умалчивают как государства-члены, так и общеевропейские институты.

Упоминание о соглашениях с соседями, основанных на принципе взаимности, уже содержится в статье 7а Договора о Европейском союзе, обновленная редакция которого была принята на межправительственной конференции в Лисабоне. (Напомним, что документу еще предстоит пройти официальное подписание и затем ратификацию во всех государствах-членах.) Таким образом, «Договор о ре-

форме» постфактум подтверждает предложения «третьего пакета» по либерализации энергетики в его внешних аспектах.

Интересно, что аналогов такого соглашения не существует и КЕС пока не способна объяснить, в чем будет состоять его содержание. Единственное положение, которое четко видит сегодня Европейская комиссия, — это принцип взаимности (*reciprocity*). Однако и он не определен пока ни в экономическом, ни в политическом, ни в юридическом плане. Не исключено, что такой принцип будет выработан на практической основе отношений между Россией и ЕС.

Внутри Евросоюза принятие нормы о необходимом заключении двусторонних соглашений, разрешающих инвестиции, фактически приведет к двум следствиям.

Во-первых, существенная часть полномочий по регулированию внешней энергетической политики перейдет к Еврокомиссии. Это повысит ее способность влиять на принятие государствами-членами решений о своем энергетическом балансе. То есть речь идет о дальнейшем перераспределении полномочий в пользу центра в той сфере, которая в «Договоре о реформе» явно оставлена за национальными столицами. В результате то, чего не удалось достичь в Конституционном договоре и в его усеченном варианте, будет отчасти обеспечено путем вторичного права.

Во-вторых, переговорный процесс и порядок заключения таких соглашений неизбежно приведут к дальнейшей политизации экономических связей Европейского союза, начавшейся еще в 1970-е и продолжающейся по сей день. Тогда, как и сейчас, это было связано с политической слабостью Брюсселя, неспособностью согласовать общую внешнюю политику и политику безопасности, которые соответствовали бы экономической мощи ЕС. Подобная политизация замаскирует несоответствие внешнеэкономического и внешнеполитического потенциалов Евросоюза, но негативно скажется и на том, и на другом.

Заключение со всеми странами мира соглашений, разрешающих инвестиции, позволит формализовать процесс предоставления знаменитого «пряника» Европейского союза (доступ на европейский рынок) при соблюдении некоторых условий, диктуемых Брюсселем. Однако переговоры потребуют серьезных бюрократических усилий и времени на согласование текста, его подписание и ратификацию/одобрение (в зависимости от правовой базы внутри ЕС). Следовательно, инвестиционные решения будут откладываться, а транс-

граничное партнерство частных компаний, которое ранее всячески поощрялось, — блокироваться на политическом уровне.

«ТРЕТИЙ ПАКЕТ» И РОССИЯ

Упомянутый компромисс по вертикальной интеграции (сохранение за государствами нынешней структуры владения сетевыми активами в обмен на их согласие с большинством предложений КЕС) скажется и на российских участниках рынка. В «третьем пакете» законопроектов о либерализации энергетики пять аспектов, как минимум, выделяются своей важностью и для энергетических отношений, и для всего комплекса взаимосвязей Брюсселя и Москвы.

Газпромовская оговорка. Законодательство Евросоюза в этой области (как и в других секторах экономики) экстратерриториально по своей сути, то есть оно касается компаний всех стран мира вне зависимости от места их учреждения. Достаточным критерием для Европейской комиссии является присутствие предприятия на рынке Европейского союза.

В законопроекты КЕС намеренно включено положение, которое в кулуарах окрестили «газпромовской оговоркой». Согласно тексту, ни одна добывающая либо генерирующая компания, созданная в третьем государстве, не сможет контролировать транспортные мощности на территории Евросоюза. При этом неясно, как будет определяться контроль. Это могут быть и контрольный пакет, и доля в 10 %, позволяющая компании-владельцу оказывать заметное влияние на процесс принятия решения.

Более того, суть оговорки фактически состоит в том, что, хотя государства-члены по-прежнему вольны выбирать поставщиков (это вопрос национальных компетенций), выбор способов взаимодействия с ними ограничен правилами, установленными в центре. Тем самым подтверждается курс на келейный переход полномочий в области внешней энергетической политики на уровень Европейского союза.

В перспективе это может поставить под вопрос собственность «Газпрома» на магистральные газопроводы на территории ЕС (например, газопровод Ямал — Европа, газопроводные системы в странах Балтии, строящийся газопровод «Северный поток»). Оговорка грозит требованием продать соответствующие активы или их часть (с перспективой судебного разбирательства), либо подобный вопрос будет выниматься из-под сукна всякий раз, когда возник-

нет необходимость надавить на «Газпром». Сама возможность шантажировать Россию в ходе переговоров об энергетическом сотрудничестве настораживает.

Инвестиционные соглашения и принцип взаимности. В отношениях между Россией и Евросоюзом инвестиционные соглашения на основе взаимности приобретают особый смысл. После прояснения его значения указанный принцип может сыграть роль компромисса. Изначально Брюссель требовал от Москвы правового сближения, которое обеспечило бы общие условия сотрудничества для всех экономических игроков. Акцент на правовом сближении был сделан в рамках энергетического диалога, запущенного в 2000 году. Москва же подчеркивала важность равноценного обмена активами на основе заключения договоренностей по конкретным случаям, причем лучше на политическом уровне. К 2005-му эта позиция России стала твердой и последовательной, увереннее звучали высказывания против ратификации Договора к Энергетической хартии и в пользу отделения сотрудничества в энергетике от других экономических вопросов.

Сегодня Брюссель явно рассматривает энергетическое сотрудничество сквозь призму политики и проблем безопасности. Именно об этом свидетельствуют многие положения «третьего пакета». Российская же позиция обретает все более экономическое содержание и направлена на максимальное извлечение прибыли (в том числе за счет движения в сектор распределения и конечных продаж непосредственно на территории Европейского союза). В ситуации разнонаправленного движения переход к новому принципу, принципу взаимности, может оказаться концептуальным прорывом.

Трудность, однако, заключается в том, что суть взаимности не определена в экономическом, политическом и правовом аспектах. Это затуманивает и постановку цели сотрудничества, и поиск средств в ее достижении. Требуется сложнейшая техническая, а не декларативно-политическая работа, которую Европейская комиссия выполняла до сегодняшнего дня более успешно, чем российские участники переговоров.

Неопределенность принципа взаимности обуславливает резкий всплеск внимания к нему в политических, деловых и научных кругах. Начавшиеся дискуссии могут быть крайне полезны не только в плане развития энергетического диалога, но и в том, что касается всего комплекса взаимоотношений России и ЕС, в том

числе и будущего документа, призванного заменить устаревшее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС, заключенное в 1994 году.

Единая регулирующая сеть. Выстраивание единой регулирующей сети в Евросоюзе означает, что импортеры будут все больше подчиняться надгосударственным структурам, сотрудничающим с национальными регуляторами. В результате они постепенно лишатся возможности договариваться с национальными регулирующими агентствами, в том числе по созданию новых инфраструктур. Это может иметь как положительные, так и отрицательные последствия.

К числу позитивных моментов стоит отнести выравнивание условий и правил игры во всех государствах — членах Европейского союза. Исчезнет необходимость в каждом конкретном случае вести кропотливые поиски, с кем и как решать тот или иной вопрос. Однако очевидно, что в случае централизации регулирования отдельные государства-члены могут заблокировать часть инвестиций (особенно инфраструктурных), руководствуясь политическими соображениями и национальными фобиями.

Оптимальной для России явилась бы ситуация, при которой решения по соответствующим вопросам внутри ЕС принимались бы не единогласно, а большинством. В соответствии с правилами цивилизованного общества это могло бы институционально гарантировать от антироссийских проявлений со стороны отдельных правительств и правительственных коалиций государств-членов. В противном случае коллизии наподобие ситуации с польским мясом могут постоянно повторяться и в энергетике.

Чем чревато сотрудничество сетевых операторов. Сотрудничество сетевых операторов, безусловно, облегчает жизнь всех участников масштабных перемещений энергетических ресурсов (нефть, природный газ, электроэнергия) на большие расстояния и через границы государств-членов. Появляются новые каналы продаж, рационализируются потоки.

Остается, однако, неясным, как будут задействованы компании третьих стран, владеющие инфраструктурными объектами на территории Евросоюза и за его пределами. Будут ли к ним применяться общие нормы и предоставится ли возможность участвовать на равных в инвестиционном планировании, оценке адекватности инфраструктуры и разработке технических стандартов? Или отсутствие упоминания о них означает, что КЕС не находит им место в про-

цессе регулирования сетей и предполагает, что они заведомо откажутся от сетевого сотрудничества на территории Европейского союза?

Еврокомиссия старательно обошла эту тему, но энергетический диалог, и в особенности механизм раннего предупреждения в рамках энергетического сотрудничества, сформированный на саммите ЕС 26 октября 2007 года, может и должен быть использован для прояснения подобных вопросов. Один из его компонентов для этого и предназначен. Одновременно использование диалога для озвучивания российских интересов позволит накопить опыт работы на технократическом уровне, где КЕС пока переигрывает российских специалистов.

«Третий пакет» и новое соглашение Россия – ЕС. Подготовка и публикация «третьего пакета» законопроектов о либерализации совпала по времени с работой над новым соглашением. Устаревшее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве официально продлено на один год, хотя особого заявления по этому поводу и не требовалось: текст базового документа подразумевает его автоматическое продление.

Безусловно, правы те, кто утверждает, что переговоры о новом соглашении не начнутся раньше второй половины 2008-го. Россия должна миновать выборный период, а Евросоюз – преодолеть польское вето и обновить мандат, подготовленный КЕС в середине 2006 года. Председательство Франции в Европейском союзе во второй половине 2008-го, безусловно, будет этому способствовать.

Однако и серьезная дискуссия по «третьему пакету» начнется не ранее 2008 года. А поскольку процесс принятия законодательных актов в ЕС длится более двух лет, дискуссии вокруг него будут продолжаться в течение всего периода переговоров по новому соглашению между Россией и Европейским союзом.

Хорошо известно, что Европейская комиссия хотела бы видеть в этом новом соглашении положения об энергетическом сотрудничестве, аналогичные тем, что сформулированы в так и не ратифицированном Москвой Договоре к Энергетической хартии. Сомнений на сей счет не оставляют заявления КЕС о мандате на переговоры, а также выступления ряда чиновников Еврокомиссии. Россия со своей стороны выступает за то, чтобы в новом базовом документе сформулировать основные положения о целях и институтах сотрудничества, а секторальные статьи вынести в отдельные протоколы или соглашения.

В данном контексте дискуссии о соглашениях, позволяющих осуществлять инвестиции в стратегические активы ЕС (прежде всего энергетику) на основе принципа взаимности, могут рассматриваться как информационный фон, инструмент давления на Россию. Цель состоит в том, чтобы убедить Москву в необходимости зафиксировать в новом базовом соглашении ряд положений о сотрудничестве в области энергетики, а не оставлять переговоры по ним на новый раунд дискуссий. Еврокомиссия вполне может намекнуть, что после принятия Евросоюзом положения о договорах, разрешающих инвестиции, переговоры о секторальном соглашении в энергетике окажутся намного более сложными.

Таким образом, принятие Европейским союзом «третьего пакета» законопроектов о либерализации энергетики не только имеет непосредственные последствия для российских энергетических компаний (главным образом производителей природного газа), но и повлияет на параметры общего взаимодействия в энергетической сфере да и на весь спектр отношений между Россией и Евросоюзом. Именно поэтому новый пакет законопроектов о либерализации энергетики заслуживает самого пристального внимания. Интересы России — и ее официальных органов, и коммерческих компаний — должны быть четко заявлены на этапе разработки нового европейского законодательства.

«Подводные камни» «третьего пакета»

Содержание «третьего энергетического пакета» стоит рассматривать как приглашение к диалогу. Переговоры, инициированные Еврокомиссией, будут идти (возможно, несколько лет) между монополистически ориентированными странами ЕС (Франция, Германия), европейской бюрократией и внешними партнерами, среди которых важнейшее место занимает Россия.

Пока трудно представить себе окончательный вид, который приобретут меры «третьего пакета». Преследуя собственные цели, Европейская комиссия невольно дает России и «Газпрому» фору – запас времени. Его достаточно не только для того, чтобы выработать позицию по проблеме в целом, но и чтобы по отдельным ее составляющим войти во внутривнеэвропейский переговорный процесс.

Очевидно, что важнейшие инфраструктурные проекты России, такие как, к примеру, газопровод «Северный поток», имеют геополитическое значение. Последние инициативы Еврокомиссии предполагают риск для инвестиций существующего консорциума. Действительно, в случае реального появления в Евросоюзе юридических ограничений на неевропейские инвестиции от «Газпрома» могут потребовать продать свои активы другим членам консорциума. В этом случае европейские партнеры «Газпрома» по «Северному потоку» могут воспользоваться новыми инициативами, чтобы взять его под свой контроль.

Стратегия «Газпрома» построена сегодня на том, чтобы противодействовать инициативам Еврокомиссии, опираясь на поддержку европейских газовых корпораций. Слабая сторона такого подхода заключается в том, что «Газпром» прибегает к содействию компаний, которые являются его конкурентами на европейском рынке транспортировки и распределения.

Они стремятся максимально взять под свое крыло транспортные мощности в Европейском союзе. Возможно, конечно, что в процессе торга будет законодательно оформлено изъятие из правил Евросоюза, которое будет касаться подводных трубопроводов, но неопределенность в отношении крупнейшей газовой инвестиции на территории ЕС существует.

А.В. Белый – заместитель завкафедрой политических проблем глобальной энергетики факультета мировой политики и мировой экономики Государственного университета – Высшей школы экономики;
Т.В. Бордачёв – директор Центра комплексных европейских и международных исследований ГУ – ВШЭ.

Европейская энергобезопасность и уроки истории

Надя Кампанер

Россия поставляет нефть и газ в страны Западной Европы уже в течение многих десятилетий. Однако за последние несколько лет эта скучная, по сути, тема стала очень модной в средствах массовой информации. Вопросы энергетики, ныне крайне политизированные, занимают все большее место во всевозможных геополитических исследованиях и привлекают все большее число аналитиков всех мастей. Торговля энергоресурсами с Россией становится предметом растущих опасений и в европейских политических кругах.

Споры эти далеко не новы. Более четверти века назад предметом бурной полемики было строительство газопровода из Сибири в Западную Европу. Этот проект привел к расколу: навязанное США эмбарго на поставку технологий вызвало протест некоторых лидеров, решительно настроенных участвовать в проекте, необходимом для удовлетворения быстро растущего спроса на природный газ. Вокруг «уренгойской трубы» объединились ведущие государства Европейского сообщества, заинтересованные в сотрудничестве с Советским Союзом.

В период холодной войны энергетическое сотрудничество представлялось Старому Свету своеобразным мостом, перекинутым поверх политических разногласий, поскольку оно способствовало сближению Западной Европы и восточного блока. По мнению бывшего канцлера Германии Гельмута Шмидта, экономическое взаимодействие шло рука об руку с развитием дружественных политических отношений: «Два государства, зависимые друг от друга экономически, не будут враждовать. Значит, экономическое сотрудничество, которое я не устаю превозносить в своей стране, служит делу мира», — пишет он в своих мемуарах.

Надя Кампанер — научный сотрудник Центра геополитических проблем энергетики и энергоресурсов (CGEMP) Университета Дофин (Париж).

Руководители газовой промышленности Европы поддерживали между собой теплые отношения, основанные на взаимном доверии и уважении и вылившиеся в долгосрочные контракты. Жак Мэр, бывший генеральный директор компании *Gaz de France*, вспоминает: тридцать лет назад «нас совсем не заботила геополитика». Ветераны европейской газовой отрасли считают, что «газовая Европа» существовала уже в 1970–1980-х годах: крупные западноевропейские компании совместно вели торговлю с советской стороной. Они составляли «Большой альянс», благодаря которому каждая страна поддерживала тесные связи с соседями. Действительно, сотрудничество между национальными компаниями и правительствами является важным и необходимым: торговля газом требует строительства магистральных трансконтинентальных газопроводов, и обычно газ, прежде чем он будет доставлен компании – участнику соглашения, пересекает территории нескольких стран. Напомним, что одной из изначальных целей Энергетической хартии было создание, перефразируя Шарля де Голля, «энергетической Европы» от Бреста (город на западе Франции. – Авт.) до Владивостока.

Сегодня история отчасти повторяется: вопросы, связанные с сотрудничеством в сфере энергетики, вновь вызывают политические страсти, но на этот раз уже внутри самого Европейского союза. Страны ЕС сейчас разобщены как никогда с момента своего стремительного расширения до 25, а теперь уже 27 членов. Например, проект газопровода «Северный поток» иллюстрирует конфликты интересов внутри Евросоюза: с одной стороны, проект поддерживается государствами-основателями, а с другой – торпедируется странами Балтии и Польшей.

Энергетика стала предметом разногласий и между кремлевскими и брюссельскими политиками. Иногда энергоресурсы даже сравнивают с пушками и бомбами. Так, по словам французского депутата Пьера Лелуша, «Россия использует нефть и газ так же, как Брежнев – ракеты». Несмотря на свою вызывающую неординарность, подобная точка зрения сегодня достаточно широко распространена среди политических деятелей.

Оставим в стороне недавние проблемы и споры, в достаточной мере освещенные в СМИ, и вернемся к истокам энергетической взаимозависимости между Европейским союзом и Россией, а также к ее политическим последствиям. Сейчас, когда все чаще мелькают такие выражения, как «газовая война» или «новая холодная война», уместно вернуться к истории развития торговли нефтью и газом между Западной Европой и Россией.

1957: ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ НА МИРОВОЙ РЫНОК НЕФТИ

К концу 1950-х годов СССР удастся выйти на энергетические рынки Европы или, скорее, возобновить свой экспорт нефти. С конца XIX века Российская империя поставляла в Европу нефть с месторождений в Бакинском нефтегазоносном районе. СССР возобновил эти поставки в начале 1930-х. После Второй мировой войны основными потребителями советской нефти были страны социалистического лагеря. Благодаря открытию «второго Баку» в Волго-Уральском регионе, а также мощным инвестициям в данную отрасль, советская нефтяная промышленность переживала в 1955–1960 годах новый подъем: добыча сырья удваивается, СССР становится вторым после Соединенных Штатов мировым производителем, что позволяет ему вновь начать экспорт нефти.

В обстановке холодной войны возобновление советских поставок вызвало озабоченность на Западе. Кроме того, это всерьез встревожило крупные нефтяные компании, господствовавшие на мировом энергетическом рынке (так называемые «семь сестер»: четыре компании *Jersey (Exxon)*, *Socony-Vacuum (Mobil)*, *Standard of California (Chevron)* и *Texaco*, входившие в *Aramco*, плюс *Gulf*, *Royal Dutch-Shell* и *British Petroleum*. — Авт.). Им трудно было смириться с появлением нового конкурента с более низкими ценами.

Однако в 1957-м, не посчитавшись с позицией англо-американских компаний, итальянская государственная группа *ENI* заключила с СССР исторический договор на поставку нефти. Президент *ENI* Энрико Маттеи рискнул импортировать советскую нефть невзирая на вето «семи сестер» (само это выражение приписывается именно ему). Такая инициатива четко вписывалась в стратегию диверсификации снабжения, разработанную *ENI*. В результате Италия стала важным импортером российского сырья и до сих пор остается одним из главных торговых партнеров России.

В 1950–1960-х годах Советский Союз смог вновь начать экспорт в Западную Европу не только за счет демпинговых цен, позволивших проникнуть на нефтяной рынок, но и за счет заключения бартерных сделок. В разгар холодной войны эта стратегия воспринималась как настоящая политическая атака. «Хрущёв не раз грозил закопать нас в землю. Сегодня становится все более очевидным, что, если ему дать волю, он охотно утопит нас в нефтяном океане», — говорил тогда американский сенатор Кеннет Китинг. Ведущим нефтяным компаниям Запада пришлось в свою очередь снижать цены. Это заставило другие

страны-производители сплотиться, выступив единым фронтом на защиту своих доходов. Известный нефтяной аналитик Даниел Ергин считает, что именно наступление СССР, сбивавшего цены для завоевания рынков сбыта, способствовало созданию ОПЕК в 1960 году.

В 1962-м, вскоре после Карибского кризиса, Соединенные Штаты ввели экономические санкции против Советского Союза: в ноябре в рамках НАТО было одобрено эмбарго на поставку труб большого диаметра, необходимых для строительства трубопроводов. Правительство Западной Германии обратилось к крупным сталелитейным компаниям, заключившим с СССР договоры на поставку 130 тыс. тонн стальных труб, с просьбой аннулировать контракты. Однако некоторые европейские страны, например Великобритания и Италия, отказались поддержать эти санкции.

Со своей стороны СССР вследствие эмбарго наладил собственное производство труб большого диаметра, и ему удалось построить самый протяженный на то время в мире первый трансъевропейский нефтепровод «Дружба» длиной 5 500 км. Рассказывают, что на первой трубе, сошедшей в марте 1963 года с конвейера Челябинского завода на Урале, рабочие написали: «Труба тебе, Аденауэр!» Санкции задержали строительство нефтепровода всего лишь на год: первая нитка была введена в строй в 1964-м (по ней нефть поступала в Чехословакию, Венгрию, Польшу и ГДР, которые подписали соглашения с Москвой в декабре 1959 года), и в конце концов в 1969-м эмбарго было снято.

Хотя «широкое дипломатическое наступление Кремля» встретило сопротивление стран западного блока, импорт «красной нефти» в Западную Европу на протяжении 1960-х годов неуклонно возрастал. Эмбарго лишь притормозило энергетическое сотрудничество, так как деловые круги, особенно немецкие, были чрезвычайно заинтересованы в развитии торговли. Еще в 1952-м, всего лишь через семь лет после окончания войны, в ФРГ был создан Восточный комитет немецкой экономики, в задачи которого входило развитие торговых связей между Востоком и Западом, в частности экспорта технологий.

Тем временем в СССР значительно выросла добыча природного газа: открытие в конце 1960-х годов новых гигантских месторождений в Сибири (Уренгой, 1968 г.) и расширение мощностей в Украине и в Средней Азии привели к тому, что общее производство газа увеличилось за десять лет в четыре раза и достигло в 1970 году 198 млрд кубометров. В тот период газовые ресурсы СССР оценивались приблизительно в 40 % мировых запасов, что обеспечивало лидерство на энергетическом рынке. Однако транспортировка газа по сравнению с

нефтью имела свои особенности: нужно было строить протяженные магистральные газопроводы. Кроме того, новые месторождения находились в труднодоступных и малопригодных для проживания регионах, в высоких северных широтах. Стране пришлось сконцентрировать колоссальные ресурсы за счет других отраслей промышленности и благосостояния населения, что было возможно только в условиях советского строя. В частности, острой проблемой стала нехватка труб, компрессоров и другого оборудования для создания необходимой инфраструктуры. Для строительства газотранспортной сети в сжатые сроки требовалось столько труб, что их не могла бы произвести ни одна страна в отдельности. Таким образом, сотрудничество с промышленно развитыми западными странами было обусловлено не только технологическим отставанием, но и гигантским объемом работ, который нужно было выполнить в установленные сроки.

Несмотря на сложности, всего за два десятилетия Советский Союз стал главным производителем и экспортером природного газа. Это стало возможно благодаря мощному научно-техническому и промышленному потенциалу, а также высокопрофессиональному менеджменту. Сейчас, когда новые месторождения находятся на еще более удаленных и труднодоступных заполярных территориях, их эффективное освоение не под силу современной России без участия западных компаний с их прогрессивными технологиями и совершенной техникой.

ПЕРВЫЕ КРУПНЫЕ КОНТРАКТЫ НА ПОСТАВКУ ГАЗА

В 1968 году советский газ впервые поступает в Австрию, нейтральную страну. Первые важные торговые переговоры со странами европейского блока состоялись в 1969-м: партнерами выступали немецкий концерн *Ruhrgas* и итальянская *ENI*. В том же году *ENI* при посредничестве *Snam Rete Gas* подписала первый контракт на поставку газа, предусматривавший закупку 2,5 млрд кубометров в год. Поставки начались с 1974 года благодаря введению в строй газопровода, проходящего через территорию Австрии.

Избрание Вилли Брандта канцлером Германии (1969) знаменовало собой начало «восточной политики» (*Ostpolitik*), продолженной его преемником Гельмутом Шмидтом. Это благоприятно отразилось на политических и торговых контактах между ФРГ и СССР.

В феврале 1970-го Карл Шиллер, министр экономики ФРГ, и Николай Патолитчев, советский министр внешней торговли, подписали беспрецедентный контракт на поставки природного газа в Западную Гер-

манию — около 3 млрд кубометров в год. Со своей стороны Германия через концерн *Mannesmann* оплачивала полученное топливо поставками 1,2 млн тонн труб большого диаметра, необходимых для строительства газопровода. 1 октября 1973 года Герберт Шельбергер, президент *Ruhrigas*, в торжественной обстановке открыл вентиль в Вайдхаусе, расположенном на границе Чехословакии и немецкой Баварии.

Новые перспективы экспорта привели к созданию в том же году объединения «Союзгазэкспорт». Экспорт газа достиг 4,9 млрд кубометров. Чтобы обеспечить его транспортировку, Советский Союз вел с *ENI*, *Ruhrigas* и *NAM* (Нидерланды) переговоры о строительстве нитки, проходящей по территории Чехословакии и ФРГ.

На протяжении 1970-х углеводородное топливо превращается в главную составляющую торговых связей между ЕЭС и СССР. В результате возник стойкий дисбаланс в структуре торгового обмена: более трех четвертей советского экспорта на европейский рынок приходилось на первичное сырье, тогда как в страны Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в основном поступали оборудование и технологии, по большей части предназначенные для развития энергетики. Оборудование для нефтегазовой промышленности поставлялось преимущественно из ФРГ, Италии, Франции и Японии и составляло 60–70 % от общего объема импортных поставок. Около трети импорта технологий и оборудования в СССР приходилось на Германию, которая по сей день остается главным торговым партнером России.

Развитие энерготорговли сопровождалось строительством крупных трансъвропейских энергосистем. В Германию российский газ поступал через германо-чехословацкую границу в Вайдхаус (энергосистема *MEGAL*), в Австрию — на австро-чехословацкую границу в Баумгартен (энергосистема *WAG*). Эти две сети обеспечивали транспортировку всего объема топлива, закупленного в России *GDF*, *ÖMV* и *Ruhrigas*. Построенная сеть трубопроводов прочно связала Западную Европу с Россией. А долгосрочные контракты на поставку газа надежно закрепили эти «стальные» связи.

Нефтяные кризисы 1973 и 1979 годов положили конец изобилию дешевого топлива. Появился более живой интерес как к регионам-производителям, лежащим за пределами Ближнего Востока, так и к альтернативным источникам энергии, таким, как природный газ и атомная энергия. Западная Европа стала разрабатывать стратегию управления энергоресурсами, в основу которой легли энергосбережение и диверсификация (за счет атомной энергетики во Франции и ФРГ, природного газа в ФРГ и Италии).

Этому способствовало также освоение новых месторождений в Северном море (Норвегия, Великобритания).

Тем самым Западная Европа добилась снижения внешней энергозависимости. Импорт же сырья из СССР продолжал возрастать.

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ:

ПРОЕКТ ГАЗОПРОВОДА ИЗ СИБИРИ В ЕВРОПУ
В середине 1970-х Австрия, Германия и Франция принимали участие в прокладке газопровода, который должен был связать страны-импортеры с иранским месторождением Канган. Договор, заключенный между странами Западной Европы, СССР и Ираном в 1975 году, предусматривал схему, согласно которой Иран покупал европейское оборудование и продавал газ СССР, в свою очередь Западная Европа покупала уже советский газ. Предметом этого трехстороннего договора было строительство магистрального газопровода *IGAT-II (Iranian Gas Trunkline)* длиной 1 440 км, по которому газ с юга Ирана должен был поступать на терминал Астара на советской границе. Газопровод предполагалось вести через Тегеран и Грозный до Ужгорода, откуда газ через Вайдхаус подавался бы на европейские рынки сбыта. Поставки должны были начаться в 1980–1981 годах.

Однако этот проект завершился провалом по причине исламской революции в Иране (1979), и от него пришлось отказаться.

Благодаря освоению гигантских месторождений газа в Западной Сибири (Ямбург, Уренгой), Советский Союз представлялся единственным поставщиком, способным заменить Иран. К тому же из-за ценового конфликта с Алжиром Франция отказалась от традиционного поставщика газа и была вынуждена также ориентироваться на голубое топливо из СССР.

Так возник новый проект газопровода, связывавшего сибирские месторождения с европейскими рынками сбыта и позволившего увеличить изначально предполагаемые объемы поставок природного газа (с 24 млрд кубометров в 1980 году до 60 млрд в 1990-м). Напомним, что к этому времени уже были построены два газопровода, соединявшие Ямбург («Северное сияние») и Оренбург («Союз») с Ужгородом на чехословацко-советской границе с ответвлениями к границам Германии и Австрии.

По своим масштабам новый проект выгодно отличался от предыдущих: в нем предусматривалось не только непосредственное снабжение западных рынков, но и двукратное увеличение поставок газа к 1990 году. Советская сторона рассчитывала за счет растущего экспор-

та газа восполнить недопоставки нефти, рост добычи которой в конце 1970-х оказался сопряженным с определенными трудностями.

В 1979 году СССР начинает переговоры с Германией, Францией, Италией, Бельгией, Австрией и Нидерландами об участии в строительстве газопровода протяженностью 5 400 км. Переговоры велись в двустороннем формате — между СССР и консорциумами банков и энергетических компаний каждой из заинтересованных стран. Наиболее активное участие принимала ФРГ: концерн *Ruhrigas* и *Deutsche Bank* выделили 4 млрд немецких марок на закупку компрессорных станций и прочего оборудования. Любопытно, что по первоначальному плану газопровод должен был пройти через территорию Восточной Германии, но ФРГ воспротивилась этому, опасаясь, что ГДР может прервать поставки газа в случае политического кризиса. Более надежным считался транзит через Украину и Чехословакию. Распад восточного блока в начале 1990-х обернулся для газовиков настоящей головной болью. Сегодня, несмотря на отсутствие противостояния между Востоком и Западом, проблемы транзита газа еще более осложнились, и новые совместные проекты предполагают прокладку трубопроводов по дну морей, минуя транзитные государства («Северный поток», «Голубой поток»).

Сторонники газопровода утверждали, что этот проект позволит увеличить и стабилизировать газоснабжение, а значит, укрепить энергетическую безопасность Европы. Вашингтон был против, опасаясь, что валютные поступления будут способствовать укреплению военно-экономической мощи СССР. Кроме того, сближение западноевропейских государств с Советским Союзом могло ослабить Североатлантический блок. И, наконец, СССР мог использовать энергоресурсы как средство политического давления, при необходимости прерывая поставки.

29 декабря 1981 года президент США Рональд Рейган объявил о торговых санкциях против СССР, в том числе о прекращении поставок материалов, предназначенных для строительства сибирского газопровода. Официальной причиной послужили события в Польше, где забастовки и социальные волнения повлекли за собой введение в стране военного положения и массовые аресты.

На саммите НАТО в январе 1982-го разногласия между союзниками обострились, хотя европейцы, казалось, пошли на компромисс: право подписывать ранее предусмотренные договоры с СССР в обмен на отказ заключать контракты на производство работ. Но и эта чисто формальная уступка не соблюдалась; в результате ущерб потер-

пели прежде всего американские компании, работавшие с СССР. Против торговых ограничений выступили, в частности, Франция и Германия. В ходе Версальского саммита (июнь 1982 г.) Рональд Рейган вновь попытался навязать европейским странам ограничения и требование прекратить финансирование проекта с помощью европейских кредитов. Гельмут Шмидт вспоминает в своих мемуарах: «Когда Рейган настаивал на использовании торговых санкций как инструмента внешней политики, между Рейганом и Миттераном разгорелась длительная и жаркая дискуссия. Новая попытка саботировать в одностороннем порядке, без консультаций, соглашение по газопроводу путем введения эмбарго, по сути, являлась нарушением суверенитета европейских государств». Франсуа Миттеран и Гельмут Шмидт покинули заседание, дав понять, что финансовые и энергетические контракты с СССР не будут изменены. Западная Европа восприняла «крестовый поход Рейгана», как окрестили его тогда журналисты, как вмешательство в ее внутренние дела.

Столкнувшись с негативной реакцией французов и немцев, американский президент решил в одностороннем порядке ввести эмбарго на поставку технологий. «Они [СССР и Европа] могут строить свой газопровод. Но не с нашим оборудованием и не с нашими технологиями», — безапелляционно заявил президент Соединенных Штатов.

Таким образом, европейские компании, сотрудничавшие с СССР, отныне не имели права использовать американские технологии под угрозой применения санкций. Это решение вызвало возмущение в Европе у ряда глав государств и правительств, в том числе у премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. Но в целом данное ограничение не имело последствий: Тэтчер и Миттеран посоветовали компаниям, участвовавшим в проекте, не обращать внимания на американские запреты.

На переговорах в Ла-Сапиньер (Канада) в октябре 1982 года был достигнут очередной компромисс: США отменят санкции в обмен на более строгий контроль союзников над поставками технологий в СССР, а также на отказ от выгодных кредитов и от подписания новых договоров на поставку природного газа. Ранее заключенные договоры были признаны и оставались в силе.

Месяц спустя, в ноябре, американский президент подписал секретную директиву *NSDD-66 (National Security Decision Directive* — в таких документах устанавливались главные направления обороны, внешней политики и разведки. — **Авт.**), направленную, по сути, на подрыв советской экономики. Директива предусматривала расши-

рение списка ограничений в рамках *CoCom* (Координационный комитет по экспортному контролю стратегических товаров в страны соцлагеря. — **Авт.**). Это касалось прежде всего оборудования для нефтегазовой промышленности.

Не имея возможности остановить строительство газопровода, американская администрация преследовала цель замедлить осуществление проекта, чтобы отсрочить поступления в СССР иностранной валюты и ограничить предусмотренный договорами объем закупок газа. В директиве также указывалось, что государства-союзники обязуются не увеличивать импорт газа и ограничиться ранее согласованными объемами поставок.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИСКУССТВЕННОГО ОБВАЛА ЦЕН НА НЕФТЬ 1986 ГОДА

Причины резкого падения цен на нефть в 1986-м до сих пор остаются загадкой. В качестве одной из них обычно указывают на стремление Саудовской Аравии увеличить свою долю мирового рынка сбыта, для чего Эр-Рияд резко повысил добычу. Питер Швейцер, сотрудник Института Гувера (США), в книге «Победа: секретная стратегия администрации Рейгана, ускорившая развал Советского Союза» предложил иную версию: падение цен на нефть было организовано администрацией Рейгана. С одной стороны, низкие цены на нефть способствовали бы ослаблению советской экономики, а с другой — стимулировали бы рост американской. Таким образом, в обстановке холодной войны именно Соединенные Штаты сознательно использовали энергоресурсы в качестве экономического оружия.

В 1984–1985 годах высокопоставленные чиновники американской администрации, в первую очередь директор ЦРУ Уильям Кейси и министр обороны Каспар Уайнбергер, неоднократно встречались с членами королевской семьи Саудовской Аравии — королем Фахдом и принцем Бандаром (посол в США с 1983 по 2005 г.), а также с шейхом Ахмедом Заки Ямани, влиятельным министром нефтяной промышленности (1962–1986). По мнению Швейцера, американцы сумели убедить арабов в необходимости «открыть нефтяной кран». Основной их аргумент состоял в том, что вызванное этим падение цен лишит СССР притока валюты и, как следствие, ослабит советскую мощь и коммунистическое (а значит, атеистическое) влияние в арабских странах — Сирии, Ираке, Ливии. К тому же советский режим, осуществлявший военные действия в Афганистане, представлялся врагом мусульманского мира.

В августе 1985-го добыча нефти в Саудовской Аравии подскочила с двух до девяти млн баррелей в сутки. Цены рухнули. В довершение всего Соединенные Штаты объявили о сокращении импорта нефти. С ноября 1985 года по апрель 1986-го цена за баррель упала с 30 до 12 долларов США, вследствие чего экспорт дорогой сибирской нефти стал нерентабельным.

Швейцер ссылается на доклад ЦРУ, опубликованный в мае 1986 года: «Падение цен значительно сократит возможности Советов импортировать западное оборудование, сельскохозяйственную продукцию и промышленное сырье... [это] произойдет в период, когда Горбачёв, скорее всего, рассчитывает на рост финансовых поступлений с Запада, чтобы реализовать свою программу оживления экономики».

Действия американцев затрагивали один из главных источников внешнеторгового дохода Советского Союза. Действительно, в тот период от 60 до 80 % всех валютных поступлений приходилось на долю экспорта нефти и газа. На валюту закупались зерно и нефтегазовое оборудование, позволявшее обеспечить рост добычи нефти, замедление которого уже с конца 1970-х беспокоило советское руководство.

Нефтяной кризис 1986 года серьезно отразился на состоянии советской экономики, что сыграло не последнюю роль в развале социализма и Советского Союза. Обвал цен на нефть вдвое сократил поступление валюты. СССР был вынужден урезать поставки нефти странам — членам СЭВа. Более того, через пять лет Москва перешла на расчеты за экспорт нефти в твердой валюте. Спустя несколько месяцев СЭВ прекратил свое существование.

В то же время в долгосрочной перспективе дешевая нефть оказала негативное влияние и на западные промышленно развитые страны: инвестиции в поиск альтернативных источников энергии были урезаны, и зависимость от нефти так и не была преодолена. Сегодня, когда цена за баррель зашкаливает за 80 долларов, страны-потребители сталкиваются с теми же проблемами, что и 30 лет назад.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА

Из исторического анализа следует, что между Европейским сообществом/Европейским союзом и Советским Союзом/Россией долгое время существовали тесные взаимовыгодные торговые отношения. Газовые контракты способствовали развитию сотрудничества, создавая прочные двусторонние связи. Освоение сибирских месторождений позволило странам Западной Европы, находившимся после двух нефтяных кризисов в сильной зависимости от стран Ближнего

Востока, диверсифицировать источники энергоснабжения. С другой стороны, СССР и позже Россия стали зависимыми от внешнего рынка углеводородов. Так, например, в 2006 году более 80 % объема российского экспорта нефти и около 70 % российского экспорта газа приходилось на европейский рынок.

Как уже отмечалось ранее, Советский Союз никогда не использовал углеводороды в политических целях в отношениях с Западом. Экспорт в страны Европы обеспечивал поступление валюты для приобретения, в частности, современного нефтегазового оборудования и технологий. В период экономической депрессии, начавшейся вслед за распадом СССР, Россия продолжала увеличивать объемы экспорта газа и нефти в страны ЕС, в то время как продажа в бывшие советские республики и внутреннее потребление значительно снизились. В итоге углеводородное сырье стало доминирующим во внешней торговле России.

Высокий уровень добычи нефти и газа позволяет России проявлять амбиции сверхдержавы. Однако ее энергетическая мощь очень уязвима. Резко повысилась зависимость от мировых цен. Длительный промышленный спад и отсутствие масштабных капиталовложений отбросили Россию далеко назад. Большая часть неосвоенных запасов расположена в труднодоступных зонах (Восточная Сибирь, Арктика). Малоэффективное использование значительных финансовых ресурсов, коррумпированность власти, чрезмерная энергоемкость промышленности, нерациональное недропользование ставят под сомнение способность России в долгосрочной перспективе оставаться надежным партнером.

С точки зрения устойчивого развития единственно возможный путь для России — это кратное снижение энергопотребления за счет разумной политики внутренних цен, внедрения современных энергосберегающих технологий во всех сферах экономики, включая коммунальное хозяйство, повышение общей культуры энергопользования. Россия нуждается в развитии безопасной ядерной энергетики, технологий чистого угля и повышении КПД тепловых электростанций. И это должно стать истинной целью сотрудничества между Евросоюзом и Москвой, так как без стабильной России не может быть гарантирована энергобезопасность Европы.

Как биотопливо может заставить бедняков голодать

Карлайл Форд Рунге, Бенджамин Сенауэр

ЭТАНОЛОВЫЙ ПУЗЫРЬ

В 1974 году, когда Соединенные Штаты искали ответы на нефтяное эмбарго Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Конгресс сделал первый из многих законодательных шагов к тому, чтобы стимулировать производство альтернативного вида горючего — этанола, извлекаемого из кукурузных злаков. 18 апреля 1977-го, в разгар кампании за энергетическую независимость, президент США Джимми Картер облачился в свой вязаный кардиган и выступил по телевидению. Чтобы сбалансировать спрос на энергию и внутренние ресурсы, сообщил он американцам, понадобится усилие, «морально сопоставимое с военным противостоянием».

Постепенный отказ от использования свинца в 1970-е и 1980-е годы дал дополнительный стимул новой этаноловой индустрии. (Свинец, токсичное вещество, добавляемое в бензин для увеличения КПД горючего, был частично заменен этанолом.) Помогла также серия налоговых льгот и субсидий. Но, несмотря на предпринятые меры, с каждым годом США все больше впадали в зависимость от импорта нефти, а роль этанола оставалась весьма малозначительной.

В настоящее время из-за высоких цен на нефть, а также благодаря еще более щедрым правительственным субсидиям, началось

Карлайл Форд Рунге — почетный профессор прикладной экономики и права (кафедра фонда Макнайта) и директор Центра международной продовольственной и сельскохозяйственной политики в Миннесотском университете. **Бенджамин Сенауэр** — профессор прикладной экономики и содиректор Центра пищевой промышленности Миннесотского университета. Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль — август) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

повальное увлечение этанолом на основе кукурузы. По данным Ассоциации возобновляемых видов топлива, в конце 2006-го в Соединенных Штатах работали 110 ректификационных заводов. Многие из них расширились, а еще 73 строились. Когда к концу 2008 года эти проекты будут завершены, американские мощности по производству этанола достигнут примерно 11,4 млрд галлонов в год. В последнем обращении к нации президент Джордж Буш-младший призвал к 2017-му поднять ежегодное производство возобновляемого топлива до 35 млрд галлонов, что почти в пять раз превышает требуемый на сегодняшний день уровень.

Настойчивая пропаганда этанола и других видов биотоплива привела к возникновению отрасли, зависящей от миллиардных субсидий за счет налогоплательщиков, причем не только в США. В 2005 году мировое производство биотоплива составляло 9,66 млрд галлонов, из которых 45,2 % производилось в Бразилии (из сахарного тростника), а 44,5 % — в Соединенных Штатах (из кукурузы). Мировое производство биодизельного горючего (по большей части в Европе) основывалось на семенах масличных культур и равнялось почти одному миллиарду галлонов.

Рост отрасли означал, что все большая часть урожая кукурузы уходит на нужды крупных предприятий по производству этанола. По некоторым оценкам, этаноловые заводы в течение нескольких ближайших лет поглотят до половины объема собственного производства кукурузы в США. Спрос на этанол приведет в 2007-м к снижению запасов кукурузы до минимального уровня с 1995 года (год засухи), даже несмотря на то, что в 2006-м урожай кукурузы был на третьем месте по величине из всех известных в истории. Может статься, что штат Айова вскоре будет импортировать кукурузы больше, чем экспортирует.

Гигантское количество кукурузы, уходящее на нужды этаноловой отрасли, ощутимо отражается на пищевой промышленности. (На долю Соединенных Штатов приходится около 40 % всего мирового производства кукурузы и более половины ее общего экспорта.) В марте 2007 года цена на кукурузные фьючерсы превысила 4,38 доллара США за бушель, побив десятилетний рекорд. Цены на пшеницу и рис тоже поднялись до максимального уровня за 10 лет. И хотя эти культуры все чаще заменяют собой кукурузу, фермеры стараются сеять ее больше площадей по сравнению с другими злаками.

Такое впечатление, что производители кукурузы достигли nirваны. Этого нельзя сказать о потребителях, особенно в бедных раз-

вивающихся странах, которые окажутся под двойным ударом, если цены и на пищевые продукты, и на нефть останутся высокими. Согласно подсчетам Всемирного банка, в 2001-м 2,7 млрд человек в мире жили менее чем на два доллара США в день, а даже незначительное повышение стоимости основных зерновых культур обернется для них катастрофой.

Чтобы наполнить 25-галлоновый бак внедорожника чистым этанолом, требуется 450 фунтов кукурузы, которых по калорийному содержанию хватило бы для пропитания одного человека в течение целого года. Все больше отесняя мировые запасы продовольственных растительных культур, растущее производство этанола приведет к повышению цен как на бакалейные, так и на основные продукты питания во всем мире. Биогорючее связало между собой цены на нефть и на продовольствие таким образом, что в предстоящие годы это чревато серьезным дисбалансом в отношениях не только между отдельными производителями продовольствия и потребителями, но и между государствами. Проблемы, связанные с бедностью в мире и гарантиями продовольственного обеспечения, потенциально могут обостриться.

ЭКОНОМИКА НЕФТИ И БИОГОРЮЧЕГО

В Соединенных Штатах и других странах с развитой экономикой индустрию этанола искусственно поддерживают с помощью правительственных субсидий, квот на производство и налоговых кредитов. Высокие цены на нефть в последние несколько лет сделали этанол конкурентоспособным, но правительство США продолжает масштабно субсидировать фермеров, выращивающих кукурузу, и производителей этанола. Прямые субсидии на кукурузу в 2005-м составили 8,9 млрд долларов. Несмотря на снижение этих выплат в 2006–2007 годах по причине высоких цен на кукурузу, скоро их могут затмить сверхщедрые налоговые льготы, гранты и правительственные займы, предусмотренные пакетом законов об энергетике, принятым в 2005-м, и готовящимся законом о фермерстве, который направлен на поддержку производителей этанола.

Федеральное правительство уже предоставляет блендерам этанола налоговую скидку в 51 цент на галлон произведенного этанола, а многие штаты платят еще и дополнительные субсидии. Предполагалось, что потребление этанола в Соединенных Штатах превысит в 2006 году 6 млрд галлонов. (Потребление биодизеля — примерно 250

млн галлонов.) В 2005-м правительство Соединенных Штатов постановило, что необходимо довести потребление биотоплива к 2012 году до 7,5 млрд галлонов в год. В начале 2007-го 37 губернаторов предложили поднять эту цифру до 12 млрд галлонов к 2010 году, а в январе президент Джордж Буш повысил ее еще — до 35 млрд галлонов к 2010-му. Шесть миллиардов галлонов этанола ежегодно необходимы для замены присадки к топливу, известной как МТБЭ (метил — трет — бутиловый эфир), которую снимают с производства в связи с ее загрязняющим воздействием на грунтовые воды.

Европейская комиссия использует законодательные меры и директивы для пропаганды биодизеля, который в Европе в основном производят из семян рапса и подсолнечника. В 2005 году Евросоюз произвел 890 млн галлонов биодизеля, что составляет более 80 % общемирового производства. Посредством прямых и косвенных субсидий общая сельскохозяйственная политика ЕС также содействует производству этанола из смеси сахарной свеклы и пшеницы. Брюссель добивается того, чтобы к 2010-му биотопливо составляло 5,75 % всего автомобильного горючего, потребленного в странах Европейского союза, а к 2020 году — 10 %.

Бразилия, которая на сегодняшний день приблизительно сравнялась по производству этанола с Соединенными Штатами, получает почти весь этанол из сахарного тростника. Как и США, Бразилия начала поиск альтернативных источников энергии в середине 1970-х. Правительство предлагало стимулы, задавало технические стандарты, инвестировало в поддерживающие технологии и продвижение на рынке. Оно распорядилось довести к 2008 году содержание биодизеля в дизельном топливе до 2 %, а к 2011-му — до 5 %. Перед автомобильной промышленностью была поставлена задача наладить выпуск двигателей, способных работать на биотопливе, разработана широкомасштабная стратегия по развитию промышленности и землепользования в целях продвижения биогорючего. Движение ширится и за счет других стран. Под посадки пальм, пригодных для добычи биодизеля, расчищаются и выжигаются обширные территории тропических лесов в Юго-Восточной Азии.

Эта тенденция набирает обороты. Ведь несмотря на недавний спад, многие эксперты предсказывают, что цена на сырую нефть долго останется высокой. Спрос на нефть по-прежнему растет быстрее, чем предложение. Что же касается новых источников нефти, то либо их эксплуатация нередко обходится слишком дорого, либо

они находятся в политически нестабильных регионах. В соответствии с последним прогнозом Администрации энергетической информации США, с 2003 по 2030 год мировое потребление энергии вырастет на 71 %, и при этом спрос в развивающихся странах, в частности в Китае и Индии, к 2015-му превысит спрос в странах — членах ОЭСР.

Это будет постоянно подстегивать цены на нефть, что позволит производителям этанола и биодизеля устанавливать значительно более высокую цену на кукурузу и семена масличных культур, чем можно было себе представить еще несколько лет назад. Чем выше окажутся цены на нефть, тем выше поднимутся цены на этанол, оставаясь при этом конкурентоспособными и тем больше производители этанола будут готовы платить за кукурузу. Если цена на нефть вырастет до 80 долларов за баррель, производители этанола будут с легкостью платить за бушель кукурузы дороже пяти долларов.

При столь высоких ценах на сырье увлечение биогорючим приведет к тому, что остальные сегменты сельскохозяйственного сектора подвергнутся серьезному прессингу. Фактически это происходит уже сейчас. Рост биотопливной отрасли Соединенных Штатах стимулировал не только скачок цен на кукурузу, семена масличных культур и других зерновых, но и на, казалось бы, не связанные с ней сельскохозяйственные культуры и продукты.

Занятие посевных площадей под кукурузу, идущую на прокорм этаноловой утробы, не способствует развитию других культур. Производители пищевых продуктов, которые используют такие культуры, как горох и сладкая кукуруза, вынуждены платить более высокие цены за обеспечение поставок, а эти расходы в итоге придется покрывать потребителям. Повышение цен на корма ударяет также по животноводству и птицеводству. Как считает Вернон Эйдмен, почетный профессор управления агробизнесом из Миннесотского Университета, повышение стоимости кормов резко снизило доходность, особенно в секторе птицеводства и свиноводства. Если эта тенденция сохранится, то сократится и производство, а цены на курятину, индюшатину, свинину, молоко и яйцо вырастут. Ряд производителей свинины в Айове могут разориться уже в ближайшие годы, поскольку им придется конкурировать с этаноловыми заводами за поставки кукурузы.

Сторонники этанола на основе кукурузы утверждают, что удовлетворить растущий спрос на данный продукт можно путем увели-

чения посевных площадей и повышения урожайности. Но урожайность кукурузы в США в последние десять лет ежегодно повышалась менее чем на 2 %, и даже увеличение показателя вдвое не способно удовлетворить сегодняшние потребности. По мере того как будут расширяться площади посева кукурузы, придется изымать землю, предназначенную для возделывания других культур, или засеивать экологически уязвимые территории, например те, что находятся под охраной Программы восстановительной консервации сильноэродированных земель Министерства сельского хозяйства.

Помимо этих фундаментальных факторов, спекулятивное давление привело к «мании биотоплива»: цены растут, потому что многие покупатели уверены в их дальнейшем росте. Хедж-фонды делают огромные ставки на кукурузу, и на рынке просматривается тенденция к повышению курсов, вызванная этанолом. Из-за «мании биотоплива» без оглядки на очевидные последствия реквизируются зерновые запасы. Мания, по-видимому, обладает такими мощными средствами воздействия, как, в частности, энтузиазм автолюбителей по поводу больших, расходующих много горючего автомобилей, а также угрызения совести в связи с экологическими последствиями использования нефтяного горючего. Принося огромные прибыли сельскохозяйственным предприятиям, биржевым спекулянтам и некоторым фермерам, этанол в то же время вносит дисбаланс в традиционные товаропотоки и схемы торговли и потребления как внутри, так и вне сельскохозяйственного сектора.

Повальное увлечение этанолом создаст особую проблему, если цены на нефть упадут, скажем, из-за замедления темпов роста глобальной экономики. При цене на нефть в 30 долларов за баррель производство этанола перестанет быть рентабельным, если кукуруза не будет продаваться дешевле, чем по 2 доллара за бушель. В итоге для американских фермеров вновь настанут старые недобрые времена низких закупочных цен.

Недостаточно капитализированные заводы по производству этанола окажутся в зоне риска, но особенно уязвимыми станут фермерские кооперативы. Еще громче зазвучат призывы прибегнуть к субсидиям, квотам и налоговым льготам: начнется шумная кампания за принятие мер по спасению перегруженной инвестициями отрасли. К этому моменту крупные инвестиции в биотопливо покажутся неоправданной авантюрой.

С другой стороны, если цены на нефть будут колебаться в пределах 55–60 долларов, производители этанола смогут платить от 3,65 до 4,54 доллара за бушель кукурузы и получать нормальную прибыль в 12 %.

Что бы ни случилось на нефтяном рынке, стремление к энергетической независимости, которое служило основным оправданием огромных инвестиций в производство этанола, уже привело к зависимости отрасли от высоких цен на нефть.

РОГ ИЗОБИЛИЯ

Одной из причин создавшегося положения является то, что в биотопливной отрасли долгое время доминировали не рыночные механизмы, а политика и интересы немногочисленной группы крупных компаний. Кукуруза превратилась в основное сырье, хотя биогорючее вполне можно получать из злаковых трав, древесной стружки и многих других источников, если бы правительство профинансировало необходимые разработки. В Соединенных Штатах, по крайней мере, в качестве основного сырья много лет использовались кукуруза и соя – в значительной степени благодаря лоббистским усилиям производителей кукурузы и сои и компании *Archer Daniels Midland Company (ADM)* – крупнейшего производителя этанола на рынке США.

С конца 1960-х годов *ADM* позиционировала себя как «всемирный супермаркет» и стремилась создавать стоимость, превращая оптовый товар в более дорогостоящую переработанную продукцию. В 1970-е *ADM* начала производить этанол и другие продукты влажного размола кукурузы, такие, как высокофруктозная кукурузная патока. Компания быстро превратилась из мелкого игрока на рынке продовольствия в глобальную силу. К 1980 году объем производимого *ADM* этанола достиг 175 млн галлонов в год, а высокофруктозная кукурузная патока стала вездесущим подсластителем переработанных пищевых продуктов. В 2006-м *ADM* являлась самым крупным производителем этанола в Соединенных Штатах (более 1,07 млрд галлонов), по меньшей мере вчетверо превосходя ее ближайшего соперника – *VeraSun Energy*. В начале 2006 года компания объявила о планах по увеличению капитальных инвестиций в этанол с 700 млн долларов до 1,2 млрд к 2008-му и об увеличении производства на 47 %, то есть примерно на 500 млн галлонов к 2009 году.

Своим ростом *ADM* в значительной степени обязана политическим связям, особенно в среде ведущих законодателей, от которых

зависели целевые субсидии на ее продукцию. В бытность сенатором от штата Миннесота немало подобных мер провел вице-президент США Губерт Хэмфри. Сенатор Боб Доул (Республиканская партия, штат Канзас) неумоимо выступал защитником интересов компании в течение всей своей долгой карьеры. Как отмечал почти десять лет назад консервативный критик Джеймс Бовард, почти половина прибыли *ADM* поступает от продукции, либо субсидируемой, либо протектируемой правительством США.

Отчасти благодаря государственной поддержке этанол (и в меньшей степени, биодизель) стал важнейшим элементом сельскохозяйственного и энергетического секторов Соединенных Штатов. В дополнение к федеральному налоговому кредиту в 51 цент на галлон этанола более мелкие производители получают налоговую скидку в 10 центов на галлон за первые 15 млн произведенных галлонов. Существует также «стандарт возобновляемого топлива» — обязательный объем использования неископаемого горючего легковыми автомобилями, приведший к политической войне за тендеры. Несмотря на и так уже высокие правительственные субсидии, Конгресс рассматривает возможность еще более щедрой финансовой поддержки биотоплива.

Законопроект, внесенный в рамках вновь принимаемого в 2007-м Билля о сельском хозяйстве (*Farm Bill* — обновляемый каждые пять лет основной федеральный нормативный акт США в сфере аграрной политики. — **Ред.**) Роном Кайндом (Демократическая партия, штат Висконсин), предлагает поднять кредитные гарантии для производителей этанола с 200 млн до 2 млрд долларов. Странники этанола на основе кукурузы объясняют необходимость субсидий тем, что растущий спрос на этанол толкает вверх цены на кукурузу и обесценивает субсидии для ее производителей.

В то же время этаноловая индустрия стала ярким примером протекционизма в американской торговой политике. В отличие от импортируемой нефти, которая поступает в страну беспошлинно, тариф на большую часть импортируемого сейчас этанола составляет 54 цента за галлон — отчасти потому, что более дешевый этанол из таких стран, как Бразилия, представляет угрозу для американских производителей. (Бразильский сахарный тростник легче переработать в этанол, чем американскую кукурузу.) Инициатива Карибского бассейна (ИКБ) способна подорвать этот протекционизм: бразильский этанол уже можно беспошлинно поставлять в

страны ИКБ, в частности, Коста-Рику, Сальвадор, Ямайку, а условия соглашения позволяют беспрошлинно переправлять его отсюда в Соединенные Штаты. Но защитники этанола в Конгрессе пытаются провести дополнительное законодательство с целью ограничить его импорт. Такие правительственные меры защищают отрасль от конкуренции, несмотря на ущерб, наносимый в результате потребителям.

МОРИТЬ ГОЛОДОМ И БЕЗ ТОГО ГОЛОДАЮЩИХ
Биогорючее может еще более пагубно сказаться на других странах мира, отразившись главным образом на стоимости основных продуктов питания. Если цены на нефть останутся высокими (что вероятно), то от повышения цен, вызванного биотопливным бумом, больше всего пострадает население стран, которые одновременно и испытывают дефицит продовольствия, и импортируют нефть. Такому риску подвержена большая часть развивающихся стран: согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в 2005 году большинство из 82 низкодоходных стран с дефицитом продовольствия являлись также чистыми импортерами нефти.

Даже крупные экспортеры нефти, которые тратят свои нефтедоллары на импорт продовольствия, например Мексика, не в силах избежать последствий повышения цен на продукты питания. В конце 2006-го цена муки для выпечки маисовых лепешек (тортилий) в Мексике, которая получает 80 % импортной кукурузы из США, выросла вдвое, частично вследствие роста цен на кукурузу в Соединенных Штатах с 2,8 до 4,2 доллара за бушель в течение нескольких предыдущих месяцев. (Цены выросли даже несмотря на то, что на выпечку тортильи идет в основном белая кукуруза, выращиваемая в Мексике, потому что промышленные пользователи импортированной желтой кукурузы, идущей на животные корма и переработанные продукты питания, начали покупать более дешевые белые сорта.) Бурный рост цен стал возможным из-за спекуляции и затоваривания.

В Мексике, где из населения в 107 млн человек примерно половина живет в нищете, тортильи являются основным источником калорий. Поэтому возмущению людей не было предела. В январе 2007 года новый президент Фелипе Кальдерон был вынужден наложить ограничения на цены кукурузных продуктов.

Международный исследовательский институт продовольственной политики (*IFPRI*) в Вашингтоне обнаружил отрезвляющие

оценки потенциальных глобальных последствий растущего спроса на биогорючее. Марк Роузгрант, директор отдела *IFPRI*, и его коллеги прогнозируют, что при условии сохранения высоких цен на нефть быстрое увеличение мирового производства биотоплива вызовет к 2010-му повышение мировых цен на кукурузу на 20 %, а к 2020 году – на 41 %. Цены на семена масличных культур, в том числе на сою, рапс и подсолнечник, по прогнозам, должны подняться на 26 % к 2010-му и на 76 % к 2020 году, а цены на пшеницу – соответственно на 11 % и 30 %.

В беднейших частях африканского континента (южнее Сахары), а также в Азии и Латинской Америке, где основным продуктом питания является маниока, ожидается ее вздорожание на 33 % к 2010-му и на 135 % к 2020 году. Прогнозируемый рост цен может быть компенсирован при значительном повышении урожайности зерновых или в случае перехода на коммерчески оправданное производство этанола на основе альтернативного сырья (древесина, злаковые травы). Если же политика в сфере биотоплива не претерпит существенных изменений, и то и другое маловероятно.

Производство этанола из маниоки чревато особенно серьезными последствиями для обеспечения беднейших стран продовольствием. Маниока, тропическое клубневое растение, напоминающее картофель, на одну треть снабжает население африканских стран к югу от Сахары необходимыми калориями и является основным продуктом питания для более чем 200 млн беднейших жителей Африки. Во многих тропических странах она заменяет собой менее доступные продукты. Маниока служит также важным резервом на случай недорода других культур, поскольку произрастает на бедных почвах в засушливых местах и может оставаться в земле и собираться по мере надобности.

Благодаря высокому содержанию в ней крахмала, маниока является превосходным источником этанола. Совершенствуя технологию получения этанола из маниоки, многие страны, включая Китай, Нигерию и Таиланд, начинают рассматривать возможность более интенсивного увеличения соответствующего производства. Став поставщиками для возникающей отрасли, крестьяне-фермеры в развивающихся странах могли бы улучшить свое положение благодаря повысившимся доходам. Однако история промышленного спроса на сельскохозяйственные культуры показывает, что основную выгоду получают крупные производители. Вероятным ре-

результатом бума в производстве этанола из маниоки будет рост числа бедняков, которым станет еще труднее себя прокормить.

Участники Всемирного продовольственного саммита (1996) пришли к соглашению о мерах по сокращению хронически голодающих в мире, то есть тех, кто лишен возможности регулярно потреблять достаточное количество калорий, необходимых для сохранения здоровья и трудоспособности, — с 823 млн в 1990-м примерно до 400 млн к 2015 году. «Цели в области развития», сформулированные в Декларации тысячелетия, принятой ООН в 2000-м, предусматривают сократить процент хронически недоедающего населения в мире вдвое — с 16 % (1990) до 8 % (2015).

Трезвая оценка, однако, говорит о том, что обращение к биогорючему, скорее всего, обострит проблему голода в мире. Ряд исследований, проведенных экономистами Всемирного банка и других организаций, показывает, что потребление калорий среди беднейшего населения планеты сокращается примерно на 0,5 % каждый раз, когда средняя цена на основные продукты питания повышается на 1 %. Когда тот или иной основной продукт питания дорожает, люди пытаются заменить его более дешевым. Но если цены поднимаются почти на все основные продукты, то не остается никакой альтернативы.

Согласно проведенному нами в 2003 году исследованию глобальной продовольственной безопасности, к 2025-му при сохранении нынешних темпов роста экономики и населения количество голодающих в мире сократится на 23 % — примерно до 625 миллионов. Это при условии, если повышение производительности сельского хозяйства окажется достаточным для того, чтобы удержать на постоянном уровне относительные цены на продовольствие. Но если — при прочих равных условиях — цены на основные продукты питания вырастут из-за спроса на биотопливо, как это прогнозирует *IFPRI*, то число продовольственно необеспеченных людей в мире будет увеличиваться на 16 млн при каждом повышении реальных цен на основные продукты питания на 1 %. Это означает, что к 2025 году в мире будут хронически голодать 1,2 млрд человек — на 600 млн больше, чем прогнозировалось ранее.

Самые бедные жители планеты уже тратят на еду от 50 до 80 % своего заработка. Для многих безземельных наемных работников либо фермеров, ведущих натуральное хозяйство, чувствительный рост цен на основные продукты питания будет означать недоедание

и голод. Некоторые из тех, кто сейчас способен поддерживать свое существование, начнут по-настоящему умирать от голода, а еще многих сразят болезни, связанные с недоеданием.

ТРАВА ЗЕЛЕНЕЕ...

А ради чего? В лучшем случае ради некоторого оздоровления окружающей среды. Никто не отрицает важность способов получения возобновляемой энергии, однако следует подвергнуть тщательному анализу поспешные заявления о том, что биогорючее – это «зеленое» топливо. Этанол и биодизель часто рассматриваются как безопасные для окружающей среды, поскольку их производят из растительного сырья, а не из нефти. На поверку оказывается, что даже если для производства этанола использовать весь урожай кукурузы в Соединенных Штатах, горючего хватило бы только на то, чтобы заместить 12 % текущего потребления бензина в США. Представление об этаноле как о «зеленой» альтернативе ископаемому топливу подкрепляет миф об энергетической независимости и ослабления связи между интересами Соединенных Штатов и все более беспокойным Ближним Востоком.

Следует ли вообще использовать такие культуры, как кукуруза и соя, для производства топлива? Соя, а тем более кукуруза – это культуры, вызывающие эрозию почвы и загрязнение воды. Они требуют большого количества удобрений, пестицидов и топлива для выращивания, сбора урожая и сушки. Они являются основной причиной стока азота – опасных утечек азота, вымываемого с полей дождевыми осадками. Подобные явления привели к появлению так называемой мертвой зоны в Мексиканском заливе – океанской территории величиной со штат Нью-Джерси, где практическое отсутствие кислорода не способствует поддержанию жизни. В Соединенных Штатах кукуруза и соя обычно высеваются по очереди, поскольку соя обогащает почву азотом, необходимым для роста кукурузы. Но последняя все больше вытесняет сою в качестве основного источника этанола, в результате ее начнут собирать непрерывно, а это потребует значительного увеличения количества азотных удобрений и вместе с тем усугубит проблему азотного стока.

Этанол, производимый из кукурузы, нельзя считать и достаточно топливосберегающим. Дебаты об «энергетическом балансе» между биотопливом и бензином (речь идет о величине коэффициента между производимой ими энергией и энергией, необходимой

для их производства) ведутся десятилетиями. На данный момент этанол на основе кукурузы представляется предпочтительным по сравнению с бензином, а биодизель — по сравнению с нефтяным дизельным топливом, но преимущество незначительно. Ученые из Аргоннской национальной лаборатории и Национальной лаборатории возобновляемой энергии подсчитали, что истинная энергетическая ценность бензина равна 0,81. То есть на его производство требуется больше энергии, чем он потом выделяет. Соответствующий коэффициент для этанола на основе кукурузы находится в диапазоне от 1,25 до 1,35, что лучше, чем безубыточность. Энергетическая ценность нефтяного дизельного топлива равна 0,83, а биодизеля на основе масла сои находится в диапазоне от 1,93 до 3,21. (Биодизель из других жиров и масел, к примеру, использованный кулинарный жир, может быть еще более энергосберегающим.)

Сходные результаты получаются при сравнении биогорючего с бензином и по таким показателям воздействия на окружающую среду, как выбросы парниковых газов. Полный цикл производства и потребления этанола на основе кукурузы приводит к меньшим выбросам парниковых газов, чем аналогичный цикл для бензина, но только на 12–26 %. При производстве и потреблении биодизеля выбрасывается парниковых газов на 41–78 % меньше, чем при производстве и потреблении дизельного топлива на основе нефти.

Еще одним сравнительным показателем является выброс парниковых газов на милю автопробега, где в расчет принимается относительный КПД топлива. Использование бензиновых смесей с добавлением 10 % этанола на основе кукурузы вместо чистого бензина снижает величину выбросов на 2 %. Если смесь на 85 % состоит из этанола (на которой могут работать только автомобили с гибридными двигателями), выбросы парниковых газов снижаются: на 23 %, если этанол получен на основе кукурузы, и на 64 % — на основе целлюлозы.

Аналогичным образом дизель с 2-процентным содержанием биодизеля выбрасывает на 1,6 % меньше парниковых газов, чем нефтяной дизель, в то время как смесь с 20-процентным содержанием биодизеля выбрасывает парниковых газов на 16 % меньше, а чистый биодизель (который можно использовать тоже только в специально оборудованных автомобилях) выбрасывает на 78 % меньше. В то же время биодизель может увеличить выбросы окиси азота, что способствует загрязнению воздуха. Короче говоря, «зеленые» достоинства этанола и биодизеля достаточно скромны, если это горючее произ-

водить из кукурузы и сои, которые являются энергоемкими и сильно загрязняющими окружающую среду пропашными культурами.

Биотопливо обладает большим преимуществом, когда для его изготовления используют другие растения, помимо кукурузы, или масла других культур, помимо сои. Этанол, полностью изготовленный из целлюлозы (которая содержится в древесине, злаковых травах и других растениях), имеет коэффициент энергетической ценности в диапазоне от 5 до 6 и выбрасывает на 82–85 % меньше парниковых газов, чем бензин. По мере роста дефицитности и удорожания кукурузы многие делают ставку на то, что этаноловая отрасль начнет все больше обращаться к злаковым травам, древесине и пожнивным остаткам других полевых культур, таких, как пшеничная и рисовая солома и кукурузные стебли. Злаковые травы и деревья можно выращивать на землях, плохо приспособленных для пищевых культур, либо в климатических условиях, не подходящих для кукурузы и сои. Последние достижения ферментативных и газифицирующих технологий облегчили выделение целлюлозы из древесных растений и соломы. Полевые опыты показывают, что луговые многолетники могут стать перспективным источником биогорючего в будущем.

На данный момент, однако, стоимость сбора, транспортировки и переработки этого растительного сырья высока. Таким образом, этанол из целлюлозы пока еще коммерчески нерентабелен по сравнению с экономией на нынешнем масштабе производства «кукурузного топлива». Один менеджер по производству этанола на Среднем Западе подсчитал, что если снабжать завод прутьевидным просом (широко обсуждаемая альтернатива), то потребуются доставлять на предприятие по одному груженому полуприцепу каждые шесть минут круглосуточно. Организационные сложности и затраты, связанные с переработкой целлюлозы в топливо, в сочетании с субсидиями и политикой, поощряющей в настоящее время использование кукурузы и сои, приводят к тому, что на ближайшее десятилетие рассчитывать на использование этанола из целлюлозы не приходится. Пока это не станет реальностью, более активное использование сахарного тростника в производстве этанола в тропических странах будет эффективнее, чем использование кукурузы, и не потребует переработки одного из основных продуктов питания.

Будущее видится в более радужном свете, если предпринять правильные шаги уже сейчас. Ограничение зависимости США от иско-

паемого топлива требует принятия всесторонней программы энергосбережения. Вместо того чтобы плодить правительственные распоряжения, налоговые льготы и субсидии вокруг биогорючего, администрации Соединенных Штатов следует взять на себя обязательства по существенному расширению рационального использования энергии в автомобильных двигателях, для отопления зданий и на фабриках. Правительству следует пропагандировать альтернативные источники энергии, например гелиоэнергетику и энергию ветра, и инвестировать в исследования, направленные на повышение производительности сельского хозяйства и подъем КПД горючего из целлюлозы. Одержимость Вашингтона этанолом на основе кукурузы сместила акценты национальной повестки дня и отвлекла внимание от разработки комплексной и сбалансированной стратегии. В марте Министерство энергетики США объявило, что собирается инвестировать до 385 млн долларов в шесть заводов по переработке целлюлозы в этанол. Это — многообещающий шаг в нужном направлении.

ЖУРНАЛ
**БОЛЬШАЯ ИГРА:
ПОЛИТИКА, БИЗНЕС, БЕЗОПАСНОСТЬ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Это источник информации и аналитики по широкому спектру региональных проблем для российских и международных компаний, а также правительственных структур.

Оформить подписку можно через
консалтинговую компанию ЛаТУК (издатель журнала)
(495) 775 04 19
info@latuk.ru
www.latuk.ru

А также через фирму «МК-Периодика»
(495) 684 50 08
info@periodicals.ru

Восточный вектор

Главный смазчик: «На рельсы мы уже седьмой год, как встали. Да все колес настоящих не было. Ничего! Теперича – есть». Журнал «Смехач», 1924 г.

“*России недостает решимости окончательно отказаться от имиджа «миролюбивой» страны и перейти от рассуждений о международном праве к открытому отстаиванию своих интересов. Отчасти это связано и с тем, что российский бюрократический аппарат не может сформулировать ясные доктринальные установки*”

Конкуренция за безопасность Центральной Азии

Иван Сафранчук

112

Шанхайская организация сотрудничества
и будущее Центральной Азии

Эван Файгенбаум

122

Гармония превыше всего *Александр Ломанов*

132

Корейский полуостров: единство и борьба

Александр Воронцов, Олег Ревенко

146

Восточноазиатская стратегия России и корейский вызов

Георгий Толорая

158

Конкуренция за безопасность Центральной Азии

Иван Сафранчук

За последние годы Россия ясно продемонстрировала как партнерам, так и конкурентам, что считает пространство бывшего СССР зоной своих интересов. Москва и в прошлом десятилетии постоянно говорила о Содружестве Независимых Государств (СНГ) как о внешнеполитическом приоритете, однако на практике эти декларации, в сущности, ничем не подкреплялись. Поэтому сделанная Владимиром Путиным заявка на активизацию политики в странах Содружества изначально не удостоилась должного внимания. Между тем опыт последних шести лет доказал, что теперь Россия действительно готова предпринимать реальные шаги для отстаивания своих интересов на пространстве бывшего Советского Союза, особенно в Центральной Азии. Этого требуют как проблемы безопасности, так и экономические соображения. Активизация в СНГ отражает также трансформацию фундаментальных позиций российской внешней политики.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ В РОССИИ

Современная ситуация характеризуется сосуществованием и конкуренцией, по сути, двух базовых подходов к выработке внешней политики. С некоторой долей условности их можно назвать «доктриной Примакова» и концепцией «либеральной империи».

«Доктрина Примакова» исходила из того, что СССР активно участвовал в формировании международного права и в значительной степени был его бенефициарием. Поэтому России, унаследо-

И.А. Сафранчук — к. полит. н., директор российского представительства Института мировой безопасности, главный редактор журнала «Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии».

вавшей все позиции Советского Союза в данной сфере, международное право в целом выгодно, особенно в условиях слабости страны и ее неготовности к «внеправовым разборкам». Россия не ощущает в себе внутренних сил, чтобы открыто отстаивать свои национальные интересы и, возможно, даже не в состоянии их четко сформулировать. Вот почему Москве следует дожидаться лучших времен под «прикрытием» международного права.

Этот подход никогда не был сформулирован в письменном виде. Более того, он не был даже ясно вербализован, однако именно такая логика просматривалась в российской внешней политике второй половины 1990-х годов, когда министром иностранных дел, а затем премьер-министром был Евгений Примаков. Значительные дипломатические усилия были тогда направлены именно на то, чтобы удержать США и НАТО в рамках международного права.

Концепцию «либеральной империи» озвучил в 2003-м глава РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс. Она сводится к тому, что у России нет иного выбора, кроме как расширять свое экономическое и политическое влияние на постсоветском пространстве. Но Россия должна быть не тираном или гегемоном, а, напротив, источником прогресса и гарантом соблюдения прав человека. В этом — ее национальная миссия, которая способствует реализации национальных интересов.

Между этими двумя позициями лежит весь спектр разнообразных взглядов и мнений. Обозначенные концепции сосуществуют: «доктрина Примакова» — преимущественно в декларативной политике, концепция «либеральной империи» — на практике. В результате создается впечатление, что Москва непоследовательна. Ее всё чаще обвиняют в «двойных стандартах», а такие обвинения были надежным средством в российском дипломатическом арсенале в 1990-е годы.

России недостает решимости окончательно отказаться от имиджа «миролюбивой» страны и перейти от рассуждений о международном праве к открытому отстаиванию своих интересов. Отчасти это связано и с тем, что российский бюрократический аппарат не может сформулировать ясные доктринальные установки.

Как бы то ни было, идея, возникшая как «либеральная империя», все более овладевает умами политиков (особенно по мере того, как забывается авторство концепции и упор все больше делается на вторую составляющую данного понятия). А «доктрина Примакова», поддерживаемая многими профессиональными дипломатами, медленно сдает позиции.

СОЗДАНИЕ ПРОРОССИЙСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Россия инициировала четыре проекта: это – Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Три из этих организаций занимаются вопросами безопасности. Создавая их, Москва рассчитывала получить в руки эффективные механизмы координации и сотрудничества в выполнении совместно принятых решений. России нужны инструменты реализации ее политики, и вышеупомянутые институты являются рычагами воздействия в различных функциональных и географических областях.

Декларируемые задачи частично совпадают, однако фактически организации предназначены для достижения разных целей. Дублирование функций является следствием того, что все эти институты создавались в разное время и в разной политической обстановке. Россия старается «сортировать» зоны ответственности этих организаций, но в полной мере добиться этого не удастся. Например, в каждой из них, за исключением ЕврАзЭС, действуют практически одни и те же органы управления (см. таблицу).

Органы управления организаций

СНГ	ОДКБ	ШОС
Совет глав государств	Совет коллективной безопасности (состоит из глав государств)	Совет глав государств
Совет глав правительств	–	Совет глав правительств
Совет министров иностранных дел	Совет министров иностранных дел	Совет министров иностранных дел
Совет министров обороны	Совет министров обороны	–
–	–	Совет национальных координаторов
Антитеррористический центр (г. Москва)	–	Региональный антитеррористический центр (г. Бишкек)
Совет командующих пограничными войсками	–	Совет командующих пограничными войсками
–	Комитет секретарей советов безопасности	–

Конкуренция за безопасность Центральной Азии

Органы отраслевого сотрудничества (несколько десятков; как правило, не финансируются)	–	Органы отраслевого сотрудничества (около десяти)
Постоянный координационно-консультативный комитет (г. Минск)	–	–
Комиссия по правам человека (г. Минск)	–	–
Межпарламентская ассамблея (г. Санкт-Петербург)	–	–
Экономический суд (г. Минск)	–	–
Исполнительный комитет (г. Минск)	Секретариат (г. Москва)	Секретариат (г. Пекин)

Источник: таблица подготовлена автором.

СНГ. У Содружества Независимых Государств отсутствует четко определенная цель. Многие эксперты издавна характеризуют его как форму «развода» после распада Советского Союза. Более точным представляется другое определение: «клуб первых секретарей» — республиканских партийных лидеров, пришедших к власти в момент получения бывшими советскими республиками независимости либо после недолгого правления «национальных фронтов». Проблема Содружества как раз и заключается в неспособности превратиться в нечто большее, чем «клуб первых секретарей». По мере того как «первые секретари» покидают политическую арену, их преемники теряют интерес к организации и постепенно дистанцируются от нее. Это относится не только к «прозападным» Виктору Ющенко и Михаилу Саакашвили, но и к Ильхаму Алиеву и Владимиру Путину. Это в значительной степени справедливо даже для Александра Лукашенко, который мог бы стать образцовым «первым секретарем», но все-таки никогда им не был.

Ограниченная функциональность СНГ явилась одной из причин создания ОДКБ и ЕврАзЭС. Содружество превратилось в своего рода тихую гавань для тех, кто пока не готов войти в ОДКБ и/или в ЕврАзЭС и брать на себя реальные обязательства либо вообще не намерен этого делать.

В СНГ остается три проекта, связанных с обеспечением безопасности в том числе Центрально-Азиатского региона: миротворчество, единая система ПВО и Антитеррористический центр (АТЦ). Одна-

ко и они уже продублированы в других форматах: в ОДКБ тоже создана общая ПВО и прорабатывались возможности миротворчества под флагом этой структуры, а в ШОС появилась региональная антитеррористическая структура.

Проекты безопасности под эгидой СНГ (АТЦ, единая ПВО и миротворчество) не будут свернуты. Однако расширения зон ответственности и активизации работы Содружества по вопросам безопасности тоже не стоит ожидать.

ШОС. Эта организация выросла из успешного сотрудничества по демилитаризации границ пяти стран (сегодняшние члены ШОС за исключением Узбекистана). В 1996-м была сформирована «Шанхайская пятерка», а в 2001 году она была преобразована в ШОС с одновременным включением в ее состав Узбекистана. Вопросы безопасности были основными при формулировании миссии ШОС, однако вскоре круг интересов участников форума расширился, в частности, под влиянием Китая.

Сейчас ШОС позиционируется как евро-азиатская организация универсального типа. В этой связи интересно, что межведомственные советы множатся, затрагивая все более широкий спектр проблем взаимодействия и фактически копируя структуры схожего статуса в СНГ.

Экономическая составляющая будет расти опережающими темпами. Но в повестке дня, безусловно, останутся и вопросы безопасности. Форум демонстрирует готовность взять на себя ответственность как за обеспечение безопасности в Центральной Азии, так и за общее развитие региона.

Характерно своеобразное позиционирование Шанхайской организации сотрудничества по отношению к США. На Западе многие видят в ШОС «антиамериканский союз». Сомнения в правомерности такой оценки можно выразить хотя бы потому, что Индия и Пакистан — явно не противники Соединенных Штатов — имеют в ШОС статус наблюдателя.

Но разговоры об антиамериканской направленности возникают, конечно, не на пустом месте. Организация четко ориентирована на то, чтобы обойтись без Соединенных Штатов в решении всех проблем Центральной Азии. ШОС не собирается противостоять США глобально или регионально, но и не хочет иметь с Вашингтоном никаких связей, то есть действовать не *против* Америки, но *без* нее. Это довольно интересная модель отношений с мировой сверхдержавой. Есть и другие институты, которые находятся вне американского контекста, но про-

исходит это по причине низкого либо нулевого интереса самих Соединенных Штатов к контактам и сотрудничеству с ними. Интерес же к ШОС у США большой, однако «шанхайцы» на контакт не идут. При этом вполне возможно развитие диалога по линии ШОС – Евросоюз.

ОДКБ. Усилить Договор о коллективной безопасности (ДКБ) стран СНГ Администрация Президента РФ Владимира Путина предложила на саммитах в Минске и Бишкеке в 2000-м. Эти инициативы стали прямым следствием вооруженных столкновений в горах Киргизии летом 1999 и 2000 годов. Фактически впервые государствам – членам ДКБ понадобилось объединить усилия для совместных военных операций. Этот опыт и его анализ положили начало попыткам реанимировать договор, что привело к созданию в 2002–2003 годах Организации Договора о коллективной безопасности. (Документы подписаны в 2002 году и вступили в силу в 2003-м.)

Для понимания структуры и функционирования ОДКБ важно принимать во внимание, что она создавалась не с нуля. Эта организация сочетает в себе разрозненные элементы, возникшие в период с 1992 по 2001 год в разных условиях и с различными целями. Собрать их воедино было непросто. Схема показывает структуру ОДКБ, элементы которой помечены годами их создания.

Первоначально задача ОДКБ состояла в координации деятельности уже существовавших к 2002-му таких региональных образований, как Восточноевропейские союзнические силы (Россия – Белоруссия), Кавказские союзнические силы (Россия – Армения) и Коллективные силы быстрого развертывания в Центральной Азии (КСБР ЦА). Юридически это было оформлено Протоколом о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств – членов ДКБ, подписанным в 2001 году в Ереване.

Однако еще раз напомним, что все эти институты создавались при совершенно разных обстоятельствах. Хронологически первыми возникли российско-армянские структуры, изначальной задачей которых было осуществлявшееся с 1994-го совместное патрулирование турецкой границы. Создание российско-белорусских союзнических сил способствовало развитию военного сотрудничества, начавшегося после расширения НАТО в 1997 году и активизировавшегося после операций альянса в Югославии. Их формирование стало частью строительства Союзного государства, поэтому в большой степени зависело от политических взаимоотношений Москвы и Минска.

Структура ОДКБ

* До образования ОДКБ существовал Генеральный секретариат Совета коллективной безопасности.

Источник: схема подготовлена автором.

В обоих случаях союзнические силы предназначались для сдерживания внешней угрозы, и их появление было своего рода развитием процесса оказания взаимной военной помощи. Стороны предпочитали использовать юридические рамки ДКБ (многосторонний формат) для двусторонних отношений, а не подписывать новые соглашения. Последнее сделало юридически возможным соединение всех элементов в одной организации.

Первоначально координация действий союзнических сил осуществлялась через Совет министров обороны и Комитет секретарей советов безопасности, созданных в 2000-м. В то время КСБР ЦА еще не существовало. Затем все эти структуры вошли в новую, разросшуюся Организацию Договора о коллективной безопасности.

В силу ее эклектичной природы требуются значительные усилия, чтобы добиться политического и юридического взаимодействия всех элементов. Что, в свою очередь, означает необходимость выработки эффективных процедур принятия и реализации решений.

На начальном этапе ОДКБ воспринималась как структура, базирующаяся на российской военной платформе (подготовка офицерского состава, предоставление российских вооружений и военной техники, совместные учения). В общем, как военная организация. Однако вскоре была поставлена цель превратить ее в универсальный институт безопасности. Сегодня ОДКБ считает зоной своей ответственности как традиционные, так и новые угрозы (например, в ее рамках ежегодно проводится операция «Канал» для пресечения наркотрафика).

ШОС И ОДКБ:

СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

Зоны ответственности ШОС и ОДКБ в значительной степени пересекаются как функционально, так и географически. Из семи стран, входящих в ОДКБ, пять представлены в ШОС, а из шести стран — участниц Шанхайской организации сотрудничества пять входят в ОДКБ. Это, впрочем, не облегчает отношения между ними. Скорее можно говорить о том, что две структуры все больше втягиваются в непубличную и опасную конкуренцию.

Подобное соперничество не выгодно прежде всего ОДКБ. С высокой степенью вероятности можно предположить, что ШОС способна более эффективно решать многие вопросы безопасности, особенно из разряда так называемых новых угроз. ОДКБ в таком случае редуцируется до общей системы ПВО, системы подготовки военных кадров и поставок российского оружия странам-членам. По сути, она превратится в военную организацию с очень ограниченной зоной ответственности.

Некоторые из государств, входящих в ОДКБ и ШОС, только поражаются ослаблению первой и прогрессу второй, другие же, напротив, будут озабочены чрезмерным изменением баланса в пользу «шанхайцев».

Деликатность отношений между ОДКБ и ШОС не является секретом. Уже несколько лет между секретариатами этих организаций ощущается напряженность. В 2007 году были предприняты шаги к решению проблемы. На саммите Шанхайской организации сотруд-

ничества в Бишкеке принято решение о координации работы ШОС и ОДКБ. В результате генеральные секретари Николай Бордюжа (ОДКБ) и Болат Нургалиев (ШОС) подписали в октябре 2007-го в Душанбе совместный документ. Правда, о «координации» речь в нем не идет, он называется «Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества». Такое название достаточно адекватно отражает исходные позиции сторон и их намерения.

В Меморандуме ОДКБ и ШОС договорились проводить консультации и обмениваться информацией, приглашать друг друга на свои мероприятия, а также разрабатывать совместные программы и мероприятия. Причем эти формы сотрудничества распространяются фактически на все сферы деятельности организаций.

Но каким образом будет осуществляться сотрудничество между двумя секретариатами и к чему оно приведет на практике – вопрос открытый. Возможны два сценария развития событий.

Во-первых, ОДКБ и ШОС могут воспринимать Меморандум как соглашение о «мирном сосуществовании» и «невмешательстве в дела друг друга». Но тогда придется как-то развести функциональные зоны ответственности, что очень затруднительно, так как ни одна из организаций не откажется от параллельных проектов в сфере безопасности. Напротив, Меморандум фиксирует этот параллелизм.

Во-вторых (и это более вероятно), обе структуры продолжают параллельные проекты, но секретариаты будут согласовывать планы действий и избегать открытых противоречий. По сути, это означает опосредованный доступ Китая к работе ОДКБ – к разработке планов и принятию решений. Но одна из главных особенностей ОДКБ состоит именно в том, что в ее работе не участвует Китай. Если Пекин получит туда доступ (а по мере развития сотрудничества вплоть до совместных программ и мероприятий он будет расширяться), то какой смысл в существовании двух институтов? Это не значит, что ОДКБ формально исчезнет. Но у нее появляется реальный шанс повторить судьбу Западноевропейского союза – военной организации, которая после образования НАТО, фактически утратила свое значение. Окончательно она была упразднена с принятием Единой политики в области обороны и безопасности Европейского союза.

Отдельные страны, одновременно входящие в обе организации,

заинтересованы в некотором соперничестве между ними. Одни хотят уравновесить российское влияние в ОДКБ своим участием в ШОС, другие – нивелировать китайское влияние в ШОС за счет участия в ОДКБ. Несмотря на это, две структуры явно не стремятся к открытому соперничеству. Но избежать конкуренции можно только за счет интересов одной из структур. Пока более вероятно, что ОДКБ будет постепенно уступать «шанхайцам». Решения же о сотрудничестве не снимут озабоченность Секретариата ОДКБ, а могут обернуться против него же, так как на практике станут механизмом доступа Китая в Организацию Договора о коллективной безопасности.

Впрочем, многое будет зависеть от того, каким влиянием в Шанхайской организации сотрудничества будет пользоваться Китай. Распространенное в журналистских кругах и среди западных экспертов представление о том, что ШОС – это «китайская организация», неверно. Сейчас можно говорить о том, что КНР обладает в ШОС правом вето, то есть ничего не может быть решено против интересов Пекина. Но Китай не обладает свободой действия, то есть организация не будет делать всего, что хочет Китай. В последующие годы роль Секретариата ШОС будет возрастать (в этом году генсеку придали статус главного исполнительного должностного лица). Секретариат может занимать всё более самостоятельные позиции. Поэтому многое будет зависеть от генерального секретаря. Еще два года этот пост будет занимать представитель Казахстана, а потом по три года киргиз, таджик и россиянин. Секретариат ШОС может не обострять отношения с ОДКБ, тогда и «мирное сосуществование», и равноправное сотрудничество вполне возможны.

Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии

Эван Файгенбаум

Всякий раз, когда речь заходит о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), у многих американцев закипает кровь. Встречи на высшем уровне, военные учения, заявления ШОС или провозглашение этой организацией новых целей всегда вызывают широкий резонанс в средствах массовой информации. Вопрос о том, что ШОС означает для интересов Соединенных Штатов в Центральной Азии, безусловно, не может не привлекать наше внимание.

Однако дебаты, ведущиеся в США вокруг ШОС, выходят далеко за рамки проблем, связанных с этой организацией, затрагивая тему сотрудничества с обозначенной геополитической частью мира в целом. Шестнадцать лет кряду основной целью трех администраций Соединенных Штатов являлось в Центральной Азии оказание поддержки молодым независимым, суверенным государствам. Речь идет о государствах, стоящих перед стратегическим выбором, обладающих свободой действий и достаточно уверенно ведущих поиски того, как реализовать свои возможности по всем направлениям, в том числе в области экономики.

Такие возможности открылись перед пятью новыми государствами Центральной Азии благодаря обретению ими независимости в 1991 году. Однако появление новых границ породило и новые проблемы.

В результате развала Советской державы возникли доселе не существовавшие международные границы. По разные их стороны оказались семьи и целые общины, земледельцы и возделываемые поля были отрезаны от доступа к воде. Решения, некогда принимавши-

Эван Файгенбаум — заместитель помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии. В основе данного материала — выступление автора в Центре Никсона (Вашингтон) 6 сентября 2007 года.

еся под диктовку Москвы, теперь составляют предмет переговоров, споров и компромиссов между пятью суверенными государствами. К тому же сегодня от стран Центральной Азии требуется умение заключать порой достаточно сложные межправительственные соглашения по всему кругу вопросов – от виз до ирригации.

Поскольку цель американской политики как раз и состоит в том, чтобы поддерживать принятие совместных решений в области экономики и безопасности в Центральной Азии, мы вправе получить ответ на главный вопрос. Как развивать сотрудничество и интеграцию в регионе, где трансграничные связи при всей своей необходимости на поверку оказываются столь эфемерными?

Центральная Азия, фактически составляющая большую часть постсоветского пространства, изобилует аббревиатурами: ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС, ОЭС, СНГ и пр. Собранный нами за 16 лет объем данных (преимущественно неутешительных) свидетельствует: несмотря на острую нужду государств Центральной Азии в сотрудничестве, эта потребность слишком редко воплощается в политику взаимодействия. То же можно сказать и о некоторых важных составляющих экономической жизни: это пересечение границ, таможенный досмотр, распределение воды и электричества, ирригация.

Центральная Азия и ее соседи во многом крайне зависимы друг от друга, и в ряде случаев это порождает серьезную обеспокоенность. Поэтому, будь то ШОС или механизмы, предлагаемые Америкой, задействовать различные форматы следует таким образом, чтобы многостороннее сотрудничество могло способствовать обеспечению независимости и суверенитета.

С нашей стороны были приложены значительные усилия. Америка потратила миллиарды, помогая Центральной Азии обрести уверенность в себе и совместно действовать во имя развития и безопасности. За несколько лет 39 млн долларов было израсходовано только на трансграничные ирригационные проекты. Мы предложили тщательно разработанные проекты по обустройству таможи и границ. Действуют обширная Программа регионального рынка энергоносителей (*Regional Energy Market Assistance Program – REMAP*), а также рамочное соглашение о товарообмене и инвестициях между США и Центральной Азией, в которое вошли все пять центральноазиатских государств плюс Афганистан. Таким образом, мы поставили перед собой цель – обеспечение независимости при одновременном развитии взаимодействия. Это

позволяет сформулировать четыре вопроса относительно Шанхайской организации сотрудничества, ответы на которые ищут в настоящее время в американском правительстве.

Во-первых, что реально, а не только на словах предпринимает ШОС в целях развития взаимодействия?

Во-вторых, способствует ли ШОС укреплению независимости и суверенитета всех своих членов, включая небольшие государства Центральной Азии, которые слишком часто становились жертвами геополитической борьбы? В несколько более категоричной форме вопрос выглядит следующим образом: в чем состоит подлинный смысл отношений между двумя крупными континентальными державами, каковыми являются Россия и Китай, и небольшими, но весьма своенравными и независимыми центральноазиатскими государствами – членами ШОС?

В-третьих, настроена ли Шанхайская организация сотрудничества против Соединенных Штатов?

Наконец, **в-четвертых**, способна ли программа сотрудничества ШОС в Центральной Азии дополнить нашу собственную, или же она ей противоречит?

Первое. Чем занимается ШОС? Если подходить объективно, то трудно составить полную картину ее деятельности. Нам известно только то, о чем на словах заявляют члены этой организации: они принимают коммюнике и берут на себя декларативные обязательства, выступают с совместными отчетами. Нам также известно, что ШОС проводит встречи (и достаточно часто) на уровне руководителей государств, министров иностранных дел, министров обороны, рабочих групп и т. д.

Кроме того, мы знаем, что данная организация имеет Секретариат, открывает координационные центры, такие, к примеру, как Исполнительный комитет Региональной антитеррористической структуры в Ташкенте, проводит совместные военные учения.

Но что же на деле предпринимает ШОС для развития долгосрочного сотрудничества в этой части мира? Что это – группа по безопасности? Торговый блок? Что-то еще? Какой видится эта организация самим ее членам? Проведение военных маневров, пусть даже масштабных и впечатляющих, само по себе не способствует долгосрочному сотрудничеству в обеспечении безопасности.

Это немаловажный вопрос, поскольку те, кто пытается дискредитировать ШОС, слишком часто видят в ней «вред для Соединен-

ных Штатов», в то время как сами ее члены утверждают, что ШОС «не представляет собой угрозу США». Однако американское правительство не боится прослыть старомодным: рассмотрение вопроса мы начинаем с интересов Соединенных Штатов Америки, и чтобы оценить «хорошо» это или «плохо», нам необходимо знать, чем фактически занимается ШОС.

Вот, по крайней мере, часть того, о чем мы осведомлены. Нам известно, что ШОС начинала в середине 1990-х как «Шанхайская пятерка». У группы имелись четкие критерии членства: все входившие в нее государства граничили с Китаем. Существовал определенный замысел, были поставлены соизмеримые задачи. Главным образом «Шанхайская пятерка» пыталась разрешить пограничные споры между Китаем и его постсоветскими соседями.

Но, выполнив эту задачу, а затем, включив в число своих членов Узбекистан, четырех наблюдателей и нескольких деловых партнеров, ШОС расширила круг своих целей и намерений, сделав их тем самым более расплывчатыми и туманными.

Согласно Уставу ШОС, к основным целям организации относятся безопасность и стабильность, борьба с наркотиками и терроризмом, сотрудничество в сфере экономики, культурный обмен и даже продвижение к созданию демократического порядка. Это амбициозная программа. Тем не менее трудно указать на конкретные достижения за исключением двусторонних соглашений либо договоренностей, принятых не в рамках ШОС. Например, нефтепровод между Казахстаном и Китаем, по сути, не является проектом организации.

В связи с этим Соединенные Штаты продолжают делать все, чтобы понять, где факты, а где домыслы, где слова, а где дела, отличить то, что «хорошо» для наших интересов, от того, что может быть менее продуктивным.

Но, по крайней мере, мы знаем, чем ШОС в действительности не является. ШОС — не новоявленный Варшавский договор. Потому что государства Центральной Азии реально обеспечивают свою независимость и суверенитет, тогда как Варшавский договор позволял советским войскам и военным базам размещаться на территории стран-участниц.

Так, правительство Таджикистана возложило на себя ответственность за охрану своей государственной границы, приняв ее от России. Пограничные мероприятия Таджикистан осуществляет в тесном партнерстве с Соединенными Штатами. Мы предоставили око-

ло 40 млн долларов на реконструкцию, восстановление и оснащение 15 застав на таджикско-афганской границе, провели меры по обучению таджикских погранвойск.

ШОС не является также «противовесом НАТО», так как членство в этой организации ни в коей мере не препятствует сотрудничеству с Североатлантическим альянсом. Все пять центральноазиатских государств участвуют в программе НАТО «Партнерство во имя мира». Организация Североатлантического договора акцентировала свое внимание на регионах Центральной Азии в ходе саммита в Стамбуле в 2004 году. И конечно, Соединенные Штаты и их союзники по НАТО продолжают работать в Центральной Азии, обеспечивая координацию и мобильность военных действий в Афганистане. Мы осуществляем трудоемкие программы помощи по обеспечению безопасности пяти государств Центральной Азии, четыре из которых – члены ШОС.

Америка на безвозмездной основе предоставила патрульные катера береговым пограничным частям Казахстана и Узбекистана. С помощью США в регионе реконструированы военные объекты. Таджикистану и Киргизии оказывается финансовая, экспертная и техническая поддержка в создании национальных агентств по борьбе с наркотрафиком. Казахстану предоставлена помощь в приобретении современных вертолетов «Хьюи» для сил быстрого реагирования. Мы помогли восстановить военную авиацию Киргизии. Более того, в апреле я сам подписывал официальные документы на одном из киргизских аэродромов при передаче современных вертолетов Ми-8 вооруженным силам Киргизии.

И это все, что касается только военной сферы. Взаимодействие с государствами – членами ШОС реализуется и в сфере торговли и инвестиций. Помимо торгового партнерства с Китаем объемом 260 млрд долларов, Соединенные Штаты, к примеру, являются основным иностранным инвестором в Казахстане, а в 2005-м почти 30 % всех прямых иностранных инвестиций в Казахстан были осуществлены американскими компаниями.

Торговые отношения между США и Центральной Азией стремительно расширяются. С 2002 по 2005 год объем экспорта в Соединенные Штаты из Таджикистана увеличился в 200 раз, совершив рывок с 1,2 млн до 241 млн долларов. В период с 2002 по 2006-й американский экспорт в Киргизию вырос почти втрое. И речь идет не только о кредитах и займах. Мы рассчитываем создать надлежащие условия как для торговли, так и для инвестиций.

Итак, можно говорить о положительных сдвигах. Как было отмечено выше, в течение долгого времени мы желали видеть наших центральноазиатских партнеров свободными в своем выборе и действиях. И теперь это им присуще: ряд членов ШОС, и не в последнюю очередь центральноазиатские государства, вступают в тесные партнерские отношения с Соединенными Штатами во всех сферах деятельности.

Но мы ожидаем, что и многосторонние организации подобным же образом будут стремиться к укреплению сотрудничества.

Поэтому нам безразлично, что будет делать ШОС и какой она предстанет. Но с особым вниманием мы будем следить за тем, дополняют ли инициативы этой организации наши собственные.

Второе. Как было отмечено, нас интересует развитие отношений между двумя крупными державами ШОС и другими ее членами. Особенно важно понять – и об этом следует сказать совершенно откровенно и непредвзято, – какими России и Китаю видятся будущее ШОС, а также роль Соединенных Штатов в Центральной Азии.

Наш собственный подход предельно прост: возьмите газеты, прочитайте о Центральной Азии, и почти в каждой статье вы найдете упоминания о «шахматных досках» и геополитических «проектах». Позвольте внести ясность: мы не рассматриваем государства Центральной Азии в качестве шахматных фигур на чьей-либо шахматной доске. Надеемся, что Россия и Китай – тоже.

Во-первых, для стран Центральной Азии это оскорбительно. Здесь не испытательный полигон для коварных стратегий сторонних держав. У них есть собственные интересы, цели и мотивы. Поэтому, действуя в рамках стратегических и экономических ограничений, они ревностно защищают свою независимость.

Во-вторых, такой подход ошибочен. Все как раз наоборот: за прошедшие шестнадцать лет центральноазиатские государства проявили удивительную способность извлекать из соперничества великих держав максимальную пользу для своей независимости. Достаточно обратить внимание на «многовекторную» внешнюю политику Казахстана. Следует также добавить, что, несмотря на свое партнерство в данном регионе, Россия и Китай одновременно соперничают в сфере энергетики.

Для нас, американцев, главным объектом внимания тут являются сами жители Центральной Азии. Они не пассивные объекты геополитической борьбы. В фокусе нашей политики – соблюдение их интересов.

Более того, сквозь эту призму мы смотрим на сотрудничество с Россией и Китаем. Поэтому мы осуществляем дипломатические и стратегические консультации относительно Центральной Азии с обеими странами. И хотим реализовать некоторые дополнительные программы. Почему бы, к примеру, Китаю как члену ВТО не поработать с нами в целях установления в регионе торговых режимов, отвечающих требованиям ВТО? Почему бы России, находящейся под наркоугрозой, не посотрудничать с нами с целью объединения усилий в решении этой проблемы?

Кто готов отказаться от борьбы с наркотрафиком и терроризмом, воспротивиться тому, чтобы расширять экономические перспективы и способствовать обеспечению стабильности и безопасности в Афганистане? Мы видим много возможностей для этого, потому что мир в 2007-м отличается от мира 1947 года и впервые за более чем двухвековую историю, великие державы мирно сосуществуют.

В то же время мы не так наивны.

Мы не заблуждаемся насчет возможности преодолеть пагубное наследие XIX столетия и положить конец соперничеству великих держав. Поэтому, зная, что Россия и Китай имеют собственные интересы в Центральной Азии, мы рассчитываем на то, что они все же будут уважать интересы Америки, наше присутствие и нашу роль в этом регионе. Речь идет о партнерстве с пятью независимыми государствами Центральной Азии, а также о продвижении их суверенного права развивать надежные взаимоотношения с США в разных сферах, даже при том, что эти страны являются членами ШОС.

Третье. На вопрос, настроена ли Шанхайская организация сотрудничества против Соединенных Штатов, ответ таков: «Конечно же, мы надеемся, что нет».

Мы с интересом отметили, что декларации саммитов ШОС 2006-го (Шанхай) и 2007-го (Бишкек) не повторяют призыв ШОС от 2005 года «разобраться» с графиком присутствия вооруженных сил коалиции в регионе. Мы с удовлетворением отмечаем недвусмысленные заявления глав государств — членов ШОС о том, что организация не настроена против нас. Мы приняли к сведению, что несходство точек зрения по отдельным пунктам нашей программы не препятствует взаимному сотрудничеству во многих сферах деятельности, в которых наши интересы совпадают.

Приняв к сведению все это, мы все же не можем избавиться от некоторой настороженности.

История знает немало примеров, когда против крупной державы, добившейся превосходства (а Соединенные Штаты остаются во многих отношениях превосходящей сверхдержавой), объединяются другие участники игры, пытаясь таким образом достичь равновесия. Часто можно услышать заявления о том, что нам следует дать некие гарантии относительно наших намерений в регионе. Но и мы нуждаемся в определенных гарантиях.

Например, мы хотим быть уверены в том, что если каждое государство – член ШОС по отдельности разделяет интересы Соединенных Штатов, то вполне логично ожидать, что и все участники ШОС коллективно разделяют те же интересы. Мы были озадачены, когда, несмотря на подтекст декларации, принятой в Астане в 2005 году, каждое государство – член ШОС (Россия, Узбекистан, Китай и др.) заверило Соединенные Штаты в том, что ему импонирует наше стремление установить стабильность и восстановить Афганистан. Следовательно, если каждый из участников по отдельности разделяет это, то подобным же образом они должны поступать и собравшись вместе.

Действительно, существует длинный список насущных для мирового сообщества вопросов, которые требуют многостороннего сотрудничества. Поэтому начиная с 2005-го мы настойчиво доводили нашу позицию до сведения государств – членов ШОС. С тех пор мы больше не слышали подобного рода заявлений и благодарны правительству Киргизии за предоставленную нам возможность разместить авиабазы в Манасе, значение которой для международных действий в Афганистане остается важным.

Откровенно говоря, вызывает настороженность тот факт, что в качестве наблюдателя ШОС приглашен Иран. Мы часто забываем о том, что Персия являлась важной составляющей частью торговых маршрутов Великого шелкового пути. Однако, каким бы выдающимся ни было прошлое, мировое сообщество, включая Совет Безопасности ООН, который ввел своей резолюцией санкции на действия, связанные с обогащением урана, безусловно, имеет в виду современный Иран. Поэтому нам бы не хотелось, чтобы участие в ШОС, даже в качестве наблюдателя, позволило Ирану игнорировать СБ ООН. Следует помнить, что два государства – участника ШОС являются постоянными членами Совета Безопасности.

Наконец, **четвертое**. Могут ли элементы, составляющие программу ШОС, дополнить нашу собственную? Ответ очевиден: «Да, ес-

ли...», потому что в значительной степени это будет зависеть от того курса, который выберут страны — члены ШОС для своей организации. Утверждения, как известно, могут быть неоднозначны.

На вопрос, какой должна быть программа ШОС, россиянин, китаец, киргиз, узбек дадут четыре разных ответа. Одни делают упор на безопасности, другие — на экономике, третьи обеспокоены проблемой так называемых «трех зол» (терроризм, сепаратизм и экстремизм. — **Ред.**), четвертых волнует чрезмерная активность международных неправительственных организаций.

Пожалуй, лучше было бы начать с той программы, которую мы осуществляем в регионе совместно с нашими центральноазиатскими партнерами.

Возьмем Афганистан: не так давно его рассматривали как основную угрозу безопасности Центральной Азии. Поэтому мы не могли не отметить тот факт, что в этом году на саммите ШОС требование «разобраться» с графиком присутствия вооруженных сил коалиции в регионе было заменено на обязательство «развивать с Афганистаном экономическое сотрудничество». И мы всячески поддерживаем намерение государств — членов ШОС работать совместно с правительством Афганистана в этом направлении.

Точно так же обстоит дело с понятием «энергетический клуб» ШОС. Слово «клуб» ассоциируется у нас с понятием «картель». Но какой же картель включает в себя одновременно страны-производители и страны-потребители?

Наш подход к каспийским энергоносителям прост: мы поддерживаем расширение маршрутов поставки во всех направлениях. Мы готовы работать с такими потребителями, как Китай, при посредстве таких структур, каким является Международное энергетическое агентство. Мы сотрудничаем с такими производителями, как Казахстан и Туркменистан, содействуя их стремлению торговать своими экспортными товарами по рыночным ценам. Но мы заинтересованы в открытом рыночном подходе к глобальным энергетическим поставкам и безопасности, а не в создании структур из «клубов» или картелей.

И в заключение несколько слов о демократии и реформах. Мы не заблуждаемся также и на этот счет. Откровенно говоря, ни одно из государств — участников ШОС не разделяет нашего энтузиазма. Более того, нам известно, что наши призывы к реформам зачастую воспринимаются как прямая угроза существующим структурам и

политическим интересам. Как бы странно это ни звучало, но лидеров некоторых стран наши взгляды настораживают.

Мы хотим их успокоить. Проявляя глубокую заинтересованность как в экономических, так и в политических реформах, мы все же считаем, что реформы имеют смысл не только для нашей программы, но и для их собственной. Достаточно привести пример правовой нормы. Установление правовых норм не является, как полагают некоторые, исключительно «американской» программой по обеспечению надлежащего управления и демократического развития. Это тоже главная составная часть формирования более привлекательного экономического и инвестиционного климата, который стремятся создать все шесть государств – членов ШОС.

Много ли найдется международных компаний, которые согласятся инвестировать в страны с неустойчивыми правовыми нормами, где контракты могут быть расторгнуты по прихоти чиновников и без законной компенсации?

Наши российские коллеги выражают недовольство деловой атмосферой в Центральной Азии. Наши коллеги из Казахстана – теперь крупные инвесторы в соседние государства – беспокоятся по поводу инвестиционных рисков в частный сектор этих стран (в результате действий органов власти). Таким образом, мы все сталкиваемся с этими проблемами.

Мы не стремимся стать членом или наблюдателем ШОС. Но вместе с тем приветствуем все инициативы, способные дополнить те конструктивные программы, которые мы осуществляем совместно с нашими партнерами из Центральной Азии. И разумеется, можно только приветствовать прозрачность в деятельности ШОС.

Мы с интересом будем прислушиваться к словам Шанхайской организации сотрудничества. Но особое внимание мы станем уделять ее делам, внимательно наблюдая за тем, в каком направлении она развивается.

Гармония превыше всего

Китайская компартия ищет молодых кормчих

Александр Ломанов

Состоявшийся в октябре 2007 года XVII съезд Коммунистической партии Китая (КПК) обозначил середину срока правления нынешнего партийно-государственного руководства во главе с Ху Цзиньтао. Эти люди пришли к власти на предыдущем съезде в ноябре 2002-го, а еще через пять лет на очередном партийном форуме уступят место преемникам.

На съезде избран новый состав ЦК КПК, однако ключевые фигуры сохранили свои посты. Это служит гарантией устойчивости и преемственности курса компартии. В Постоянном комитете Политбюро (ПК ПБ), управляющем делами партии и страны, остались генсек ЦК КПК, он же председатель КНР, он же глава государственного и партийного военных советов Ху Цзиньтао, спикер парламента У Банго, премьер Госсовета Вэнь Цзябао, руководитель Народного политического консультативного совета Цзя Цинлинь, куратор идеологической и пропагандистской работы Ли Чанчунь.

Генсек Ху уже обозначил приоритеты предстоящего пятилетия. Судя по всему, вторая половина правления нынешнего руководства будет посвящена реализации уже заявленных планов и выполнению прежних обещаний. Это — решение социальных и экологических проблем, «гармонизация» общественных отношений, приверженность рыночным реформам, укрепление правовой системы в рамках однопартийной «народной демократии», усиление международного влияния Китая и продвижение во внешней политике лозунга создания «гармоничного мира».

А.В. Ломанов — д. и. н., главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Главной новостью съезда стало появление в ПК ПБ новых лиц. Те, кто получил повышение, заняли последние четыре позиции в иерархии власти, скромно пристроившись после пятерки «ветеранов» во главе с Ху Цзиньтао. Но место китайского лидера, скорее всего, займет кто-то именно из этой четверки. Если пять лет назад зарубежные эксперты ломали голову над вопросом *“Who is Hu?”*, то теперь на первый план выходит новая проблема – *“After Hu, Who?”*. Выбор преемника может преподнести немало сюрпризов, способных повлиять на развитие Китая и его внутривнутриполитическую устойчивость.

УДВОЕНИЕ ПРЕЕМНИКА

В 2012 году Китаю предстоит не просто смена руководства. Произойдет смена поколений, обновятся кадры на всех ключевых постах, включая премьера и спикера парламента. В 2002-м после отставки всех членов ПК ПБ за исключением Ху Цзиньтао был открыт путь к власти для так называемого «четвертого поколения» руководителей, представителям которого тогда было около 60 лет. Теперь пришло время подумать о «пятом поколении», которое сможет принять власть из рук нынешних лидеров, чтобы править очередное десятилетие. Напомним, что 81-летний Цзян Цзэминь, уступивший свое место генсеку Ху, олицетворяет третье поколение китайских лидеров, Дэн Сяопин – второе, а Мао Цзэдун – первое.

Будущим правителям Поднебесной сейчас должно быть около 55 лет, чтобы в 2012 году они получили высшую власть шестидесятилетними и оставили ее, приблизившись к 70-ти. В обновленный на съезде ПК ПБ вошли сразу два перспективных кандидата на руководство страной: Си Цзиньпин, бывший секретарь шанхайского горкома, и Ли Кэцян, возглавлявший партком провинции Ляонин. Представляя частично обновленное руководство представителям прессы, Ху Цзиньтао заметил: «Си Цзиньпин и Ли Кэцян – два сравнительно молодых товарища, им 54 и 52 года».

Си Цзиньпин относится к когорте китайских «принцев» (*майцзыдан*), то есть занимающих высокое положение детей известных руководителей. Его отец Си Чжунсюнь участвовал в революционной борьбе в 1920-е, в период реформ он выступил одним из инициаторов создания свободных экономических зон. Си-младший учился на инженера в пекинском Университете Цинхуа, потом заочно изучал политико-правовые дисциплины в Институте гуманитарных и соци-

альных наук Университета Цинхуа, получил степень доктора юридических наук. В 1990-е годы Си Цзиньпин находился на руководящих партийных постах в провинции Фуцзянь, а в 2000-м после широкомасштабного разоблачения коррупционеров, приведшего к кадровым перетряскам, его назначили губернатором. В 2002 году он стал партийным руководителем процветающей провинции Чжэцзян. В марте 2007-го возглавил шанхайский горком. Его предшественник на этом посту, член Политбюро ЦК КПК Чэнь Ляньюй был снят со всех постов после обвинений в коррупции и хищениях (осень 2006 г.).

Второй «молодой товарищ», Ли Кэцян, перед избранием в ПК ПБ возглавлял партийную организацию провинции Ляонин. Он родился в провинции Аньхой в семье мелкого чиновника, и на начальном этапе его биография похожа на жизненный путь нынешнего лидера — Ху Цзиньтао. Ли окончил юридический факультет Пекинского университета в 1982 году, а в 1990-е заочно получил экономическую степень в Институте экономики Пекинского университета. В студенческие годы близко общался с диссидентски настроенной молодежью, многие его сокурсники участвовали в антиправительственном движении 1989 года. В 1980-е Ли Кэцян служил в центральном аппарате китайского комсомола под началом Ху Цзиньтао, с 1998 года находился на партийной работе в провинции Хэнань, а в 2003-м его назначили секретарем комитета КПК провинции Ляонин.

Ли Кэцян принадлежит к «комсомольской фракции» партийных функционеров, работавших в 1980-е годы в союзе молодежи под руководством Ху Цзиньтао. В последнее время многие эксперты называли его наиболее вероятным кандидатом в преемники. К тому же политическая биография Ли Кэцяна служит прекрасной иллюстрацией курса нынешнего китайского руководства на восстановление справедливости и борьбу с бедностью: он руководил отсталой аграрной провинцией Хэнань и пострадавшей от масштабного банкротства крупных предприятий провинцией Ляонин.

Напротив, Си Цзиньпин не связан с Ху Цзиньтао по прошлой работе, а его карьерный рост происходил в процветающих приморских провинциях Фуцзянь и Чжэцзян, преуспевших в рамках курса на «обогащение любой ценой». Однако в новой иерархии КПК Ли Кэцян занимает седьмое место, а Си Цзиньпин стоит на ступеньку выше. Перспективы двух преемников прояснятся весной 2008 года

по завершении работы сессии парламента. Если Си Цзиньпин займет освобождающийся пост заместителя председателя КНР, это будет весомое указание на его грядущее превращение в генсека партии и руководителя государства. В таком случае Ли Кэцян получит пост вице-премьера, а в 2013-м станет премьером вместо Вэнь Цзябао.

Судя по всему, появление двух претендентов стало коллективным решением партийной верхушки. Во времена правления всемогущих вождей смена власти сопровождалась обострением политической, фракционной и межличностной борьбы. Незавидной была судьба преемников Мао Цзэдуна, одобренных самим «великим кормчим». Лю Шаоци стал жертвой чистки во времена «культурной революции» и умер в тюрьме в 1969 году. «Верный соратник» Линь Бяо якобы попытался организовать государственный переворот, а после неудачи погиб в авиакатастрофе при бегстве из страны в 1971-м. Претендовавшая на власть «банда четырех» была арестована в 1976 году менее чем через месяц после смерти Мао Цзэдуна, ее участники приговорены к пожизненным срокам заключения.

Первая пара преемников Дэн Сяопина также не смогла удержаться у власти. Ху Яобана сняли с поста генсека в 1987-м за пособничество «буржуазной либерализации», а его кончина (апрель 1989 г.) стала катализатором народных протестов. Чжао Цзяян лишился должности в 1989 году после трагических событий на площади Тяньаньмынь. Он умер в 2005-м, до конца жизни его держали под домашним арестом.

Дэн Сяопин назначил еще двух преемников: летом 1989 года генсеком партии стал Цзян Цзэминь, а в 1992-м 49-летний Ху Цзиньтао был введен в ПК ПБ и Секретариат ЦК КПК. Ему «архитектор реформ» отводил роль следующего после Цзяна лидера Китая. Авторитет Дэн Сяопина был столь высок, что, хотя он ушел из жизни в 1997 году, его заветы были исполнены в точности и Ху Цзиньтао получил власть в 2002-м. Перед отставкой Цзян Цзэминь провел в ПК ПБ своих выдвиженцев, однако не смог помешать возвышению Ху Цзиньтао. Сценарий смены руководителей, разработанный Дэн Сяопином, был принят и реализован китайской элитой. Однако третьего преемника, призванного взять власть из рук Ху Цзиньтао, Дэн не назвал.

Эволюция политической системы Китая в направлении поддержания баланса интересов внутри руководства и предотвращения появления всемогущих вождей привела к тому, что нынешний лидер

Ху Цзиньтао уже не имеет возможности единолично назначить своего преемника. Его административного ресурса и политического веса оказалось достаточно для продвижения Ли Кэцяна на роль «преемника номер два». Однако главного кандидата, Си Цзиньпина, выдвинула высшая партийная элита, явно не желающая, чтобы проблема смены власти была решена нынешним лидером в интересах стоящих за ним «комсомольцев».

Накануне съезда эксперты обсуждали две модели передачи власти в КПК. Китайская верхушка могла выбрать одного кандидата, ввести его в ПК ПБ и закрепить за ним государственный пост, указывающий на статус преемника, чтобы через пять лет передать руководство этому человеку. Именно таким путем шел к власти Ху Цзиньтао, ожидавший своей очереди десять лет – с 1992 по 2002 год. Второй сценарий предполагал выдвижение нескольких претендентов, чтобы они могли, соперничая между собой, проявить качества, необходимые для руководителя. Выдвижение на съезде сразу двух преемников необычно для КПК и может рассматриваться как шаг к расширению «внутрипартийной демократии». Разумеется, речь не идет об оценке достижений преемников всей 73-миллионной партией. Решение будет принимать элита за закрытыми дверями. Однако если Си и Ли попытаются обратиться за поддержкой к различным группам в руководстве, их личное состязание может угрожать стабильности политической системы. При этом не исключено, что главным фактором соперничества обоих кандидатов станет усиление позиций Ху Цзиньтао, который наверняка постарается помочь Ли Кэцяну стать к следующему съезду «преемником номер один».

Готовящееся к получению власти «пятое поколение» имеет характерные черты, которые отличают его от предшественников. Нынешние лидеры получили инженерно-техническое образование в 1950–1960-е, когда молодежь стремилась овладеть знаниями во имя успеха социалистической индустриализации. Те, кто придет им на смену, родились после образования КНР, а их юность пришлась на период «культурной революции», когда знания стали недоступны. Представителям «пятого поколения» довелось поработать в деревне, приступить к учебе они смогли только в конце 1970-х годов. В те времена китайская интеллигенция пыталась переосмыслить путь развития страны, что сказалось на настроениях студенчества. В образовании «пятого поколения» заметны общественно-научный уклон и ярко выраженный интерес к западной мысли. Для этих лю-

дей полученные степени являются не только показателем статуса, но и выражением их интеллектуальных предпочтений. К примеру, Ли Кэцян в юности изучал западное конституционное право и участвовал в переводе книги известного британского юриста Альфреда Деннинга. В 1991-м он получил премию за лучшую статью об экономике Китая, тогда же вместе с Ли Юаньчао (еще один нынешний фаворит «комсомольской группировки») и известным экономистом Ли Инином издал книгу «Стратегический выбор на пути к процветанию» (Пекин, 1991).

Появление сразу двух преемников указывает и на трансформацию внутри КПК, которая пытается играть роль выразителя интересов все более разнородного общества. В китайской партийной элите обозначились две группы, взаимодействующие и отчасти соперничающие друг с другом. С одной стороны, это стоящие за Ху Цзиньтао «комсомольцы», а с другой — «шанхайцы», обязанные своим выдвижением бывшему лидеру страны Цзян Цзэминю и работавшие с ним в Шанхае в период с середины по конец 1980-х годов. По мнению исследователя китайской политической системы Ли Чэна (Институт Брукинга, Вашингтон), внутри КПК формируется новая система баланса власти, которая может быть обозначена формулой «одна партия — две фракции».

Эти силы невозможно поделить на «реформаторов» и «консерваторов», речь скорее можно вести о «популистах», сплотившихся вокруг тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао, и «элитаристах» в лице выдвиженцев Цзян Цзэминя. Обе группы выражают чаяния разных социальных слоев и разных регионов Китая. «Комсомольцы-популисты» опираются на опыт работы в бедных внутренних провинциях, они отстаивают политику справедливого перераспределения ресурсов, сбалансированного роста и предотвращения дальнейшего имущественного расслоения в обществе. «Шанхайцы-элитаристы» защищают интересы бурно развивающихся приморских районов и являются наследниками реформаторского курса Дэн Сяопина на «опережающее обогащение» наиболее активных и жизнеспособных регионов, общественных слоев и граждан.

Темы институционализации партийных фракций и связь выбора преемника с интересами элит не подлежат в Китае открытому обсуждению: КПК предпочитает не выносить на публику внутренние проблемы, подчеркивая свою монолитность и общенародность. Однако появление сразу двух преемников стало наглядным свидетель-

ством формирования двух групп в правящей элите и их стремления согласовать свои интересы.

Если Ли Кэцян является очевидным выдвигенцем «комсомольцев», то Си Цзиньпин не относится к «шанхайской группировке» Цзян Цзэминя. Вместе с тем кандидатура Си отвечает в первую очередь пристрастиям «элитаристов», заинтересованных в сохранении преимущественного роста развитых районов. Поскольку Китаю нужны как социальная справедливость, так и экономическая эффективность, каждая из групп отражает один из двух существенных акцентов в стратегии развития и между ними вполне возможно конструктивное взаимодействие.

Примечательно, что семеро из 25 членов нового состава Политбюро являются «принцами», то есть родственниками высокопоставленных чиновников. В прежнем же составе «принцев» было лишь трое. Помимо Си Цзиньпина к «принцам» относится новый член ПК ПБ 64-летний Чжоу Юнкан, курирующий проблемы безопасности (его отец Чжоу Ипин был заместителем руководителя Комиссии по науке, технологии и оборонной промышленности). Избранная в Политбюро 61-летняя Лю Яньдун возглавляет отдел работы единого фронта ЦК КПК, отвечающий за налаживание сотрудничества партии с некоммунистическими силами. Ее отец Лю Жуйлун был заместителем министра сельского хозяйства. В новый состав Политбюро вошли также 58-летний министр торговли Бо Силай (сын бывшего вице-премьера Бо Ибо), 56-летний Ли Юаньчао (сын бывшего вице-мэра Шанхая Ли Ганчэна), 59-летний мэр Пекина Ван Цишань (зять бывшего вице-премьера, члена ПК ПБ Яо Илия) и занявший после съезда пост секретаря шанхайского горкома 62-летний Юй Чжэншэн (сын Юй Цивэя, возглавлявшего парторганизацию города Тяньцзинь после революции 1949-го).

Гонконгские издания, специализирующиеся на освещении закулисных политических интриг в Пекине, сочли итоги съезда не слишком благоприятными для Ху Цзиньтао: «Цзян Цзэминь объединился с “партией принцев”, он не только сохранил большинство в ПК ПБ 17-го созыва, но и выбрал преемника для Ху Цзиньтао на XVIII съезде... Предыдущие пять лет Ху Цзиньтао находился в тени Цзян Цзэминя, будущие пять лет он неизбежно проведет в тени нового правителя-преемника».

Среди «принцев» есть и выходцы из «комсомольской фракции», пользующиеся расположением Ху Цзиньтао: это Лю Яньдун

и Ли Юаньчао. Выдвижение последнего в новый состав Политбюро стало важным кадровым решением, способным повлиять на баланс сил в высшем партийном руководстве. До XVII съезда Ли возглавлял парторганизацию провинции Цзянсу, после повышения стал руководителем организационного отдела ЦК КПК. В 1974 году Ли Юаньчао окончил математический факультет Шанхайского педагогического университета, был учителем, потом продолжил изучать математику в Фуданьском университете. С 1983 по 1990-й он работал в ЦК китайского комсомола, затем перешел на работу в органы ЦК КПК, где отвечал за внешнюю пропаганду, а в 2002 году возглавил партком в своей родной провинции Цзянсу. В первой половине 2007-го многие эксперты указывали на него наряду с Ли Кэцяном как на вероятного преемника, кандидатура которого предпочтительна для Ху Цзиньтао. Хотя Ли Юаньчао не вошел в Постоянный комитет Политбюро, назначение его на пост руководителя орготдела даст Ху Цзиньтао возможность укрепить свое положение в руководстве партии и повлиять на кадровые назначения. Продвигая своих сторонников, Ху сможет усилить свои позиции и при выборе преемника.

Среди кадровых итогов XVII съезда особого внимания заслуживает отставка 68-летнего Цзэн Цинхуна, пользовавшегося репутацией неформального лидера «партии принцев» (его отец Цзэн Шань был главой МВД). Пять лет назад во время обновления руководства КПК Цзэн Цинхун считали главным выразителем интересов «шанхайского клана», способным сплотить «шанхайцев» и бросить вызов Ху Цзиньтао. По сути, он играл роль «альтернативного преемника», готового по указанию правящей элиты взять власть в случае непредвиденного развития событий, провала Ху в качестве руководителя.

Однако неблагоприятные прогнозы не оправдались. Цзэн Цинхун активно поддержал Ху Цзиньтао в борьбе с коррупцией и в пропаганде обновленного курса развития страны. Перед отставкой Цзэн Цинхун был избран ответственным секретарем XVII съезда КПК, что косвенно свидетельствует о признании его организаторских заслуг. После ухода Цзэн Цинхуна у председателя Ху не осталось соперников внутри правящей верхушки. Но, учитывая широкие связи Цзэн Цинхуна в партийной и военной элите, можно предположить, что его отставка еще не означает немедленной и полной утраты влияния на руководство КПК.

ПАРТИЙНЫЙ «ПЯТИЧЛЕН»

В последний день работы XVII съезда лозунги «гармонии» и «научного взгляда на развитие», появившиеся в эпоху Ху Цзиньтао, были внесены в Устав КПК наряду с марксизмом-ленинизмом, воззрениями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и «важными идеями тройного представительства» Цзян Цзэминя. Хотя новшества не получили статуса «руководства к действию», «научный взгляд на развитие» был канонизирован в качестве «важного руководящего курса» и «важной стратегической идеи».

Включение политических идей Ху Цзиньтао в отчетный доклад съезду и в партийный устав свидетельствует об укреплении его позиций. Ожидается, что весной 2008 года на сессии парламента лозунги «научного взгляда на развитие» и «гармоничного общества» будут внесены и в Конституцию страны. На каждом из трех последних съездов КПК (1997, 2002, 2007) набор руководящих идей расширялся. Всего за 10 лет единство марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна превратилось в громоздкий «пятичлен», отражающий теоретические заслуги Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и нынешних руководителей. Заметим, что теория Дэн Сяопина была канонизирована в 1997-м уже после его смерти, а «важные идеи тройного представительства» Цзян Цзэминя получили официальный статус в 2002 году одновременно с отставкой их автора. Только воззрения Мао Цзэдуна были канонизированы при его жизни, еще в период пребывания «великого кормчего» у власти. Это произошло в мае 1945-го на VII съезде КПК. Вместе с тем следует указать на важное различие: китайская пропаганда избегает связывать новые идеологические установки с именем Ху Цзиньтао, представляя их плодом коллективной мудрости ЦК компартии.

В обновленном Уставе КПК, принятом на XVII съезде, после описания заслуг Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя появился новый абзац: «После XVI съезда ЦК партии под руководством теории Дэн Сяопина и важных идей тройного представительства в соответствии с новыми требованиями развития, сконцентрировав мудрость всей партии, выдвинул научный взгляд на развитие, который берет человека за основу и требует всестороннего, гармоничного и устойчивого развития. Научный взгляд на развитие является научной теорией, неразрывно связанной с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важными идеями тройного представительства. Она идет в ногу с эпохой, это

важный руководящий курс социально-экономического развития Китая, важная стратегическая идея, которой нужно придерживаться и которую необходимо претворять в жизнь при продвижении специфически китайского социализма».

Лозунги «научного взгляда на развитие» и «гармоничного общества» указывают на стремление властей исправить перекосы 1990-х, когда рыночная эффективность оказалась выше социальной справедливости. Партия осознала, что прогрессирующее расслоение общества, дисбаланс между регионами и высокая ресурсно-экологическая плата за экономический рост угрожают стабильному и устойчивому развитию Китая. О новом «взгляде на развитие» Ху Цзиньтао начал говорить еще в 2003 году, «научным» его назвали уже в 2004-м, а осенью того же года пленум ЦК КПК впервые упомянул о строительстве «гармоничного общества».

Выйдя на XVII съезд с собственными программными установками, Ху Цзиньтао повысил свое влияние внутри правящей элиты, косвенно расширив возможности в решении кадровых вопросов. В докладе на съезде Ху признал «довольно большое количество проблем в области трудоустройства, соцобеспечения, распределения доходов, образования и здравоохранения, жилья, безопасности производства, правосудия и общественного порядка, которые затрагивают кровные интересы народа, а также то обстоятельство, что части людей с низкими доходами живется довольно трудно». Партия пообещала создать равные возможности в доступе к образованию, медицинское обслуживание и обеспечение в старости. Провозглашено право на жилье и труд. Лозунг «гармоничного общества» вкупе с обещаниями решить наболевшие социальные проблемы может повысить популярность правящей партии среди народа и личный авторитет Ху Цзиньтао.

Китайский лидер призвал всех членов партии привести свои воззрения в соответствие с новыми призывами: нужно не только уяснить научную концепцию развития, но и «отказаться от всех взглядов и представлений, которые не соответствуют и не отвечают ей». Отныне все коммунисты должны стать «верными поборниками научного взгляда на развитие» и «активистами в стимулировании социальной гармонии».

В качестве программной цели провозглашено «превращение Китая в богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство»

(добавлено определение «гармоничное»). Партия заявила, что «ведет народ на создание гармоничного социалистического общества». При этом закрепленные в Уставе КПК характеристики «гармоничного общества» слово в слово повторяют определение, которое прозвучало в феврале 2005 года в речи Ху Цзиньтао: «Демократия и законность, равенство и справедливость, искренность и дружелюбие, обеспечение полной жизнеспособности, стабильность и порядок, гармоничное сосуществование человека и природы». Нормативный статус «научного взгляда на развитие» был зафиксирован не только в программной преамбуле к Уставу КПК, но и в разделах, посвященных обязанностям рядовых коммунистов, первичных парторганизаций и руководящих работников: ее следует изучать и претворять в жизнь.

В первые годы своего правления Ху Цзиньтао столь часто упоминал о Мао Цзэдуэ и призывал к поддержанию социальной справедливости, что зарубежные аналитики заподозрили нового лидера в «левизне». Так, некоторые американские исследователи современного Китая сделали вывод, что «политическая идеология Ху имеет гораздо больше сходства с китайскими “новыми левыми” и их критикой неолиберализма», чем с реформаторским курсом.

Такого рода наблюдение верно лишь отчасти. «Научный взгляд на развитие» предполагает оказание бедным более широкой поддержки без ущерба для богатых. Это отличает новый курс от прежних вариантов китайской левосоциалистической идеологии. Лозунг строительства «гармоничного общества» дает возможность сохранить рыночный курс реформ, защитить политическую систему от социального взрыва и обеспечить легитимность правления компартии. Нынешнее китайское руководство неизменно учитывает интересы деловой элиты: в 2004-м сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) приняла поправки к Конституции КНР, в которых государство обязалось защищать «законные права и интересы индивидуальной, частной и других форм экономики необщественной собственности». Несмотря на критические замечания левых, протестовавших против эрозии общественного сектора экономики и легализации незаконно присвоенного государственного имущества, на сессии ВСНП весной 2007 года был принят Закон о вещном праве, конкретизирующий юридические гарантии прав собственника.

Проблемы справедливости и эффективности прозвучали и на XVII съезде. С одной стороны, КПК частично пересмотрела прежнюю установку, в соответствии с которой при первичном распреде-

лении следует руководствоваться критериями эффективности и лишь при вторичном перераспределении — опираться на принципы справедливости. Ху Цзиньтао указал на важность справедливости и при начальном распределении, он призвал постепенно увеличивать долю населения в распределении национального дохода, повышать вознаграждение за труд при начальном распределении, уделяя особое внимание росту доходов низкооплачиваемых работников. Но при этом Ху призвал — в духе прежнего курса на защиту частной собственности — «создавать условия для того, чтобы еще больше людей получали доходы от имущества». Эти слова вызвали заинтересованный отклик среди тех, кто уже обладает имуществом — недвижимостью, акциями, банковскими депозитами...

Многие новшества съезда сводятся к внесению терминологических нюансов и акцентов в прежние лозунги. По этой причине внутрикитайская пропаганда итогов партийного форума зачастую напоминает упражнения в схоластике. Так, если раньше партия требовала «изменить модель прироста экономики», то теперь требуется «изменить модель развития экономики» — замена одного слова указывает на повышение внимания к оптимизации структуры хозяйства и отказ от стремления поддерживать рост любой ценой. В том же русле преподносится призыв «развивать экономику хорошо и быстро», подчеркивающий прежде всего качество, а не темп.

Требование учета ВВП к 2020 году по сравнению с 2000-м осталось в силе, однако на съезде его уточнили: речь идет о показателе на душу населения. Китайские пропагандисты подчеркивают, что задача стала более сложной, так как население страны растет, однако новая формулировка выражает политику партии, провозглашенной человеком «основой всего». Впрочем, при сохранении нынешних темпов экономического роста страна наверняка выйдет к 2020 году на четвертый уровень душевого ВВП в размере 3,5 тыс. долларов и даже превысит его.

В ходе разъяснительной кампании китайские СМИ указывают и на новые понятия, получившие после съезда официальный статус. В первую очередь это требование «создания экологической цивилизации», основанной на сбережении энергии и ресурсов, охране окружающей среды. Ранее в партийных документах была обозначена триединая задача строительства «материальной, духовной и политической цивилизаций», теперь к ним добавилась четвертая, требующая ограничить масштабы экологического бедствия.

Большое внимание привлекло появление в докладе Ху Цзиньтао призыва к «наращиванию мягкой силы государства», вводящего в лексикон компартии концепцию *soft power*, сформулированную современным американским политологом Джозефом Наем. В Пекине пришли к выводу, что культура становится «все более важным элементом соперничества в совокупной государственной мощи», при этом развитие китайской культуры должно сопровождаться ростом ее международного влияния в интересах создания потенциала нематериального воздействия на другие страны.

В докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК выдвинуты задачи «углубленного претворения в жизнь научного взгляда на развитие» и «продвижения социальной гармонии», выступающих «основными требованиями продвижения специфически китайского социализма». Обе концепции преподнесены как важные инновации. Было расшифровано и содержание «теоретической системы специфически китайского социализма». Она включает «теорию Дэн Сяопина, важные идеи тройного представительства, а также научный взгляд на развитие и прочие стратегические идеи огромного значения», то есть три новейших элемента партийного «пятичлена», канонизированные за истекшее десятилетие.

Официозное истолкование краеугольного камня партийной идеологии свелось к тавтологии: марксизм — это то, что делают в Китае, а то, что делают в Китае, — это марксизм. «Теоретическая система специфически китайского социализма постоянно развивается и является открытой. Практика почти 160 лет после публикации “Манифеста Коммунистической партии” подтверждает, что марксизм демонстрирует свою могучую жизненную силу, творческую силу и привлекательность, лишь когда соединяется с реалиями конкретной страны, развивается в ногу со временем и живет с народом общей судьбой. В современном Китае отстаивание теоретической системы специфически китайского социализма означает подлинное отстаивание марксизма», — заявил Ху Цзиньтао. Сходным образом была решена проблема соотнесения рыночной практики с социалистической теорией: «В современном Китае отстаивание пути специфически китайского социализма означает подлинное отстаивание социализма». Перед коммунистами из Поднебесной открывается безграничный простор для теоретических инноваций, разве что представители «старых левых», привыкшие к советской версии марксизма, будут ворчать по поводу капиталистической направленности китайских преобразований.

Стоит обратить внимание на то, что предыдущий руководитель страны Цзян Цзэминь сформулировал свои «важные идеи тройного представительства» лишь в 2000-м, то есть всего за два года до отставки. Ху Цзиньтао начал озвучивать новые лозунги всего через год после прихода к власти, а их официальная канонизация произошла в середине его правления. Впереди у него еще пять лет и еще один съезд, на котором возможны новые исправления и дополнения в Уставе КПК. Тогда анонимная теория «научного развития» сможет наконец-то обрести автора. Впрочем, некоторые китайские эксперты высказывают предположение, что процесс разрастания набора руководящих идей КПК будет приостановлен на XVIII съезде партии в 2012 году. Тогда перечисление идейных заслуг Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и нынешних лидеров может превратиться в общее упоминание о «теоретической системе специфически китайского социализма»

Верхняя планка возвышения Ху Цзиньтао – провозглашение его «ядром» четвертого поколения китайских руководителей по образцу Мао, Дэна и Цзяна с включением этого положения в партийный устав. Однако это не станет свидетельством превращения Ху в единоличного вождя или «кормчего XXI века». Китайская правящая элита вполне может согласиться наделить нынешнего лидера местом в партийной истории. Но за этим решением будет скрываться компромисс различных групп при определении кандидатуры преемника.

Корейский полуостров: единство и борьба

Александр Воронцов, Олег Ревенко

Несмотря на свои скромные размеры и периферийное положение по отношению к глобальным политическим центрам, Корейский полуостров многие годы остается в фокусе международного внимания. Здесь причудливо переплелись сложные процессы — как уходящие корнями в прошлое, так и порожденные современностью. И итоги второго межкорейского саммита, который прошел в Пхеньяне 2–4 октября 2007 года, имеют принципиальное значение не только для Корейского полуострова, но и для региона в целом.

Со времени трагического раскола страны и разрушительной корейской войны (1950–1953) конфликтные ситуации воспроизводились здесь постоянно, дестабилизируя обстановку и угрожая интересам близлежащих государств. Если в прошлом Корея нередко становилась объектом экспансии и борьбы за влияние со стороны могущественных соседей, то теперь великие державы, включая Россию, Китай, США, а также Японию, серьезно обеспокоены обстановкой на полуострове и вокруг него. В ответ на ракетные, а затем и ядерные испытания, проведенные КНДР в прошлом году, против Пхеньяна были введены жесткие санкции по линии ООН. (В рамках данной статьи мы специально не касаемся ядерной проблемы, поскольку это — сложная тема для отдельного разговора.)

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К РЕАЛИЗМУ

Коренная перестройка всей системы международных отношений после окончания холодной войны не обошла и межкорейские отношения. В течение десятилетий две Кореи полностью отрицали друг

А.В. Воронцов — заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, **О.П. Ревенко** — политолог.

друга, делая ставку на достижение безусловной победы над «противником» любой ценой. Хотя с начала 70-х годов прошлого века между обеими странами осуществлялись ограниченные официальные контакты, это мало отражалось на общей картине взаимоотношений. Их атмосферу определяли глубокая взаимная неприязнь, недоверие и враждебность.

Поворот к политическому реализму произошел в начале 1990-х. В декабре 1991 года главы правительств Севера и Юга подписали беспрецедентный документ, разработанный в ходе восьми встреч на уровне премьер-министров, — Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах. Одновременно с этим была принята межкорейская декларация о денуклеаризации полуострова. Впервые за всю историю раздельного существования двух корейских государств Пхеньян и Сеул фактически отказались от идей «завоевательного похода» против другой стороны и, по крайней мере на бумаге, признали равноправное существование двух самостоятельных государственных образований.

В улучшении межкорейских отношений важную роль, помимо общего влияния внешней обстановки, сыграли два фактора.

Во-первых, в конце 1980-х на волне глобальных изменений и роста протестов в Республике Корея (Южная Корея) рухнул режим военной диктатуры и к власти впервые пришло демократически избранное правительство. Новое руководство выдвинуло ряд конструктивных идей, нацеленных на развитие контактов и мирное сосуществование с северным соседом.

Во-вторых, в результате распада Советского Союза и коммунистического блока Корейская Народно-Демократическая Республика лишилась солидной материальной помощи и политической поддержки. Для Северной Кореи с ее отсталой экономикой, неразвитыми внешними связями, авторитарной системой ведения хозяйства новые реалии обернулись ситуацией, близкой к катастрофе. Вынужденное свертывание внешнеэкономических контактов с Россией на фоне небывалых стихийных бедствий, постигших КНДР в середине 90-х годов прошлого века, поставили страну на грань экономического коллапса. В этой непростой ситуации следовало срочно корректировать стратегию, и оптимальным выходом виделся отказ от прежней политики «коммунизации» Юга в пользу более прагматичного курса на постепенное развитие межкорейских связей, прежде всего в сфере экономики.

Оценивая перспективы развития ситуации на полуострове, многие внешние наблюдатели руководствовались известными схемами. Они были апробированы в странах, которые к тому моменту уже перешли от социалистического устройства к рыночной экономике и демократии. Вполне очевидной представлялась тогда и эволюция пхеньянского режима. Наиболее вероятными считались два сценария.

Согласно первому (его поддерживало меньшинство специалистов), предполагалось, что Северная Корея пойдет по пути Китая или Вьетнама. Пхеньян постепенно переведет нежизнеспособную экономику на рыночные рельсы и осуществит экономические реформы в целях привлечения иностранных инвестиций и создания сильного экспортного сектора. Предрекалось, что Север будет опираться на возрастающую помощь Юга, однако реальная интеграция произойдет не так скоро, поскольку для «размягчения» жесткого политического режима потребуются и время, и создание необходимых условий для влияния на него.

Однако подавляющее число экспертов полагали, что КНДР, как и большинство восточноевропейских стран, ждет неминуемый и скорый политический и экономический крах с тяжелейшими социальными последствиями. Обвал режима означал бы острую, но быстротечную борьбу за власть в правящей верхушке с неизбежной победой сторонников объединения с Южной Кореей (естественно, на ее условиях) и стремительное «поглощение» Северной Кореи Югом. Уместно напомнить, что в начале — середине 1990-х самые смелые из приверженцев второго сценария отводили КНДР не более двух-трех лет независимого существования. Из установки на неизбежность скорой «абсорбции» Севера исходил в те годы и официальный Сеул.

Действительность опровергла предположения и тех, и других. Власти Северной Кореи в тот период отказались от значимых рыночных реформ и проведения курса открытости в политической сфере. Однако нельзя считать, что ситуация в стране оставалась полностью статичной.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕВЕРА

С начала 1990-х годов северокорейское руководство переносит акценты с марксистско-ленинских постулатов на традиционные конфуцианские и феодально-бюрократические. Во внутренней политике все чаще звучит тема национальных традиций, культурно-исторического наследия и конфуцианских ценностей. Для новой леги-

тимации КНДР используется тезис о том, что она является преемницей некогда сильных и успешных государств, прежде всего Когурё и Корё, в древности располагавшихся на территории нынешней Северной Кореи. Для консолидации общества на основе национальной идентичности возрождается миф о легендарном родоначальнике корейской нации Тангуне, жившем за две тысячи лет до н. э. (кстати, Тангун весьма почитается и в Южной Корее).

В повседневную жизнь все шире внедряются древние нормы и традиции, в частности культ предков. Соблюдение Ким Чен Иром трехлетнего траура по своему отцу, Ким Ир Сёну, скончавшемуся в 1994-м, и исполнение многих требований конфуцианского ритуала — одно из подтверждений данного тезиса. Частью курса на утверждение национального наследия и культурной самобытности стало возрождение таких традиционных праздников, как Новый год по лунному календарю, а также формальное восстановление в правах религии. Помимо буддийских храмов в стране действуют и христианские: протестантские, католические, православный. В своей внутриполитической риторике северокорейские власти реже вспоминают социализм и марксизм.

Для преодоления глубокого экономического кризиса середины — второй половины минувшего десятилетия ставка была сделана на традиционную политику «затягивания поясов» ценой любых жертв. К примеру, различные зарубежные источники утверждают, что в так называемый период «трудного похода» (середина 1990-х годов) от голода и болезней, вызванных недоеданием, в стране умерло от 300 тысяч до 2 миллионов человек.

Одновременно был взят курс на укрепление военной мощи для сохранения существующего строя и обеспечения его безопасности перед лицом внешней угрозы, главным источником которой считалась «враждебная политика» Вашингтона. Основой национальной стратегии выживания провозглашается политика «сонгун», рассматривающая армию в качестве основной политической силы и отдающая приоритет военному строительству в ущерб социально-экономическому развитию.

«Политика приоритета армии» достаточно многослойна, и ее не следует трактовать одномерно. Возведение в ранг главной движущей силы общества не рабочего класса с компартией во главе, а надклассового института — армии может при определенных условиях облегчить переход к иным формам социального устройства. Не следует

забывать и о том, что вся «военно-ориентированная» риторика и милитаризация, поражающие воображение иностранцев, на деле подчинены прежде всего стремлению обеспечить жесткий контроль над обществом и охладить пыл возможных агрессоров. Если Ким Ир Сен еще мечтал о военном объединении Кореи, то Ким Чен Ир и его окружение думают исключительно о самосохранении, осознавая необходимость перемен. Подтверждение этого — начатая в июле 2002 года очень осторожная экономическая реформа.

Почти полная изолированность от внешнего мира, отсутствие информации о ситуации за пределами страны, а также мононациональность и относительная однородность общества придавали повышенную устойчивость северокорейскому режиму. С другой стороны, высокий мобилизационный потенциал экономики командного типа, традиционно низкий уровень жизни населения, привычка граждан воспринимать трудности и лишения как нечто естественное, их преклонение перед властью в любых условиях — все это позволяло поддерживать стабильность даже без применения широких карательных мер. Консервации существующих порядков способствовала и высокая степень консолидации политической элиты перед лицом возможных попыток США и их союзников «свалить» авторитарный режим путем «политических диверсий» или же в результате прямой военной агрессии.

«СОЛНЕЧНОЕ ТЕПЛО» С ЮГА

Сеульский политический истеблишмент постепенно начал отдавать себе отчет в том, что режим Ким Чен Ира — это всерьез и надолго. По мере осмысления этого обстоятельства все большее распространение в Южной Корее получала точка зрения, что подталкивание северокорейской системы к краху контрпродуктивно и лишено смысла. Альтернативой могли стать решительный отказ от прежней линии на «поглощение» КНДР по германскому сценарию (по крайней мере, в обозримой перспективе) и переключение усилий на наведение мостов.

Именно такое восприятие ситуации способствовало избранию президентом Республики Корея Ким Дэ Чжуна. Этот политик леволиберального толка, бывший диссидент, был известен приверженностью делу воссоединения нации и примиренческими настроениями по отношению к Пхеньяну. Предложенная им «политика солнечного тепла» подразумевала вовлечение КНДР в диалог, оказание ей масштабного содействия в решении социально-экономических проблем и установлении контактов с внешним миром, включая

ближайших союзников Сеула. На этой основе должны были быть созданы условия для постепенного сближения двух Корей и их последующей политической, экономической и культурной интеграции на взаимоприемлемых условиях.

Северокорейский режим внимательно наблюдал за эволюцией политических воззрений южнокорейского руководства, выказывая осторожную поддержку как самому Ким Дэ Чжуну, так и его взглядам.

Именно в этой атмосфере президент Республики Корея выдвинул идею проведения первого в истории межкорейского саммита. Главным итогом поездки Ким Дэ Чжуна в Пхеньян и его встреч с Ким Чен Иром в июне 2000-го стала Совместная декларация – по сути, программа развития двусторонних отношений на годы вперед.

Документ нацеливал на решение проблемы объединения Кореи путем совместных усилий, содержал признание общности предложений Севера и Юга относительно движения к этой цели. Обе стороны договорились о мерах укрепления взаимного доверия. Ставились задачи обеспечения сбалансированного развития экономики, активизации сотрудничества и контактов во всех областях, включая социальную сферу, культуру, спорт. Кроме того, в этой декларации говорилось о налаживании общения между членами разделенных семей.

По единодушной оценке самих корейцев, лидеры обеих стран заложили основу для прорыва в отношениях и постепенному развороту от конфронтации к примирению и поэтапному сближению. Саммит дал старт качественно новому взаимодействию Пхеньяна и Сеула как по официальным каналам, так и по общественной линии, что в принципе позволяло искать пути решения довольно широкого круга вопросов сотрудничества.

Главным каналом контактов стали переговоры на уровне министров, на которых поднимались наиболее актуальные проблемы, представлявшие интерес для обеих сторон (состоялось уже более 20 таких встреч).

Предусмотрена возможность поддержания связей по военной линии, а также между обществами Красного Креста Севера и Юга для обсуждения разнообразных гуманитарных проблем. Несколько позже, по мере углубления межкорейских хозяйственных связей, было принято решение о выделении вопросов экономического сотрудничества в отдельный блок и создании подотчетного министрам двустороннего органа. При этом с расширением и диверсификацией контактов структура Комитета по содействию экономическому сотрудни-

честву между Севером и Югом становилась все более разветвленной, увеличивалось число входивших в него отраслевых подкомитетов.

В 2000 году Сеул впервые предоставил Пхеньяну солидную экономическую помощь в размере 113,76 млн дол., объемы которой из года в год возрастают. Бурное развитие получили связи в торгово-экономической области. Если в 2000-м общий объем двусторонней торговли составил 425 млн дол., то в 2006-м он достиг 1 349 млн долларов. Южная Корея уверенно вышла на второе после Китая место в качестве ведущего торгового партнера КНДР. При этом доля коммерческих сделок во взаимном товарообороте составляет сейчас около 70 %. Остальная часть приходится на фактически безвозмездные поставки продовольствия и минеральных удобрений, без которых Северная Корея, по существу, не в состоянии обеспечить население продуктами питания.

Достижения в межкорейских отношениях очевидны, причем все основные сдвиги произошли за последние шесть-семь лет. В определенном смысле можно говорить о реальном прорыве в восстановлении взаимного доверия. Большинство жителей и Севера, и особенно Юга перестали воспринимать друг друга как врагов. В южнокорейском общественном мнении примирительно-объединительный подход пустил столь глубокие корни, что даже наиболее консервативные, традиционно жестко антисеверокорейские силы теперь вынуждены в целом поддерживать курс на примирение и сотрудничество с Пхеньяном.

НАСЛЕДИЕ ВОЙНЫ

Тем не менее о подлинной нормализации говорить пока рано. За шесть десятилетий раздельного существования между Севером и Югом обозначились глубокие политико-идеологические, социально-культурные и даже языковые различия (по признанию Ким Чен Ира, в ходе первого межкорейского саммита он понимал Ким Дэ Чжуна всего на 80 %), преодоление которых потребует обоюдных усилий, терпения и времени.

Два государства де-юре по-прежнему находятся в состоянии войны. Заключенное более 50 лет назад Соглашение о военном перемирии в Корее остается единственным политико-правовым документом, удерживающим стороны от новой братоубийственной междоусобицы.

Острые конфликты вспыхивают время от времени в спорных водах Желтого моря. По итогам корейской войны сухопутная

«граница» между Севером и Югом была оформлена в договорном порядке. А так называемую «северную разграничительную линию» в Желтом море, которую произвольно установило американское командование, Пхеньян не признаёт. Кровавопролитные столкновения между воинскими формированиями обеих стран в этом районе, богатом морскими ресурсами, в 1999 и 2002 годах приводили к человеческим жертвам.

Взаимное недоверие в военной среде выше, чем среди других кругов политической элиты. В 2000-м состоялась единственная за все послевоенное время встреча глав оборонных ведомств, осуществляются контакты и на более низком уровне. Однако стороны так и не приступили к обсуждению вопроса о мерах доверия в военной области и сокращении вооружений. Южане при этом обычно ссылаются на то, что в районах, прилегающих к границе, сосредоточено свыше 70 % всех боеспособных соединений Севера, включая десятки тысяч артиллерийских и ракетных систем, способных в считанные минуты уничтожить Сеул и превратить 50-километровую приграничную полосу в «море огня». Уместно, однако, напомнить, что лишь с 2004 года военная доктрина Южной Кореи официально перестала рассматривать КНДР в качестве «главного противника». Вместо этого была введена новая, чуть более корректная формула — «угроза со стороны Севера», на противодействие которой и нацеливалась мощь страны.

В Республике Корея до сих пор действует Закон о национальной безопасности. В этом уникальном для современной политической практики документе КНДР квалифицируется как «территория, находящаяся под контролем антигосударственной организации». А потому несанкционированные контакты граждан Республики Корея с представителями Северной Кореи и поездки на Север, а также публичное проявление симпатий к существующим в КНДР порядкам или выражение поддержки официальной идеологии Пхеньяна однозначно рассматриваются как «помощь врагу» и посягательство на национальную безопасность. Либеральная идеология на Юге все же смягчает область правоприменения этого закона. Если раньше нарушители могли быть подвергнуты наказанию вплоть до смертной казни, то теперь им чаще всего угрожает условный срок тюремного заключения или крупный денежный штраф. А нелегальные перебежчики из КНДР принимаются почти как национальные герои и автоматически получают гражданство Республики Корея.

В свою очередь Пхеньян лишь после саммита-2000 перестал называть сеульское руководство «марионеточными властями». Тем не менее во внутренней пропаганде по-прежнему господствуют утверждения о том, что власти Южной Кореи, находящейся под «иностранный военной оккупацией», не в состоянии проводить независимую политику на международной арене и в сфере межкорейских отношений. По сути, КНДР до сих пор не отказалась от претензий на право именоваться единственным суверенным государством на Корейском полуострове.

В действующей Конституции страны особо оговаривается, что Корейская Народно-Демократическая Республика «представляет интересы всего корейского народа». (Кстати, и Конституция РК предусматривает распространение суверенитета Сеула на весь Корейский полуостров.) Неудивительно, что в прессе и в высказываниях официальных северокорейских представителей Республика Корея практически никогда не называется «государством», а вместо этого употребляется своеобразный эвфемизм — «южная часть республики». При этом такие понятия, как «президент», «правительство» либо «парламент Южной Кореи», как правило, приводятся в кавычках.

Пхеньян рассматривает пребывание американских войск на территории Республики Корея как военный вызов, а учения, периодически проводимые южанами совместно с США, считает «репетицией» нападения на КНДР. Северяне категорически отказываются посылать на них своих наблюдателей и оповещать Сеул о собственных аналогичных маневрах.

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ

Излагая столь подробно перипетии межкорейских отношений, авторы стремились на конкретных примерах показать, что на Корейском полуострове по-прежнему сталкиваются две, казалось бы, несовместимые тенденции — к противоборству и сотрудничеству, к жесткой военно-политической конфронтации и национальному примирению. При этом ситуация может кардинально меняться в зависимости от конъюнктуры, цепочки роковых или, наоборот, счастливых случайностей. Она зависит от политических, властных амбиций лидеров Севера и Юга, оспаривающих друг у друга право на историческую и политическую легитимность. Не последнюю роль играют и трудности преодоления «осадной» психологии, ощущения отчужденности, сформирова-

ровавшегося за годы раскола и размежевания, и стремление Северной Кореи к выживанию и защите своих порядков любой ценой — вплоть до обладания ракетно-ядерным потенциалом сдерживания.

С другой стороны, у корейцев, как у малой нации с многовековой историей, весьма велико стремление к национальной идентичности, обострено чувство единения и родства. Достаточно сказать, что ни на Севере, ни на Юге у политика нет ни малейших шансов сделать карьеру, если он хотя бы на йоту усомнится в возможности объединения Кореи, пусть даже в отдаленном будущем.

Наиболее важным достижением последнего десятилетия стало осознание Пхеньяном и Сеулом того, что, несмотря на существующие фундаментальные разногласия, нельзя достичь объединения нации ни военным путем, ни принудительным «поглощением» одной стороны другой. Для столь несхожих партнеров, каковыми являются КНДР и Республика Корея, это уже немало.

Существенную роль в росте взаимного притяжения играют экономические соображения. Несмотря на продолжающуюся пропаганду идей «социализма корейского образца», северокорейские лидеры прекрасно осознают, что автаркический экономический курс в духе «идей чучхе» завел страну в тупик. Единственным условием выхода из него без ущерба для существующего режима являются как продолжение начатых в 2002-м «проторыночных» преобразований в экономике, так и расширение сотрудничества с Сеулом, включая получение масштабной помощи, к оказанию которой южнокорейцы в принципе готовы.

Для Юга приоритетами остаются обеспечение доступа к богатым природным ресурсам и дешевой рабочей силе Севера, а также преодоление фактически «островного» положения за счет соединения с «Большой землей» — прежде всего Россией и Китаем — через территорию КНДР, где должны быть проложены автомобильные и железнодорожные коммуникации, трубопроводы для доставки углеводородного сырья.

Второй межкорейский саммит стал еще одним шагом на пути примирения и сближения Севера и Юга. Президент Южной Кореи Но Му Хён продолжил линию своего предшественника Ким Дэ Чжуна. В Совместной декларации о развитии межкорейских отношений, мире и процветании, подписанной по итогам переговоров, стороны подтвердили приверженность принципу невмешательства во внутренние дела, стремление решать проблемы двусторонних отношений в духе согласия и сотрудничества, исключая использование силовых методов.

Крупным достижением стала выраженная Сеулом и Пхеньяном решимость вести дело к переходу от режима перемирия к прочному, постоянному миру на Корейском полуострове. Для этого предполагается начать диалог с участием «трех-четырёх высших руководителей». Вряд ли такие планы можно считать четкой политической договоренностью, но уже само обсуждение этой острой темы является серьезным сдвигом.

Лидеры двух стран наметили в Пхеньяне впечатляющую программу развития двустороннего экономического сотрудничества. Среди крупных проектов – создание специального экономического района в северокорейском городе Хэджу, дальнейшее развитие Кэсонского технопарка, кооперация в области судостроения, реконструкция железных и автодорог на Севере, начало железнодорожных грузовых перевозок через демилитаризованную зону и создание совместной рыболовной зоны в спорном районе Желтого моря.

С точки зрения перспектив укрепления взаимного доверия и развития межкорейской экономической интеграции результаты встречи выглядят многообещающими. Они открывают возможность сделать ситуацию на Корейском полуострове более стабильной и предсказуемой, ослабить хроническую конфронтацию.

Реализация экономических договоренностей даст КНДР возможность улучшить транспортную инфраструктуру, укрепить промышленный потенциал, увеличить валютные поступления. Последовательное осуществление намеченных проектов может привести к созданию по периметру западных границ между Севером и Югом целой полосы совместных экономических зон, способных стать общекорейской «лабораторией» для выработки и применения на практике взаимоприемлемых форм совместной хозяйственной деятельности.

Естественно, многое будет зависеть от готовности Пхеньяна и Сеула выполнять намеченные планы. На предстоящих в Южной Корее в декабре с. г. президентских выборах шансы на победу имеет претендент от правоконсервативной оппозиции Ли Мён Бак. Он давно критикует действующего главу государства за чрезмерный либерализм и уступчивость Северу. На Юге уже высказываются сомнения относительно возможности реализации масштабных, но «слабо проработанных» экономических проектов. Независимые исследовательские институты в Республике Корея подсчитали, что обещания, содержащиеся в принятой Но Му Хёном и Ким Чен Иром декларации, обойдутся стране не менее чем в 13 млрд дол., что ляжет тяже-

лым бременем на экономику. В этой связи нельзя исключить, что будущая южнокорейская администрация, не отказываясь формально от намеченных планов, постарается спустить их на тормозах.

Не до конца понятны и намерения Пхеньяна, который в прошлом делал все для того, чтобы экономические и иные связи с Сеулом носили дозированный и ограниченный характер. На Севере небезосновательно опасаются, что экономическое проникновение южного соседа в КНДР может быть нацелено на постепенное изменение северокорейского строя изнутри.

Немало будет зависеть и от международной и военно-политической ситуации вокруг Корейского полуострова, особенно в связи с необходимостью решения северокорейской ядерной проблемы. Дальнейший прогресс в ходе ведущихся в настоящее время в Пекине переговоров отнюдь не гарантирован. Позиция же ближайших союзников Южной Кореи — США и Японии состоит в том, что любые уступки Пхеньяну, равно как и продвижение вперед в межкорейских отношениях в целом, должны находиться в прямой зависимости от успехов в деле ядерного разоружения Северной Кореи.

В заключение можно сделать следующие выводы:

- начатая бывшим президентом Южной Кореи Ким Дэ Чжунм «политика солнечного тепла», а также ее модифицированный вариант — курс нынешнего президента Но Му Хёна на сближение и сотрудничество — работают;

- данный курс базируется на выработанном в Сеуле прагматичном и реалистичном подходе. От объединения в качестве конечной цели никто не отказывается, но это — вопрос не сегодняшнего и не завтрашнего дня;

- линия на примирение и сотрудничество встречает растущее понимание и в Северной Корее, руководство которой, несмотря на сохраняющиеся идеологические «ограничители», демонстрирует все большую заинтересованность в расширении контактов и связей с Югом в практических областях;

- объединение по германскому образцу путем «поглощения» станет неподъемным для южнокорейской экономики. Задача нынешнего этапа, который может оказаться достаточно длительным, — не допустить военного конфликта на Корейском полуострове и коллапса КНДР. Южная Корея должна способствовать развитию Северной Кореи, сближению и постепенной конвергенции обоих государств, чтобы минимизировать цену будущего объединения.

Восточноазиатская стратегия России: корейский вызов

Георгий Толорая

С конца 2006 года в ситуации вокруг Корейского полуострова происходят заметные изменения. Хотя нынешние сдвиги не носят необратимого характера, они закладывают основы новой геополитической реальности, в которой Корейский полуостров будет играть большую, а главное, иную, чем прежде, роль.

Этот поворот мог случиться и раньше. Немного истории. После десятилетий конфронтации в Корее, обострившейся после распада СССР и утраты Пхеньяном союзников, важным рубежом в процессе национального примирения Севера и Юга стала встреча лидеров Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея в 2000-м. Однако обвинения в осуществлении секретной урановой программы, которые США выдвинули в адрес Пхеньяна в 2002 году, и последующий выход Северной Кореи из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) вылились в масштабный кризис. Мирный процесс был сорван.

Тем не менее в результате шестисторонних переговоров (КНДР, РК, КНР, Россия, США, Япония. – Ред.) по ядерной проблеме Корейского полуострова, ведущихся в Пекине с 2003-го, еще 19 сентября 2005 года достигнута договоренность о денуклеаризации КНДР в обмен на синхронизированные шаги партнеров (прежде всего Соединенных Штатов) по нормализации отношений с Пхеньяном. Предполагалось предоставить Северной Корее гарантии безопасности и оказать ей экономическую помощь на многосторонней основе. И вновь (всего через пару месяцев) эта договоренность оказалась фактически торпедирована. Решающую роль сыграло выдви-

Г.Д. Толорая – директор исследовательских программ Центра изучения современной Кореи ИМЭМО РАН.

нутое в адрес КНДР обвинение в незаконных финансовых операциях и замораживание Вашингтоном северо-корейских счетов в банке Макао (*BDA*). Фактически это означало изоляцию Пхеньяна от мировой финансовой системы.

КНДР пошла на обострение ситуации: 4 июля 2006-го она провела ракетные испытания, а спустя три месяца, 9 октября, осуществила подземный испытательный взрыв, который считается ядерным. В результате уже в конце октября, несмотря на санкции, объявленные ООН в отношении Северной Кореи, Вашингтон согласился на прямой контакт с Пхеньяном (от чего раньше отказывался). В январе 2007 года на секретной двусторонней встрече в Берлине северо-корейцы и американцы согласовали основные параметры взаимного компромисса. 13 февраля договоренности были «ратифицированы» «шестеркой» в публичном заявлении.

Соглашение предусматривает вывод из рабочего состояния (*disablement*) известных ядерных объектов КНДР, декларирование Пхеньяном всех ядерных программ в обмен на движение к дипломатической нормализации и экономическую помощь. Созданы пять рабочих групп для конкретного обсуждения «по направлениям». В течение 2007-го параметры этого процесса были согласованы и начали претворяться в жизнь. В ноябре Северная Корея с помощью США приступила к выводу ядерных объектов из эксплуатации, задекларировала свои ядерные программы. В ходе двусторонних переговоров Вашингтон пообещал исключить КНДР из списка государств — спонсоров терроризма, отменить в отношении нее акт о торговле с вражеским государством.

ЧТО ПРИВЕЛО К ПРОРЫВУ?

Почему после почти полутора десятилетий топтания на месте с периодическим опасным скольжением к пропасти мирный процесс вдруг приобрел скачкообразную динамику? Ведь в Рамочном соглашении, заключенном еще в 1994 году между Пхеньяном и администрацией Билла Клинтона, содержалось 80 % нынешнего плана действий. Однако его выполнение в 1990-е было сорвано как бездействием администрации Клинтона, так и активностью КНДР в ядерной сфере. При Джордже Буше-младшем Северную Корею причислили к «оси зла», ставка была сделана на изоляцию и давление. Все перипетии ядерной проблемы — это история как неэффективности попыток обеспечить безопасность и статус-кво на полуострове не-

военными средствами, так и результативности политики с позиции силы и шантажа, причем со стороны более слабого партнера.

Приходится признать, что, как ни парадоксально, именно наступательная и зачастую провокационная политика Пхеньяна по отношению к единственной сверхдержаве привела к оздоровлению обстановки.

Главные особенности нынешней ситуации состоят в следующем.

- КНДР де-факто обрела ядерный статус. Хотя он и не признан международным сообществом, но оказывает воздействие на политические процессы и решения.

- Во многом благодаря этому в политике республиканской администрации США произошел полный разворот — от давления и попыток ликвидации северокорейского режима к вовлечению. Причины лежат на поверхности. Вашингтону нужен внешнеполитический успех на фоне усугубляющихся проблем в Ираке и Иране, а также в период обострения внутривнутриполитической борьбы. Нормализация отношений с КНДР ничем не угрожает американским стратегическим интересам, разве что вызывает идеологическую идиосинкразию.

- Отказавшись от стереотипов, американские и северокорейские дипломаты без труда согласовали условия свертывания Пхеньяном ядерной программы в обмен на получение гарантий безопасности (включая нормализацию двусторонних отношений) и экономическую помощь.

- Пока нет уверенности, что поворот в американской стратегии, продиктованный тактическими, конъюнктурными и личностными факторами, необратим. По сути, прогресс зависит от настойчивости президента и госсекретаря Соединенных Штатов. Существуют обоснованные сомнения в том, что влиятельные силы в Вашингтоне отказались от стратегической цели смены северокорейского режима — если не силовыми, то «мягкими» методами. Однако существующие реалии, по крайней мере в обозримом будущем, препятствуют реализации подобных устремлений, что позволяет закрепить позитивные тенденции.

- Серьезным фактором следует считать создание основ для мирного сосуществования Севера и Юга страны. Новой иллюстрацией этого стал межкорейский саммит (октябрь 2007 г.). Фактически Пхеньян и Сеул достигли консенсуса по перспективам раздельного национального государственного строительства при растущей экономической, а позднее и культурной интеграции двух государств. Республика Корея, по сути, начала выступать в качестве основ-

ного спонсора и адвоката КНДР на мировой арене, потеснив в этой роли Китай. Экономическая помощь Южной Корее стала главным фактором «выживания» Северной Кореи.

● Благодаря устойчивому поступательному развитию шестисторонних переговоров накапливается потенциал для превращения их в постоянно действующий механизм по поддержанию мира и безопасности в Северо-Восточной Азии.

Все это позволяет надеяться на то, что независимо от внутривнутриполитических изменений (смена администрации) в странах — оппонентах КНДР резкого отката к острой конфронтации произойти не должно. Похоже, что политические элиты Запада, не говоря уже о Южной Корее, поняли, что катаклизмы в Северной Корее имели бы катастрофические последствия для всего региона, вплоть до гражданской войны. К тому же в Сеуле осознали, что коллапс на Севере и необходимость для Южной Кореи взвалить на себя бремя ответственности за соседей (расходы на восстановление экономики Севера превысят 1 трлн дол.) подорвали бы модель социально-экономического прогресса Республики Корея как страны, ориентированной на интеграцию в глобальную экономику.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ

Для политических процессов внутри и вокруг КНДР определяющим будет решение *ядерной проблемы*. Здесь возможны следующие сценарии.

Первый. Успешный ход переговорного процесса, декларирование и демонтаж Пхеньяном всех ядерных объектов и программ, а главное — соглашение о ликвидации имеющихся запасов расщепляющихся материалов и ядерных зарядов. Нормализация на этой основе отношений КНДР с США и Японией. Создание фундамента многостороннего режима поддержания мира и системы обеспечения всесторонних и необратимых гарантий безопасности и невмешательства во внутренние дела Северной Кореи. Масштабная экономическая помощь международного сообщества Пхеньяну. Весьма сложным может стать вопрос о строительстве легководного реактора (что было обещано северокорейской стороне в заявлении от 19 сентября 2005 года). Снижение внешней угрозы и взаимодействие с мировой экономикой (прежде всего с Южной Кореей) теоретически способны подвинуть Северную Корею на внедрение рыночных рычагов под контролем существующей политической элиты.

Открытым остается вопрос, удастся ли достичь столь впечатляющих результатов до предстоящих выборов президента Соединенных Штатов. Новая администрация вряд ли будет должна выполнять договоренности, достигнутые предшественниками. Тем более что юридически обязывающего и выверенного плана действий пока нет. Если к власти в Вашингтоне придут демократы, они, опасаясь упреков в либерализме, возможно, будут обладать меньшей свободой в отношении уступок государствам, подобным КНДР. Тем более если к Пхеньяну возникнут новые претензии — скажем, по поводу передачи ядерных технологий третьим странам. Напомним, что в сентябре 2007-го Израиль нанес удар по объекту в Сирии, который предположительно являлся реактором, строящимся с помощью Северной Кореи.

Противодействует американо-северокорейской нормализации и Япония, озабоченная проблемой похищенных КНДР японцев. Игнорировать интересы своего ближайшего союзника Вашингтон не может.

Второй. Достаточно вероятным представляется, однако, вариант сохранения Северной Кореей статуса страны, де-факто обладающей ограниченным ядерным потенциалом. Мировое сообщество может смириться с таким положением и не форсировать решение вопроса об окончательной денуклеаризации. Но при этом Пхеньян не будет совершенствовать предположительно имеющиеся у него ядерные взрывные устройства, увеличивать их число, прибегать к ядерному шантажу и тем более распространять ядерные технологии. Разумеется, предварительным условием должен стать демонтаж ядерных объектов и программ.

Если мировое сообщество смирится с «индо-пакистанским» статусом Пхеньяна, это будет иметь крайне нежелательный международный резонанс и окажет очень негативное воздействие на режим нераспространения. А потому половинчатый характер такого решения может маскироваться продолжением переговоров об окончательном ядерном разоружении КНДР и возвращении ее в ДНЯО в качестве неядерного государства. Малая результативность подобных консультаций будет сдерживать нормализацию отношений с Западом, но не приведет к ее прекращению. Если Северная Корея станет «благопристойно» вести себя на мировой арене, она будет и впредь получать экономическую помощь даже при отсутствии значимых изменений внутри страны. Впрочем, в той или иной мере либерализация режима все же будет происходить.

Если внешнюю безопасность изменившейся Северной Кореи удастся обеспечить дипломатическими средствами, то в более отдаленной перспективе она не будет нуждаться в сдерживающих средствах в виде оружия массового уничтожения и добровольно откажется от них (подобно Южно-Африканской Республике, уничтожившей свой ядерный арсенал). Это не самый худший сценарий, который со временем приведет к решению проблем Корейского полуострова. Его реализация зависит как от преемственности американской линии на диалог с КНДР, так и от выдержки северокорейского руководства и его готовности отказаться от провокационных шагов.

Третий. Нельзя полностью исключить обострение ситуации. Например, из-за конфликта вокруг стремления Северной Кореи сохранить ядерное оружие, вариантов свергивания ядерной программы, проблемы получения северокорейцами атомной электростанции и т. п. Этому может способствовать стечение обстоятельств. Скажем, серьезный успех Соединенных Штатов в Ираке, неожиданная развязка иранской ядерной проблемы, коллизии политической борьбы в США, ужесточение подходов к Северу новой южнокорейской администрации (приходящей к власти в 2008 году), а также безрассудные акции и действия самого Пхеньяна.

Четвертый. Поворот к силовой линии может быть спровоцирован кризисом внутри КНДР: уходом Ким Чен Ира и борьбой за «престолонаследие», народными волнениями, распадом системы управления. Однако такое развитие событий все же маловероятно, к тому же оно необязательно привело бы к реанимации попыток силового решения. В предотвращении военно-интервенционистского сценария и в стабилизации ситуации в первую очередь заинтересованы Китай и Южная Корея. Они предпримут превентивные меры (в частности, экономического порядка), в том числе и ради минимизации вмешательства США.

Наиболее реальной в *краткосрочной перспективе* представляется стабилизация ситуации вокруг ядерной проблемы КНДР с медленной позитивной динамикой. В этом заинтересованы все основные действующие лица. Однако надо быть готовым к срывам и к тому, что Пхеньян может изрядно помотать переговорщикам нервы, выбивая максимальные уступки. Тем не менее в случае успеха создастся возможность для постепенной модернизации страны при опоре на иностранную помощь и для ее поворота к внешнему миру при сохранении контроля правящей верхушкой.

Подобный ход событий отвечал бы интересам России и не требовал бы от нас серьезной корректировки подходов. Неизменность стратегических целей, однако, не исключает, а, наоборот, требует активизации роли Москвы в корейском урегулировании, в том числе в экономических проектах. Это необходимо для укрепления наших внешнеполитических позиций в Азии и в связи с ростом конкуренции на корейском направлении.

Долгосрочные прогнозы предполагают куда более серьезные стратегические вызовы. Надо уже сегодня задуматься о том, каков будет геополитический расклад в Северо-Восточной Азии при доведении начавшихся процессов до логического завершения. Впервые после корейской войны геополитический баланс в регионе претерпит серьезные изменения. Пассивность может привести к опасным для наших национальных интересов тенденциям. Вместе с тем открываются и возможности для более результативной стратегии.

КАК ИЗМЕНИТСЯ СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ?

Катализатором подобных процессов могут стать вероятные *изменения внутри КНДР* и в ее взаимодействии с внешним миром. Консервация тоталитарных порядков на фоне банкротства экономики не может продолжаться бесконечно. Хотя нынешнее улучшение международного положения страны и экономической ситуации уже привело к попыткам северокорейского руководства «закручивать гайки» в борьбе с «частнособственническими инстинктами», «буржуазными проявлениями», проникновением «чуждой культуры» (прежде всего из Южной Кореи). Консерваторы, а также представители силовых структур, похоже, сохраняют наибольшее влияние в политической элите. И даже более молодые кадры вербуются именно из этой среды.

В Пхеньяне имеются, однако, и круги, настроенные на перемены. Растущая неудовлетворенность населения, повышение роли внешнего воздействия в связи с неизбежным выходом из изоляции в ходе нормализации отношений с Западом поставят руководство перед дилеммой — крах либо всеобъемлющая системная трансформация. Вопрос в том, сможет ли политическая элита дирижировать процессом реформирования или проявит твердолобость и доведет дело до стихийного обвала системы.

Представляется, что руководство КНДР уже осознало неизбежность этого выбора и в глубине души готово к реформам, надеясь, что

это позволит сохранить режим и избежать потрясений. Главным условием является стопроцентная внешняя безопасность. Однако получение Пхеньяном подобных гарантий не должно стать мандатом на консервацию системы. Наоборот, предоставление международным сообществом безопасности северокорейскому государству должно быть обусловлено его «движением к норме» («*конвенционализация*»).

О вызревании перемен свидетельствуют *новации в экономике*. Они осуществляются в соответствии с парадигмой, уже многократно опробованной в «транзитных экономиках». Наиболее уместно было бы апеллировать к опыту не только Китая, но и Вьетнама и России.

В 1990-е распределительная командно-административная система КНДР оказалась практически парализована. Прекращение помощи соцстран и изоляция привели к экономическому кризису и массовому голоду. Тогда населению пришлось обратиться к примитивным формам рыночного обмена. Процесс этот получил необратимое развитие. Северокорейская экономика стала многоукладной. Наряду с практически неработающим госсектором существуют рыночный сектор (розничная торговля, «челночный» бизнес, совместные предприятия, свободные экономические зоны), получающий (особенно в сельском хозяйстве и торговле) и «серый» (криминализованный) сектор.

Начинается и преобразование отношений собственности. Нельзя исключить появление полугосударственных — а позднее поэтапно приватизируемых представителями политической элиты — конгломератов по типу южнокорейских «чэболей». Эти процессы носят, однако, постепенный и закрытый характер из-за сохранения враждебного окружения и вероятности в случае неудачи не только смены режима, но и исчезновения самой северокорейской государственности.

Налицо и ползучая смена *идеологических приоритетов*. Коммунистическая фразеология плавно переходит в националистическую. Не последнюю роль в этом играет расширяющееся сотрудничество с Южной Кореей. Не исключено, что новой национальной идеей и на Севере, и на Юге станет консолидация нации в интересах завоевания ею достойного места в мире. Это вполне отвечает духу идей чучхе, составляющих доктрину северокорейского политического режима, сформулированных в Корее, кстати, задолго до импорта коммунизма.

В случае проведения грамотной и осторожной политики при одновременном улучшении жизни населения северокорейский режим имеет шанс уцелеть. Через 15–20 лет мы могли бы иметь дело с совсем другой страной — авторитарным (а не тоталитарным) государством с

рыночной (для начала квазирыночной) экономикой, тесно связанным с Южной Кореей. Подобных государств немало, так что в случае прекращения конфронтации с Западом (особенно США и Японией) нет объективных причин для сохранения КНДР в статусе страны-изгоя.

Националистические настроения северян уже находят отклик на Юге, а приход новых поколений может привести к переосмыслению проблемы *объединения страны*. В Сеуле осознали, что для начала надо стремиться к длительному мирному сосуществованию двух корейских государств. Наиболее дальновидные южнокорейские политики исходят из вполне эгоистических соображений: только сохранение в той или иной форме самостоятельности КНДР может предотвратить распространение северокорейских проблем в общенациональном масштабе и возникновение глобального кризиса в политической, социальной и экономической сферах.

Не исключено, что позднее наиболее жизнеспособным окажется конфедеративное государственное устройство при сохранении значительной региональной автономии. Эта формула фактически была согласована руководителями Севера и Юга на первом саммите-2000. В соответствии с достигнутыми договоренностями процессы национального примирения и сближения должны развиваться эволюционно, начиная с неполитических областей, с использованием опыта интеграции в иных частях света.

Объединение обоих корейских государств откладывается на более далекую перспективу. Чтобы перевести вопрос в практическую плоскость, должны произойти перемены во взаимоотношениях и выравнивание уровней развития.

ШЕСТИСТОРОННИЙ ПРОЦЕСС И БУДУЩЕЕ РЕГИОНА

Мирный процесс вокруг Корейского полуострова начался с поиска решения ядерной проблемы КНДР. Но достижение результата в этом проблематично, если не будут сформулированы более широкие принципы взаимодействия вовлеченных государств. Вместо системы блоковой конфронтации, обеспечивавшей статус-кво на Корейском полуострове, должен быть создан новый фундамент безопасности. Тем более с учетом назревающего противостояния между Китаем, с одной стороны, и США и Японией — с другой, которого в принципе оба лагеря хотели бы избежать. Все это создает основу для расширения мандата *шестистороннего процесса*. Это необходи-

мо для контроля за выполнением достигнутых договоренностей и для координации экономической помощи Северной Корее. Накопленный «шестеркой» опыт общения мог бы постепенно привести к обсуждению более широкого круга проблем.

Растущая интернационализация экономической жизни, трансграничный характер новых вызовов и угроз, миграционные процессы в Северо-Восточной Азии требуют инструмента межгосударственной координации вне зависимости от корейской проблемы. Идея институционального закрепления шестистороннего механизма (вплоть до создания Организации по безопасности и сотрудничеству в данном регионе) обсуждается довольно давно.

Каков мог бы быть мандат такого рода многосторонней организации в Северо-Восточной Азии?

- Поиск дальних подходов к формированию коллективной системы всеобъемлющей безопасности (*comprehensive security*). В этих целях стоит заняться выработкой таких мер доверия, как предотвращение инцидентов в морском и воздушном пространстве, уведомление об учениях и приглашение на них наблюдателей, ежегодный обзор оборонных доктрин (Белые книги) и т. п. В частности, интерес может представлять совместное обеспечение безопасности морских коммуникаций в самом регионе и южнее.

- Выработка мер коллективного противодействия нетрадиционным вызовам и угрозам, к каковым следовало бы отнести помощь при стихийных бедствиях, борьбу с эпидемиями, экологическими проблемами, трансграничной преступностью, наркотрафиком, нелегальной миграцией и пр.

- Обсуждение многосторонних экономических проектов и согласование региональной экономической политики. Особый интерес представляла бы выработка общих подходов по вопросу создания новых и преобразования существующих зон свободной торговли. В этом особенно заинтересована Россия, которая иначе рискует оказаться за бортом набирающей силу региональной интеграции.

- Создание инфраструктуры межцивилизационного и межэтнического общения и сближения в регионе, где исторически сложившаяся национальная рознь имеет глубокие корни и подпитывается сегодняшними проблемами. С этой точки зрения представляется важным осуществить совместные проекты в области культуры, науки, образования, спорта и стимулировать обмены людьми на многосторонней основе с учетом опыта, накопленного на двусторонних переговорах.

В создании подобного механизма в разной степени заинтересованы большинство стран Северо-Восточной Азии, и особенно Китай как «хозяин» дипломатического процесса. Пекин не прочь превратить его еще в одну международную организацию под своей эгидой (с учетом опыта создания Шанхайской организации сотрудничества). Он заинтересован в укреплении своего влияния и в регионе, и в глобальном формате — в том числе для «мягкого сцепления» с американской политикой в Северо-Восточной Азии.

США, обычно негативно настроенные к подобным образованиям, в последнее время демонстрируют интерес к этой перспективе. Очевидно, Вашингтон рассматривает многостороннюю систему как инструмент «сдерживания» Китая и возможность закрепить свои позиции в регионе.

Сеул стремится к превращению Корейского полуострова в экономический центр региона. Южная Корея позиционирует себя как «противовес», «среднюю державу», которая могла бы осуществлять посреднические функции как раз в рамках многостороннего механизма.

Северная Корея еще (до нормализации отношений с оппонентами) не определила свою позицию, однако известна ее настороженность к многосторонним организациям, «ограничивающим суверенитет». Тем не менее Пхеньян можно было бы в принципе заинтересовать возможностями, которые предоставит международная структура для соблюдения законных прав КНДР на мировой арене и в плане доступа к ресурсам.

Россия традиционно выступала за создание многосторонней системы безопасности в Северо-Восточной Азии, хотя конкретные преимущества участия в такой структуре для нашей страны пока четко не сформулированы. Учитывая относительную слабость позиций Москвы в этом регионе, надо признать, что только сотрудничество в многостороннем механизме дало бы России право принимать полноценное участие в выработке решений. Многосторонний формат важен и для равноправного присутствия в регионе российского Дальнего Востока, что позволит избежать превращения его лишь в ресурсную базу экономического роста Северо-Восточной Азии.

Если рассмотренные выше процессы будут развиваться, это спровоцирует значительные сдвиги в геополитической ситуации. Снижение роли Соединенных Штатов в Корее может привести к фактическому переносу ими «линии сдерживания» Китая на восток, в Японию. Еще недавно вывод американских войск с Корейского

полуострова немислимо было даже вообразить, но уже сегодня такая возможность вполне допустима. При углублении интеграции Севера и Юга амбиции Китая по «мирному доминированию» на Корейском полуострове столкнутся со стойким сопротивлением. Простор для маневра сузится для Японии вследствие того, что оба корейских государства стали бы играть более самостоятельную роль в региональных и мировых делах.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕЕ ПОЛИТИКА

Как это скажется на политике России и ее интересах в регионе? Представляется, что в целом возможности перевешивают возникающие проблемы.

- Ни Сеул, ни Пхеньян не имеют серьезных противоречий с Москвой. Углубление взаимодействия зависит главным образом от нашей готовности уделять ему больше внимания и ресурсов. Добра соседские отношения с корейскими государствами позволили бы России использовать корейский фактор для «балансирования» веса Китая и Японии в регионе и даже усилить свои позиции в диалоге с США. Тем более что и самим корейцам нужен «противовес» в их все более независимых отношениях с «центрами силы». Россия для этого вполне подходит. Развитие дружественных отношений с обеими Кореями имеет, таким образом, не только самоценное, но и более широкое, геополитическое, значение.

- Успешно избежав в 1990-е годы втягивания в межкорейскую конфронтацию на той или иной стороне, Россия теперь может претендовать на позитивную роль в сближении двух Кореи и получить свою долю политических и экономических дивидендов. Особенно перспективным начинанием представляются трехсторонние проекты на железнодорожном транспорте и в энергетике. Россия может обрести важные функции «евразийского моста», что поспособствует развитию Дальнего Востока, более глубокой интеграции страны в азиатское экономическое пространство.

- Москве следует громче артикулировать заинтересованность в денуклеаризации КНДР, демонстрировать готовность содействовать этому процессу, а также участвовать в оказании экономической помощи Пхеньяну в рамках многосторонних договоренностей. Это необходимо для углубления взаимопонимания с другими участниками мирного процесса (особенно с Китаем и США) и для доказательства отсутствия у Москвы «скрытой повестки» по усилению ее влияния

в Корею в ущерб другим игрокам. Разумеется, здесь необходимо наличие политической воли и ресурсного обеспечения, для чего требуется преодолеть ведомственную разобщенность и добиться координации усилий на политическом уровне.

● Участники многосторонних процессов могут продвигать свои интересы не в лобовом столкновении (как было в прошлом), а путем поиска компромиссов. Это означает, что институциональное утверждение многостороннего механизма по безопасности и сотрудничеству в Северо-Восточной Азии в любом случае не противоречит интересам России. Такой механизм сыграл бы важную роль в переходе от соперничества, основанного на взаимном «сдерживании», к системе «сотрудничество-соперничество» на основе баланса интересов, то есть к «концерту держав».

Уже сейчас следовало бы задуматься над проблемой повышения уровня наступательности и инициативности нашей дипломатии на корейском направлении, так как в адрес Москвы нередко звучат упреки в пассивности. Нет препятствий для лидерства России в разработке концепции безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Тем более что, как показывает практика, участники шестистороннего формата не прочь уступить Москве эту роль.

Вашингтон и Пекин явно хотят избежать конфронтации по проблеме, не имеющей пока непосредственного выхода на практическую политику, а потому занимают выжидательную позицию. Япония заиклена на более узких вопросах и еще не определила базовые мировоззренческие параметры своего положения в регионе. При всех своих амбициях Южная Корея вряд ли потянет на роль лидера региональной интеграции, хотя ее ресурсы могут привлекаться для этого в ненавязчивой манере.

России предоставляется возможность мирными средствами, не вызывая раздражения партнеров, а также без вложения особо значительных средств занять привлекательную нишу в восточноазиатских делах. Место нашей страны в Северо-Восточной Азии в какой-то мере может перекликаться (при гораздо меньшем силовом компоненте) с положением России в постверсальской Европе, когда отсутствие конфликтов с ведущими игроками позволяло ей играть балансирующую роль.

Продолжение темы

Президент Картер поздравляет президента Садата и премьера Бегина с заключением кемп-дэвидской сделки. Он советует вообще не замечать арабского народа Палестины.
Х. Бидstrup, 1979 г.

“ Истинной причиной срыва всех мирных инициатив и усилий посредников является неспособность международного сообщества (кроме как на словах) отвергнуть и осудить идею Израиля, будто оккупация и создание поселений на захваченных им землях могут продолжаться неопределенное время, пока не будет подписан мирный договор **”**

Ближневосточный мирный процесс как великая афера
Генри Зигман

172

Конфликты в Грузии: как быть дальше? *Дитер Боден*

181

Зачем Чешской Республике ПРО *Томаш Пойар*

191

Ближневосточный мирный процесс как великая афера

Генри Зигман

Встретившись в июне 2007 года в Белом доме, Эхуд Ольмерт и Джордж Буш пришли к выводу, что насильственное изгнание ФАТХ из сектора Газа движением ХАМАС и посредничество саудовцев, пытавшихся в марте восстановить правительство национального единства в Палестинской автономии, открыли для мира еще одно «окно возможностей». (Никогда еще сорванный мирный процесс не имел такого изобилия «возможностей»!) Израильский премьер и американский президент были единодушны в том, что изоляция хамасовцев в Газе заставит их пойти на щедрые уступки президенту Палестины Махмуду Аббасу, а это, в свою очередь, вернет ему доверие палестинского народа и поможет сокрушить оппонентов.

И Буш, и Ольмерт без усталости твердили о том, что они преданы идее создания палестинского государства как единственно возможному способу урегулирования ближневосточного конфликта. Однако работать с новым рвением над улучшением имиджа Аббаса их заставляет не стремление строить палестинское государство, а скорее решимость во что бы то ни стало одолеть ХАМАС. Именно поэтому их надежда победить иллюзорна. Умеренные силы в Палестине никогда не возьмут верх над теми, кого считают экстремистами. Ведь с точки зрения Ольмерта, умеренность — это согласие палестинцев на расчленение их тер-

Генри Зигман — директор проекта США/Ближний Восток, профессор кафедры Ближнего Востока Лондонского университета, научный сотрудник мадридского фонда ФРИДЕ. Работал старшим научным сотрудником Совета по международным отношениям с 1994 по 2006 год, а также руководителем Еврейского конгресса США с 1978 по 1994 год. Данная статья опубликована в *London Review of Books*, № 16 за 2007 год. Публикуется с любезного согласия журнала.

ритории. То, что Ольмерт и его правительство готовы предложить Палестинской автономии, одинаково решительно отвергнут и Аббас, и движение ХАМАС. А палестинцы лишний раз убедятся в бесплодности умеренности Аббаса и в правоте хамасовцев, ее отвергающих.

Не менее иллюзорны и надежды, возлагаемые Джорджем Бушем на мирную конференцию под председательством Тони Блэра, недавно назначенного дипломатическим представителем «квартета» по ближневосточному урегулированию. С точки зрения американского президента, все прежние мирные инициативы провалились во многом, если не исключительно из-за неготовности палестинцев к созданию своего государства. Вот почему главным пунктом повестки дня на такой встрече станет формирование институтов государственной власти и реформа палестинской государственности.

Мирный процесс зашел в тупик по другой причине, но ни у Буша, ни у Европейского союза недостает политического мужества для того, чтобы открыто об этом заявить. Дело в том, что израильские политические элиты давно уже пришли к консенсусу относительно недопустимости появления палестинского государства, поскольку это лишит Израиль возможности осуществлять эффективный военный и экономический контроль над Западным берегом реки Иордан. Вне всякого сомнения, Израиль будет настаивать на создании отдельных анклавов, которые палестинцы могут называть государством, но лишь для того, чтобы не допустить появления реального государства, населенного двумя народами, в котором палестинцы будут большинством.

Ближневосточный мирный процесс — это, возможно, самый впечатляющий обман в современной дипломатической истории. Со времен провальной встречи на высшем уровне в Кемп-Дэвиде (2000), а фактически задолго до нее, заинтересованность Израиля в урегулировании конфликта объяснялась исключительно его стремлением добиться согласия палестинцев и международного сообщества на сохранение статус-кво. По сути же, участие еврейского государства в переговорном процессе служило ширмой для систематической конфискации и оккупации палестинских земель.

По словам бывшего начальника штаба вооруженных сил Израиля Моше Яалона, главная цель Израиля — «глубоко запечатлеть в сознании палестинцев тот факт, что они — побежденный народ». Даже Ицхак Рабин, неохотно принявший соглашения, достигнутые в Осло, и не одобрявший строительство поселений на оккупированных территориях, считал, что возврату подлежат лишь земли, упо-

мянутые в так называемом плане Аллона. Согласно этим предложениям Израиль удерживал за собой Иорданскую равнину и другие территории на Западном берегу.

Любой человек, знакомый с безжалостной конфискацией палестинских земель Израилем по плану, разработанному и реализованному Ариэлем Шароном, знает, что цель сохранения поселений на Западном берегу реки Иордан в значительной степени достигнута. Международное сообщество наивно приветствовало эвакуацию незаконных поселений из сектора Газа. В этом усматривали героическое достижение политика новой формации, преданного благородной идее мира с палестинцами. Однако Газа стала первым палестинским бантустаном. И создавшаяся там ситуация показывает, что будут представлять собой эти образования, если их жители не станут вести себя так, как этого хотят израильтяне.

Лицемерная преданность делу мирного процесса и идее палестинской государственности дала Израилю возможность осуществлять непрекращающуюся оккупацию и расчленение палестинской территории. А «четверка» по ближневосточному урегулированию, в которой ЕС, Генеральный секретарь ООН и Россия послушно действуют по указке Вашингтона, обеспечивает прикрытие этого обмана. Международные посредники соглашались с Израилем, утверждающим, что он не может найти достойного палестинского партнера для продолжения переговоров.

Всего через год после окончания войны 1967 года Моше Даян, бывший начальник штаба израильской армии, который в то время был министром обороны, описал свое видение будущего как «нынешнюю реальность на занятых территориях». «Этот план, — сказал он, — реализуется на деле. То, что сегодня существует, должно остаться постоянным устройством на Западном берегу». Спустя десять лет Даян заявил на конференции в Тель-Авиве: «Вопрос не в том, каким должно быть решение, а в том, как нам жить без всякого решения».

Джеффри Аронсон, с самого начала контролировавший процесс обустройства поселений, обобщает ситуацию следующим образом: «Израиль понимает существование без решения, как ключ к получению максимальных выгод от завоевания и минимизации опасностей от тягот отступления либо формальной аннексии. Такая преданность статус-кво призвана замаскировать программу экспансии, которую поддерживали многие поколения израильских лидеров, поскольку поселения на оккупированных землях давали возможность

динамично трансформировать эти территории и расширить израильский суверенитет на Западный берег реки Иордан».

В 2004-м в интервью газете «Гаарец» Дов Вайсглас, глава администрации тогдашнего премьер-министра Ариэля Шарона, описал стратегическую цель его дипломатии. Израиль, по словам Вайсгласа, стремится заручиться поддержкой Белого дома и Конгресса США при осуществлении мер, призванных законсервировать мирный процесс и создание палестинской государственности путем погружения в формалин. Это чертовски уместная метафора, поскольку формалин предотвращает разложение мертвых тел и порой даже создает иллюзию, будто покойники всё еще живы. Вайсглас объясняет, что, выводя войска из сектора Газа и сворачивая несколько изолированных поселений на Западном берегу, Шарон стремился добиться одобрения Вашингтоном односторонних действий Израиля, а не создать прецедент окончательного ухода с Западного берега реки Иордан. Ограниченный демонтаж поселений должен был обеспечить израильтянам свободу политического маневра для углубления и расширения их присутствия на Западном берегу. Именно этого и удалось добиться еврейскому государству. Буш писал в письме Шарону: «В свете новых реалий на западных территориях, включая уже существующие крупные поселения израильтян, нереалистично ожидать, что результатом переговоров об окончательном статусе этих земель будет полное и безоговорочное возвращение к границам, которые существовали на момент перемирия в 1949 году».

В недавнем интервью той же «Гаарец» Джеймс Вулфенсон, который был официальным представителем ближневосточного «квартета» во время освобождения территории Газы, сказал, что Израиль и Соединенные Штаты систематически торпедировали соглашение между израильтянами и Палестинской автономией, которое он помогал готовить в 2005-м. В итоге были упразднены «все аспекты» соглашения, а сектор Газа превратился в огромную тюрьму.

Еще более откровенно высказался Хаггай Алон, старший советник бывшего министра обороны Израиля Амира Переца. В интервью «Гаарец» он обвинил израильские вооруженные силы (все больше военных со своими семьями пополняют число поселенцев на оккупированных землях) в том, что они тайно действуют в интересах колонистов. Военные, говорит Алон, игнорируют постановление Верховного суда о маршруте пролегания так называемой «защитной стены». Они самовольно устанавливают ее таким образом, чтобы максималь-

но затруднить создание палестинского государства. Вместо того чтобы в соответствии с соглашением, подписанным в 2005 году (часть договора, над которым работал Вулфенсон), упростить для палестинцев поездки на оккупированные территории, армия создала облегченный режим для перемещения поселенцев. Для палестинцев же число КПП удвоилось. По словам Алона, вооруженные силы Израиля «проводят политику апартеида», призванную очистить Хеврон от арабов и «иудаизировать», как он выразился, долину реки Иордан. В то же время военные открыто сотрудничают с колонистами, пытаясь заблокировать процесс создания палестинского государства.

Всеобъемлющее представление о сложившейся ситуации дает новая карта Западного берега, составленная Управлением по координации гуманитарных программ ООН. Израиль сделал все для того, чтобы гражданская и военная инфраструктура перекрыла палестинцам доступ к 40 % аннексированной территории. Остальные земли, включая такие крупные населенные пункты, как Наблус и Иерихон, расчленены на анклав, перемещение между которыми ограничивается 450 блокпостами и 70 полностью укомплектованными КПП. Как установила ООН, эта территория весьма напоминает ту, что была выделена палестинскому народу в израильских предложениях по обеспечению безопасности вскоре после окончания войны 1967 года. По данным ООН, происходящие в настоящее время на оккупированных территориях инфраструктурные изменения, включая дорожную сеть, огибающую и изолирующую палестинские города, де-факто закрепляют кантонизацию Западного берега реки Иордан.

Несведущие и/или циничные болтуны из Иерусалима, Вашингтона и Брюсселя игнорируют эти реалии. Они рассуждают о том, что для начала мирных переговоров палестинцам нужно реформировать институты государственной власти, демократизироваться, демонтировать «инфраструктуру террора» и прекратить всякого рода насилие и подстрекательство.

Между Израилем и палестинцами существует колоссальный дисбаланс сил. К тому же Израиль имеет огромный перевес с точки зрения дипломатической поддержки. Ее оказывают страны, которые должны были бы проводить более взвешенную политику и попытаться как-то компенсировать военный дисбаланс дипломатическими средствами. Ситуация не изменится к лучшему до тех пор, пока США, Евросоюз и другие международные посредники не будут готовы признать главное препятствие в деле ближневосточного урегулирования.

Этим препятствием является одно из ключевых положений оккупационной политики Израиля. В еврейском государстве убеждены, что резолюция 242 Совета Безопасности ООН (принята в ноябре 1967 года по завершении Шестидневной войны. — Ред.) дает Израилю право на бессрочную оккупацию палестинских территорий в случае неподписания мирного договора. Если бы такая трактовка была правомерна, то этот документ фактически давал бы оккупационным силам возможность удерживать территорию противника, уклоняясь от переговоров. Это именно то, что и делает Израиль. В действительности же в предисловии к резолюции 242 сказано, что территория не может аннексироваться путем военных действий. А это означает, что если стороны не могут достичь соглашения, то оккупанты должны вывести свои войска за границы, существовавшие до начала военных действий. По логике вещей именно так должна трактоваться резолюция 242 СБ ООН. Если бы Израиль искренне был намерен уйти с оккупированных территорий, сорока лет должно было с лихвой хватить для того, чтобы подписать мирный договор.

Израильтяне ссылаются на то, что, поскольку до войны 1967-го не было палестинского государства, нет и общепризнанных границ, к которым Израиль мог бы отвести свои войска и поселения. Граница, существовавшая до 1967 года, есть не что иное, как линия прекращения огня. Более того, поскольку резолюция 242 призывает к «справедливому и длительному миру», который позволит «каждому государству региона жить в безопасности», Израиль считает, что этот документ дает ему право изменять границу перемирия в двустороннем или одностороннем порядке, чтобы обеспечить ее надежность, прежде чем будет положен конец оккупации.

Данный аргумент лицемерен по многим причинам, но прежде всего потому что резолюция 181 Генеральной Ассамблеи ООН о размежевании от 1947-го, провозгласившая легитимность еврейского государства и его всемирное признание, также установила, что палестинские земли за границами вновь образованного государства являются законным владением арабского населения Палестины. Содержащееся в документе утверждение о праве арабского населения Палестины на национальное самоопределение основывалось на законодательных нормах и демократических принципах. В соответствии с ними национальное большинство имеет полное право на собственную государственность, а арабы в то время составляли две трети населения Палестины. Если пре-

доставленное право до сих пор не реализовано, это не означает, что его больше не существует.

В результате войны, начатой арабскими странами, чтобы воспрепятствовать реализации резолюции ООН о разделе территории Палестины, Израиль расширил свои владения на 50 %. Если аннексия территорий военным путем незаконна, то главный вопрос не в том, сколько еще палестинских земель Израиль может конфисковать. Скорее речь идет о том, какую часть территорий, захваченных в ходе военных действий в 1948 году, ему будет позволено удержать. По крайней мере, если установленная линия прекращения огня (1949) и нуждается в пересмотре, то за счет израильской, но никак не палестинской территории.

В мирных инициативах либо посредниках в деле урегулирования израильско-палестинского конфликта недостатка никогда не было. Насилие, к которому прибегают палестинцы в стремлении освободиться от израильской оккупации, тоже нельзя считать главной помехой на пути мирного процесса. Ни в коем случае не оправдывая убийство мирных жителей, можно заметить, что любой народ рано или поздно поднимается на борьбу за свое самоопределение, если ему препятствуют в этом оккупационные власти. Не был исключением и Израиль, боровшийся за независимость и создание еврейского государства.

Как пишет историк Бенни Моррис, впервые к тактике террора против мирных жителей прибегло еврейское движение «Иргун». В своей книге «Праведные жертвы» Моррис пишет, что всплеск арабского насилия в 1937 году «спровоцировал серию взрывов в автобусах и местах скопления арабского населения, организованную движением «Иргун», что вывело конфликт на новый уровень». Если до этого арабы «стреляли по машинам и прохожим и иногда бросали гранаты, убивая или ранив несколько случайных прохожих или пассажиров», то теперь «первые в истории конфликта бомбы большой мощности стали взрываться в многолюдных арабских торговых центрах, и десятки ни в чем не повинных людей умирали или получали увечья». Моррис отмечает, что это «нововведение» вскоре было взято на вооружение арабами».

Попытки удержать оккупированные земли объясняются тем, что Израиль на самом деле никогда не считал Западный берег оккупированной территорией, несмотря на формальное признание подобной терминологии. Израильцы не смотря на международное законодательство и резолюции ООН считают эти земли «спорной» территорией, на которую они имеют не меньше прав, чем палестинцы.

Впервые эту точку зрения озвучил Шарон в очерке, опубликованном в *The New York Times* 9 июня 2002-го. Библейские топонимы Иудея и Самария, к использованию которых для обозначения территорий ранее прибегала лишь партия «Ликуд» (правая. — **Ред.**), теперь вошли в обиход и у приверженцев Партии труда (левая. — **Ред.**). И это отражает общепринятую в Израиле точку зрения.

Другим примером подобного менталитета является тот факт, что бывший премьер-министр, а ныне министр обороны в кабинете Ольмерта Эхуд Барак, считает территориальные уступки, предложенные им в Кемп-Дэвиде, проявлением «щедрости» со стороны Израиля, а не признанием прав палестинского народа. Похоже, что в израильском лексиконе словосочетание «права палестинского народа» просто отсутствует.

Проблема не в том, что палестинцы не знают, что такое компромисс, как утверждают израильтяне. Еще один бывший израильский премьер Биньямин Нетаньяху сетует: «Палестинцы только берут и берут, а Израиль только отдает и отдает». Это несправедливо, поскольку палестинцы пошли на серьезный компромисс, формально признав легитимность Государства Израиль в границах 1949 года. Решившись на эту уступку, они фактически отказались от притязаний на более чем половину территории, которая отводилась арабам резолюцией ООН в 1947-м. Они не получили никакой похвалы за это выстраданное решение, принятое за много лет до того, как Израиль признал право палестинцев на создание государства в любой части Палестины. Точка зрения, согласно которой границы должны быть вновь пересмотрены за счет тех 22 % территории, которая осталась у палестинцев, глубоко оскорбительна для них, и понятно почему.

Тем не менее на саммите в Кемп-Дэвиде Палестинская автономия согласилась на пересмотр границ, существовавших до 1967 года. Около 70 % поселений на Западном берегу реки Иордан должны были остаться внутри еврейского государства при условии, что палестинцы получают аналогичную территорию на израильской стороне границы. Барак отверг это предложение. Вне всякого сомнения, серьезным препятствием для подписания мирного договора было требование о возвращении палестинских беженцев. Однако инициатива, выдвинутая Лигой арабских государств в 2002-м, предполагает формальное и чисто символическое возвращение беженцев, и в таком количестве, которое одобрит сам Израиль. При этом подавляющее большинство должно было репатриироваться в новое палес-

тинское государство, страны нынешнего проживания или другие государства, готовые их принять.

Истинной причиной срыва всех мирных инициатив и усилий посредников является неспособность международного сообщества (кроме как на словах) отвергнуть и осудить идею Израиля, будто оккупация и создание поселений на захваченных им землях могут продолжаться неопределенное время, пока не будет подписан мирный договор. Если не решить эту основополагающую проблему, любые попытки добиться урегулирования будут обречены на неудачу.

Для осуществления прорыва Совет Безопасности ООН должен принять резолюцию, содержащую следующие ниже положения:

- Изменение границ, существовавших до 1967 года, может осуществляться только по обоюдному согласию сторон. Односторонние меры не будут признаны международным сообществом.

- Возвращение оккупационных сил Израиля к границам, существовавшим до 1967-го, является безусловным требованием резолюции 242 даже в случае неподписания мирного договора, что закреплено резолюцией 338, принятой в 1973 году в связи с прекращением огня.

- Если стороны не придут к согласию в течение 12 месяцев (реализация договоренностей, по всей видимости, потребует более длительного срока), Совет Безопасности введет «режим по умолчанию» и выдвинет свои условия окончания конфликта. Чтобы помочь в установлении власти закона, на оккупированные земли будет введен международный контингент. Он окажет содействие палестинцам в создании государственных учреждений, обеспечит безопасность Израиля путем предотвращения трансграничного насилия. Миротворцы также будут осуществлять контроль и надзор за выполнением условий прекращения конфликта.

Если бы США и их союзники заняли жесткую позицию и дали понять Израилю, что не позволят в одностороннем порядке менять границы, сложившиеся до 1967-го, то не возникало бы надобности в сложных формулах урегулирования или в именитых посредниках. Для реанимации мирного процесса Тони Блэр может сделать одно — сказать правду о том, что действительно мешает мирному процессу. Это было бы историческим вкладом в укрепление еврейского государства, поскольку единственная надежда Израиля на реальную, долговременную безопасность — это соседство с успешным палестинским государством.

Конфликты в Грузии: как быть дальше?

Дитер Боден

По прошествии более чем 15 лет конфликты на Кавказе всё еще не разрешились и на мировой политической карте этот регион остается очагом кризисов. Смирились ли мы с таким положением дел? Можно ли предвидеть развитие событий, способное расшевелить тупиковую ситуацию?

Вследствие многократных неудачных попыток как международных организаций, так и отдельных посредников установить мир, бесспорно, создается эффект привыкания. К тому же внимание мировой общественности сегодня поглощено другими, гораздо более масштабными очагами конфликтов, такими, в частности, как Ирак, Афганистан или Дарфур (провинция в Судане. — Ред.). В сравнении с ними узел кавказских противоречий, замороженных, по крайней мере, в военном отношении, представляется «терпимым» злом.

Тем не менее взрывоопасный потенциал Кавказа, включая относящийся к Российской Федерации Северный Кавказ, сегодня, в эру глобальных угроз, воспринимается острее, чем еще несколько лет назад. Спектр его воздействия широко распространяется не только на непосредственно затронутые регионы, но и на Европу, на Ближний и Средний Восток. Только этим можно объяснить тот факт, что к миротворческим усилиям подключились новые действующие лица, как, например, Европейский союз. Правда, обостренное осознание исходящей из Кавказского региона угрозы пока не привело к существенному прогрессу в деле урегулирования конфликтов.

Дитер Боден — экс-представитель Генерального секретаря ООН по грузино-абхазскому урегулированию, бывший руководитель Миссии ООН по наблюдению в Грузии (*UNOMIG*).

Между тем приближается событие, способное стать прецедентом для дальнейшего развития ситуации на Кавказе: речь идет об определении статуса Косово и вероятном предоставлении этому краю независимости. Наконец, на кавказские конфликты способно повлиять и решение Международного олимпийского комитета (МОК) провести зимние Олимпийские игры 2014 года на спортивных сооружениях в Сочи, некоторые из которых расположены в непосредственной близости от границы с Абхазией/Грузией.

ОТНОШЕНИЕ ГРУЗИИ К ПРОЦЕССУ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Как в настоящее время обстоит дело с урегулированием конфликта в Грузии, центральной стране Южного Кавказа? В целом картина не внушает большого оптимизма. За последние годы практически не наблюдается прогресса и, более того, поставлено под вопрос или даже аннулировано то, что было достигнуто в результате многолетней напряженной работы. Возвращение к конфронтационному мышлению и возобновление военной эскалации в зонах конфликтов нередко выливаются в вооруженные столкновения.

Именно это происходит в Южной Осетии. С лета 2004 года, когда по инициативе Грузии началось обострение военной ситуации, мирный процесс фактически заморожен. Механизмы, созданные для урегулирования конфликта, в особенности Объединенная контрольная комиссия, не в состоянии содержательно продолжать свою деятельность. Разрешение конфликта в значительной мере уступило место управлению конфликтом. В то же время большой ущерб нанесен процессу установления доверия между грузинами и осетинами. Значительный прогресс, достигнутый до 2004-го, по большей части сведен на нет из-за обострения ситуации.

Не лучше положение в Абхазии. И здесь царит застой по меньшей мере со времени событий в Кодорском ущелье в июле – августе 2006 года, которые поставили стороны на грань военной конфронтации. Также застопорена работа механизмов урегулирования конфликтов, прежде всего Совместной консультативной группы. Не наблюдается сдвигов в решении безотлагательных вопросов, касающихся жителей компактно населенного грузинами Гальского района на юге Абхазии.

Почему же не оправдались ожидания? Причины, несомненно, многообразны, и обусловлены они не только региональными, но и глобальными политическими факторами. Очевидно, что в последние го-

ды Кавказ превращается в арену, на которой разыгрываются различные формы мирового политического соперничества. Например, между Россией и США. Обе державы проявляют в Грузии политическую активность, но преследуют различные интересы. Это не может не оказывать негативное воздействие на попытки преодолеть противоречия.

Прежде всего на усилия Тбилиси, который под руководством президента Михаила Саакашвили взял с конца 2003-го бескомпромиссный курс на сближение с Западом, в особенности с Соединенными Штатами. Приоритет внешней политики был отдан вступлению в НАТО. Одновременно дает себя знать изменение грузинской стратегии в отношении обоих внутренних конфликтов. Саакашвили стремится ускорить миротворческий процесс, пытаясь увязать его с официально заявленной целью – вернуть как Абхазию, так и Южную Осетию в состав грузинского государства до окончания своего президентского срока в 2008 году.

Подобную политику не может остановить даже угроза выхода ситуации из-под контроля. Это показал пример Южной Осетии. После провозглашения там с помощью Грузии «альтернативного» правительства, а также вследствие военных операций положение в конфликтной зоне настолько обострилось, что возникла опасность возобновления вооруженной борьбы. Отличительными признаками новой стратегии являются, помимо всего прочего, отказ от совместно определенных механизмов урегулирования конфликта, а также недооценка важности мер по укреплению доверия. Нарастает критика в адрес международных организаций, уже долгое время отвечающих за урегулирование конфликтов, в первую очередь ООН и ОБСЕ.

Роль России в разрешении конфликтов в Грузии по-прежнему трудно переоценить. Едва ли стоит удивляться тому, что особенно в последнее время негативное влияние на происходящее оказывает продолжающееся ухудшение двусторонних отношений с Тбилиси. Москва более чем когда-либо настаивает на сохранении статус-кво и не уступает требованиям как-то изменить форматы урегулирования или механизмы переговоров. Подобный недостаток гибкости делает РФ причастной к ответственности за стагнацию мирного процесса. Неоднозначно воспринимается и двойственная роль России в обоих конфликтах. Она одновременно выступает как посредник, предоставляющий миротворческие силы, и как заинтересованная сторона, из рук которой, по некоторым оценкам, получили гражданство 90 % населения абхазского и югоосетинского регионов, стремящихся к отделению от Грузии. Не случайно критики говорят о «ползучей аннексии».

Совершенно очевидно, что в такой обстановке нелегко приходится организациям, прежде всего ООН и ОБСЕ, которым международное сообщество поручило дело разрешения конфликтов. Эффективность этих структур в принципе зависит от конструктивного взаимодействия как противоборствующих сторон, так и главных внешних политических акторов в регионе. Дефицит его ощущается сегодня как никогда прежде. Ежегодно проводимые Советом Безопасности ООН и Советом министров ОБСЕ дебаты о положении в Грузии отчетливо выявляют существующие принципиальные расхождения интересов. Текст резолюции ООН, подготовка которого до последней минуты вызывает ожесточенные споры, отражает, как правило, наименьший общий знаменатель. Совету министров ОБСЕ с 2005 года не удается выработать совместное заявление по Грузии. В этих условиях миссиям ООН и ОБСЕ труднее, чем когда-либо, оставаться дееспособными и последовательно осуществлять стратегию урегулирования конфликтов.

Последние несколько лет Европейский союз также прилагал усилия к тому, чтобы активно включиться в урегулирование конфликтов на Южном Кавказе. С этой целью в 2003-м учрежден пост специального представителя по Южному Кавказу, напрямую подотчетного Верховному представителю Евросоюза Хавьеру Солане. Пока еще рано давать оценку роли ЕС. Однако в попытках посредничества и он сталкивается с теми же трудностями, что и другие международные организации. По сравнению с ООН и ОБСЕ Европейский союз испытывает дополнительные сложности, поскольку он до сих пор не представлен в ныне существующих форматах переговоров. Выяснилось также, что рассматривать Брюссель как нового партнера в кавказской политической игре России удастся не без внутреннего сопротивления. Кроме того, в рамках общей политической стратегии самого Евросоюза еще не до конца определились пределы его готовности отдавать приоритет Кавказу.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТРУМЕНТОВ

УРЕГУЛИРОВАНИЯ И УЧАСТНИКИ ПРОЦЕССА

В речи на Генеральной Ассамблее ООН 27 сентября 2007 года грузинский президент призвал провести всеобъемлющую проверку процесса урегулирования в Абхазии, чтобы вновь сделать его эффективным. Внутри страны Михаил Саакашвили высказывается еще более откровенно, обличая «бездеятельность» ООН и ОБСЕ в разрешении

конфликтов в Грузии. Он обрушился с публичными нападками на Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, ссылаясь на его, дескать, «аморальные и недостаточные рекомендации».

Отнюдь не соглашаясь со всеми без исключения критическими высказываниями Саакашвили, нельзя, однако, не видеть необходимость более энергичных действий. Возобновление мирного процесса является насущной альтернативой обострению и без того взрывоопасной обстановки на Южном Кавказе, непредсказуемые последствия которой грозят выйти за пределы региона. Трудно отрицать тот факт, что принятая до сих пор форма осуществления процесса урегулирования в целом привела его к неудаче. Причина кроется не только в конфронтационной позиции, исходно занятой и упорно отстаиваемой сторонами конфликта, но, очевидно, и в том, что посредники не всегда проявляли необходимую гибкость и часто меняли стратегии. Следует задаться вопросом: насколько принятые на вооружение инструменты урегулирования в их нынешнем виде отвечают поставленной цели? Какие уроки можно извлечь из упущенных в прошлом возможностей? И, наконец, где искать те реалистические отправные пункты, исходя из которых можно было бы реанимировать застывший процесс урегулирования?

Ответить на поставленные вопросы далеко не просто. В первую очередь представляется уместным тщательно осмыслить суть принципа урегулирования, осуществляемого исключительно мирными средствами. Как конфликтующие стороны, так и посредники неоднократно заявляли о своей приверженности данному принципу как основополагающему. И это не должно быть исключительно риторическим заклинанием. Если воспринимать этот принцип всерьез, то он означает: разрешение конфликтов в Грузии потребует еще больше времени, что необходимы долгосрочная терпеливая политика и совместные действия, отказ от максимализма и провокационных жестов и что основополагающие концепции должны быть согласованы всеми посредниками по мере возможности. Эта цель недостижима, если одна из сторон без договоренности спешит установить сроки разрешения конфликта и тем самым вызывает у общественности неоправданные ожидания.

Второй принцип, который до сих пор признается бесспорным (по крайней мере всеми посредниками), — это сохранение территориальной целостности Грузии. Он присутствует во всех резолюциях ООН, так же как и в заявлениях ОБСЕ и других междуна-

родных организаций. И Россия, выразившая в середине 2006-го сомнение в применимости этого принципа, твердо его придерживается, хотя открытым остается вопрос, как на эту позицию повлияет возможное признание независимости Косово.

Попытки активизировать мирный процесс в Грузии должны основываться на обоих этих принципах. Начиная с середины 1990-х годов и по сегодняшний день разработано множество проектов, касающихся решения проблем Южной Осетии и Абхазии. Чего всегда не хватало, так это воли всех участников реализовать проекты, а также последовательности и широты политического видения, чтобы придерживаться достигнутых договоренностей. Тщательно проработанные пакеты предложений не раз «расшнуровывались», а их содержание потом до неузнаваемости выхолащивалось.

Так, документ «Разделение компетенций между Сухуми и Тбилиси», согласованный в конце 2001-го ООН и «Группой друзей Генерального секретаря ООН», означал в свое время настоящий прорыв. Впервые всем основным посредникам, включая Россию, удалось прийти к согласию относительно основы для решения ключевого вопроса — о статусе. Впоследствии, однако, не хватило настойчивости преодолеть колебания Сухуми, чтобы сделать этот документ ядром дальнейших переговоров. Он, несомненно, актуален и по сей день — именно потому, что в вопросе о статусе там определяются только рамки, которые оставляют за конфликтующими сторонами право на практические договоренности.

Выдвигая новые инициативы, следует учитывать один важный содержательный момент. Вопросы статуса и другие открытые аспекты отношений между Грузией и стремящимися к отделению от нее регионами (в том числе возвращение внутренних беженцев, восстановление экономики, вопросы компенсации ущерба) должны решаться параллельно. 15-летняя история обоих конфликтов свидетельствует о том, что нарушение этой взаимозависимости всегда ведет в тупик. Рассмотрение проблем в едином контексте может придать динамику процессу урегулирования, а «разные скорости» при реализации договоренностей, как показывает опыт, лишь тормозят процесс.

При возобновлении диалога особое значение следует придавать мерам укрепления доверия. Любое политическое урегулирование будет изначально хрупким, если оно не опирается на минимум доверия между абхазами и осетинами, с одной стороны, и грузинами — с другой. Заклинания о мнимой межэтнической гармонии былых

времен недостаточны, поскольку пропасть недоверия и вражды возникла уже в результате сепаратистских войн начала 1990-х. Чтобы преодолеть ее, потребуются интенсивные усилия и многочисленные контакты между людьми. Опыт солидной подготовительной работы накапливается уже давно. Содержательные предложения внесли грузино-абхазские конференции по укреплению доверия, которые трижды проводились с 1999 года (в последний раз в марте 2001-го в Ялте), а также соответствующий каталог, представленный в нынешнем году Европейским союзом. Однако на практике в этой области уже несколько лет отсутствуют какие-либо сдвиги. Призыв со всей серьезностью взяться за данный комплекс вопросов и скорее проявить инициативу обращен главным образом к грузинской стороне.

Что касается модификации форматов переговоров и механизмов урегулирования конфликтов, то здесь следует действовать осторожно. Было бы ошибкой превращать этот совершенно обоснованный вопрос в условие возобновления диалога. В последнее время даже самые стойкие защитники статус-кво должны были понять, что изменения в интересах дела неизбежны. Например, в том, что касается миротворческих сил. Так, нынешний режим, который отводит России преобладающую роль в Абхазии и Южной Осетии, создавался в тот период, когда политическая дееспособность Грузии еще не была реально восстановлена. Такой подход не представляется сбалансированным и поэтому должен быть пересмотрен как можно скорее.

Сошлемся здесь на правило, которое применяется ООН во избежание столкновения интересов. Оно гласит, что при формировании миротворческих сил не должен привлекаться личный состав из непосредственно граничащих стран. К сожалению, данное правило не было применено к абхазскому конфликту и отрицательные последствия этого поныне сказываются на процессе урегулирования. Участие России в миротворческих силах в Грузии не должно полностью исключаться, однако следовало бы выработать формулу, гарантирующую необходимое равновесие между группами миротворцев из разных стран.

Уместны были бы и новые соображения относительно форматов переговоров. Имеющиеся модели существуют уже довольно долго и поэтому не могут в полной мере учитывать сегодняшние требования. Так, есть много аргументов в пользу того, чтобы включить, наконец, Евросоюз в переговорный процесс как полноправного партнера. Политический и экономический вес, приобретенный ЕС во всем регионе Южного Кавказа, делает такой шаг полностью оправданным. Ев-

ропейский союз, только за последние 10 лет предоставивший трем кавказским государствам поддержку, превышающую 1 млрд евро (львиную долю получила Грузия), является важнейшим источником экономической помощи для региона. С введением в действие программы, принятой в 2004-м в рамках Новой политики соседства, эта помощь в ближайшее время значительно возрастет. Вступление Румынии и Болгарии в Евросоюз обеспечило ему непосредственный выход к Черному морю, тем самым организация и в пространственном отношении вплотную приблизилась к Кавказу. Учитывая это, все участники процесса урегулирования заинтересованы в том, чтобы ЕС занял в нем подобающее место.

Успешное возобновление переговорного процесса в значительной мере зависит опять-таки от России. Правда, если принять во внимание современное состояние отношений между Москвой и Тбилиси, то перспективы не особенно благоприятны. Преобладают эмоционально окрашенная публичная полемика, угрожающие жесты, политические интриги, давление с использованием экономических средств и дискриминационных мер в адрес по-прежнему многочисленной грузинской диаспоры в России.

Пора срочно преодолеть существующий кризис. Обе стороны должны быть непосредственно в этом заинтересованы. Грузии нужны нормальные добрососедские отношения с Россией, с которой ее исторически все еще многое связывает. При этом теперь, в отличие от периода десятилетней давности, Тбилиси может уверенно опираться на новых партнеров в Европейском союзе и Северной Америке.

Что касается Москвы, то ее средне- и долгосрочные интересы совершенно очевидно требуют стабильности на Южном Кавказе. С ними едва ли совместимы неразрешенные конфликты непосредственно за Кавказским хребтом, которые могут в любой момент выплеснуться на довольно нестабильный российский Северный Кавказ. Отсюда и необходимость справедливого согласования интересов обеих сторон: законные интересы безопасности России в регионе (которые, однако, не следует путать с правом вмешательства во внутренние дела соседа) должны учитываться в той же мере, в какой и законное право Грузии на обеспечение своей территориальной целостности.

Сторонам, безусловно, следовало бы настроиться на эту линию действий; слишком уж эмоциональна и неустойчива нынешняя политика двусторонних отношений.

Правда, уже сегодня можно предвидеть трудности в установлении подобного мирного баланса интересов. Процесс рискует осложниться в результате целого ряда событий, внесенных в политический календарь на ближайшее время. О Косово здесь уже говорилось. В России — избирательный сезон. Грузия ожидает, что на предстоящем в апреле 2008 года в Бухаресте саммите НАТО будет дан зеленый свет ее настойчивому стремлению подключиться к Плану действий касательно членства (*Membership Action Plan*). Тем самым страна могла бы сделать решающий шаг на пути к вступлению в данную организацию.

Эту дату тоже необходимо иметь в виду, хотя она может способствовать и смягчению напряженности: обострение конфликтов усиливало бы аргументы тех участников Североатлантического альянса, которые в настоящее время скептически относятся к членству Тбилиси.

МОЖНО ЛИ СРАВНИВАТЬ КОСОВО И КАВКАЗ?

В последние месяцы вновь и вновь обсуждались возможные последствия признания независимости Косово для мирного процесса в Грузии. Конечно, сравнение между Косово и Кавказом во многих отношениях неуместно: слишком разнородны причины, история возникновения, ход и механизмы урегулирования конфликтов. И тем не менее надо остерегаться упрощенной схемы рассуждений. В тех случаях, когда происходит отделение части территории государства, аналогия возникает в силу основополагающего принципа международного права — принципа территориальной целостности.

По сути, предметом дискуссии становится выбор между двумя принципами — территориальной целостности и права на самоопределение. Чтобы самоопределиться в условиях внутригосударственного конфликта, столь ли необходимо провозглашение суверенитета, или же достаточно обеспечить соответствующие права автономии? В данном случае международное право воздерживается от определения приоритетов, но вместе с тем не исключает ни одного из предложенных вариантов.

Исходя из практики последних лет, можно указать на различные компромиссы, особенно в процессе урегулирования конфликтов в бывшей Югославии. Там, как показывает пример Боснии и Герцеговины, новые государства образовывались не только по принципу национальной однородности.

Во всяком случае, приходится констатировать, что решение в пользу независимости Косово еще больше ослабит принцип территориальной целостности. Тем более что невозможно предвидеть во всех нюансах, как именно это событие воздействует на другие регионы, где также имеют место внутригосударственные конфликты. Но правомерно ли отказывать абхазам в том, что, возможно, получат косовары? Решение в конечном счете зависит от политики, которая должна учитывать последствия, способные выйти за рамки одного конкретного случая. Это означает также необходимость не ограничиваться одной Грузией, а принимать во внимание весь Кавказ. Обретение краем Косово независимости наверняка отразилось бы на ситуации в Нагорном Карабахе, а также на Северном Кавказе, включив в повестку дня и Чечню. В результате Россия оказывается перед дилеммой, суть которой не требует дополнительных разъяснений.

Наконец, в начале июля 2007 года мировая общественность в очередной раз получила возможность вспомнить об абхазском конфликте, когда МОК принял решение провести зимние Олимпийские игры-2014 в Сочи. Олимпийские горнолыжные трассы пролегают всего в нескольких километрах от границы с конфликтным абхазским регионом. Первая реакция на решение МОК была вполне дружелюбной. Даже Михаил Саакашвили увидел в нем шанс ускорить процесс урегулирования, поскольку Россия не заинтересована в том, чтобы проводить Олимпиаду в непосредственной близости к очагу открытого конфликта. Однако очень скоро благодушие уступило место озабоченности. Председатель парламента Грузии Нино Бурджанадзе выразила опасение, что Москва использует это событие в целях углубления экономической и политической интеграции сепаратистской Абхазии с Российской Федерацией.

В данном случае также действует правило, согласно которому продвижение к мирному урегулированию происходит не автоматически, а лишь тогда, когда главные действующие лица проявляют политическую волю. Хотелось бы верить пресс-секретарю Владимира Путина, который в интервью 12 июля заявил, что абхазский конфликт не создаст проблем для Сочи, поскольку к тому времени он уже разрешится. Остается добавить: будем надеяться, что это произойдет не в одностороннем порядке, а при согласии всех заинтересованных сторон.

Зачем Чешской Республике ПРО?

Почему Прага видит в ней решение проблем

Томаш Пойар

Система международной безопасности образца 2008 года принципиально отличается от той, что существовала в недалеком прошлом (1948–1990). Арсенал стратегического мышления эпохи холодной войны устарел и обнаруживает свою бесполезность. Былое стратегическое равновесие между США и СССР, построенное на концепции «гарантированного взаимного уничтожения» (*mutually assured destruction, MAD*), оказалось не в состоянии предотвратить появление ракетно-ядерных угроз со стороны государств Восточной Азии или Ближнего Востока. Устрашение как составная часть концепции *MAD* перестало быть действенным в изменившейся обстановке.

МИР СТАЛ ДРУГИМ

Мир сегодня — более динамичный и комплексный, а риски — более многообразны, чем прежде. Нет времени на затяжные дипломатические игры, невозможно, как раньше, тратить годы и десятилетия на подготовку соглашений в области безопасности. Ни на минуту не покладают рук, «трудятся» те, кто вынашивает планы нападения с применением баллистических ракет и оружия массового уничтожения (ОМУ). Способность к обороне требует действия. Необходимо проявить волю и защитить наши страны, жизни и ценности.

- Мир стал другим — следовательно, и в основу стратегического мышления должны быть положены иные принципы.

Томаш Пойар — первый заместитель министра иностранных дел Чешской Республики, глава делегации на переговорах по размещению элементов системы ПРО США в Чехии.

- Режимы нераспространения дают лишь ограниченный эффект — тиражирование ОМУ и ракетных технологий (РТ) происходит в недопустимых масштабах.

- Угроза часто исходит не от государств, а от негосударственных сил.

- Исчезли признаки, ясно указывающие, где враг, обстановка в сфере безопасности все менее предсказуема.

- Есть страны, которые открыто декларируют стремление обладать ОМУ (в том числе и ядерным) и предпринимают конкретные шаги. Одновременно они заявляют о намерении применить оружие против конкретных государств в целях их уничтожения. Эти страны активно взаимодействуют между собой.

- Те, кто стремится обладать ОМУ и РТ, не скрывают своего враждебного отношения к образу жизни и ценностям, разделяемым народами евро-атлантического пространства.

- Качественно новым элементом стало сочетание воинственных идеологий с готовностью жертвовать жизнью ради совершения теракта. Группировки, для которых это характерно, стремятся приобрести ОМУ и средства его доставки, не обращая внимания на имеющийся у нас потенциал устрашения.

- Теракты с целью шантажа приобретают стратегическое значение, но против них бессмысленно применять традиционную стратегию холодной войны.

- Разворачивается «частный» рынок компонентов ОМУ и его технологических ноу-хау.

- Некоторые страны, обладающие ОМУ и РТ, политически нестабильны.

- Культура безопасности и качество охраны ракет-носителей ОМУ в государствах, не входящих в официально признанный клуб их обладателей, намного ниже, чем, например, в Российской Федерации либо в Соединенных Штатах.

НУЖНА НОВАЯ СТРАТЕГИЯ

Изменившийся мир требует новых подходов. Утратил силу аргумент периода холодной войны, согласно которому противоракетная оборона (ПРО) якобы нарушает стратегическую стабильность. В тогдашнем контексте Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) логически укладывался в концепцию гарантированного взаимоуничтожения. Сегодня в ней нет нужды.

Поэтому отпадает повод ограничивать потенциал ПРО, который, напротив, позволяет повысить способность реагировать на актуальные угрозы и комплексно подойти к выработке новой точки зрения.

В период холодной войны стратегия НАТО (Запада в целом) развивалась от концепции «полномасштабного ответного удара» (*Massive Retaliation*) к идее «гибкого реагирования» (*Flexible Response*). То есть от готовности отразить любое нападение с коммунистического Востока путем применения полномасштабного ядерного удара к возможности ответа, не непременно симметричного и не обязательно с применением стратегических ядерных вооружений.

Одновременно в духе политики разрядки, начавшейся на рубеже 60–70-х годов прошлого века, в деятельности Североатлантического альянса появилось новое измерение. Несмотря на продолжавшееся стратегическое соперничество в рамках доктрины «гарантированного взаимного уничтожения», был взят курс на строительство более стабильных взаимоотношений с использованием политических средств. После окончания холодной войны этот подход получил дальнейшее развитие в налаживании партнерства и сотрудничества — прежде всего с Россией.

Стратегическая конкуренция прекратилась, но идеологический и военный багаж холодной войны сохранялся по инерции. События 11 сентября 2001-го (и в определенной степени трагедия в Беслане) стали ярким доказательством того, что старый арсенал окончательно утратил свою значимость. Потенциал устрашения продемонстрировал полную непригодность в условиях противостояния фанатикам-террористам и смертникам. Он бесполезен и с точки зрения «возмездия» инициаторам теракта.

Мероприятия по укреплению ПРО, проводимые под руководством США, в том числе предложение по созданию европейского «пилона» этой системы, призваны поставить заслон на пути ближневосточных ракет — немногочисленных и не очень продвинутых в технологическом отношении. Речь идет о введении в действие нового элемента обороны, который позволит отреагировать в случае нападения, рассчитанного на шантаж. Это даст выигрыш во времени, необходимый для принятия продуманного решения о дальнейших действиях. Появится возможность воздержаться от немедленного применения наступательного стратегического вооружения.

ПРО — адекватное средство противодействия реальным угрозам безопасности. Эта система предусматривает более гибкий спектр от-

ветных действий. Так, расширяются возможности ответа на угрозу конкретного вида оружия, но не какой-то определенной страны.

Еще десять лет назад создать ПРО было сложно как с технологической, так и с материальной точки зрения, сегодня же такой проблемы нет. Возможность пользоваться эффективной системой обороны, тем более что старые арсеналы и концепции уже не действуют, не дает Чешской Республике ни малейшего повода для колебаний в вопросах создания ПРО.

УГРОЗЫ, ВЫХОДЯЩИЕ ЗА РАМКИ СХЕМ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Не все опасности прошлых времен ушли в небытие, однако НАТО, несомненно, перестала представлять угрозу государству, столицей которого является Москва.

Существует Совет Россия – НАТО (СРН) с двумя десятками рабочих групп. На уровне Россия – НАТО, а также на двухсторонней основе между РФ и отдельными государствами – членами Североатлантического договора реализуются многочисленные проекты сотрудничества, постоянно проводятся консультации, осуществляется обмен информацией. Помимо прочего в рамках СРН состоялись три командно-штабных учения по противоракетной обороне театра военных действий. В штаб-квартире НАТО в Брюсселе практически ежедневно ведутся переговоры на самых различных уровнях и по самым разным вопросам безопасности, в том числе и по проблемам двухстороннего сотрудничества. В течение 2007 года в связи с переговорами по проекту ПРО чешские делегации посещали Москву чаще, чем Вашингтон, начиная с визита президента Чешской Республики и кончая проведением дипломатических консультаций на уровне экспертов.

Если и это звучит неубедительно, то не столь сложно проверить тот факт, что при строительстве своих вооруженных сил НАТО не исходит из существования российской угрозы и поддерживает собственный военный потенциал значительно ниже уровня 1990-го. Удостовериться в этом может каждый.

НАТО не несет угрозы для России, потому что Россия не несет угрозы для НАТО. Североатлантический альянс – это организация, преследующая цели коллективной обороны и основанная на принципе отражения угроз, а не на принципе нападения. У Чешской Республики нет необходимости намеренно создавать виртуальную угрозу со

стороны России, которая дала бы повод предпринять какие-либо политические или военные шаги. Да Прага и не собирается это делать. Основываясь на собственном анализе существующего положения, мы, однако, глубоко убеждены, что новые угрозы (а сейчас это прежде всего намерения Ирана) касаются Чехии в такой же степени, как России, США, государств – членов НАТО, других партнеров и друзей.

В основе наших умозаключений лежит анализ обстановки в сфере безопасности, базирующийся на двух основных параметрах: во-первых, намерения (*intentions*), во-вторых, способность их осуществить (*capabilities*). Оценивая угрозы, мы не исходим из узкой предпосылки, будто это сейчас и непосредственно касается Чешской Республики. Но мы входим в сообщество стран, разделяющих определенные ценности, и с полной ответственностью относимся к своим союзническим обязательствам. Чешские воинские контингенты участвуют в международных операциях, например, в Афганистане. Мы занимаем бескомпромиссные позиции в том, что касается террористов, фундаменталистов и диктаторов, отрицаем индивидуалистический и изоляционистский подходы к оценке угроз. И внимательно следим за стремлением Ирана обзавестись баллистическими ракетами, не только способными достичь территории нашей страны, но и представляющими угрозу для большей части российской территории.

Перспектива того, что непредсказуемые авторитарные режимы используют баллистические ракеты против Чешской Республики, Европы либо евро-атлантической зоны, – проблема не новая. Проект ПРО, осуществляемый под руководством Соединенных Штатов, и в частности предложение создать европейский «пилон», – реакция на данную угрозу. Она уже много лет фигурирует в общедоступных концептуальных документах. В Стратегической концепции НАТО (1999) и Стратегии безопасности Чешской Республики (2003) распространение РТ и ОМУ рассматривается в качестве одной из главных угроз безопасности на сегодняшний день:

Стратегическая концепция НАТО

Статья 22. Распространение химического, биологического и ядерного (ХБЯ) оружия и средств его доставки остается предметом серьезной озабоченности. (...) Североатлантический союз исходит из понимания того, что, несмотря на усилия по предотвращению, распространение ХБЯ оружия может иметь место и что это может представлять прямую военную угрозу населению, территории и вооруженным силам государств-союзников.

Статья 56. Построение обороны Североатлантического союза для противодействия факторам риска и угрозе распространения ХБЯ оружия и средств его доставки должно продолжать совершенствоваться, в том числе за счет совершенствования систем противоракетной обороны...

Стратегия безопасности ЧР

Статья 15. Стратегическими интересами Чешской Республики являются, в частности: (...) уменьшение риска нападения на территорию Чешской Республики с использованием оружия массового уничтожения — путем применения ракет или других средств...

Статья 30. Чешская Республика оказалась перед необходимостью искать способ обеспечения своей безопасности в случае угрозы оружием массового уничтожения или обычным оружием при использовании их различных носителей.

Статья 43. С учетом того, что распространение оружия массового уничтожения и ракетных технологий продолжается и некоторые страны отказываются соблюдать важные международные обязательства, правительство будет создавать условия для присоединения к проектам или системам, способным обеспечить защиту территории Чешской Республики.

Наша убежденность в реальности угрозы распространения баллистических ракетных технологий и возможного нападения на евроатлантическую зону находит подтверждение и в российских стратегических документах.

Концепция национальной безопасности РФ (2000)

Глава III. Угрозы национальной безопасности РФ: ...Основные угрозы в международной сфере обусловлены следующими факторами: (...) распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки.

Военная доктрина РФ (2000)

2. Военно-политическая обстановка определяется следующими основными факторами: снижение опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной; формирование и укрепление региональных центров силы; усиление национального, этнического и религиозного экстремизма; активизация сепаратизма; распространение локальных войн и вооруженных конфликтов; усиление региональной гонки вооружений; распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки...

3. Дестабилизирующее воздействие на военно-политическую обстановку оказывают: ...нарушение отдельными государствами международных договоров и соглашений в области ограничения вооружений и разоружения; ...деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских, террористических движений, организаций и структур; расширение масштабов организованной преступности, терроризма, незаконного оборота оружия и наркотиков, транснациональный характер этой деятельности.

РЕАЛЬНОСТЬ – ФАКТЫ

Приведенная оценка угроз исходит из нижеследующих неоспоримых фактов.

Распространение баллистических ракетных технологий нарастает почти в геометрической прогрессии. Каждый раз, когда их осваивает новая страна, увеличивается вероятность дальнейшего распространения. Этому способствует и удешевление технологий. В 1972 году, на момент заключения Договора по ПРО, боеспособными баллистическими ракетами обладали только два государства, не входившие в НАТО и Варшавский договор, – Китай и Израиль. В 1985-м число таких стран возросло до десяти, а теперь их десятки. Подобные темпы распространения технологий вызывают озабоченность. Появление среди новых членов «клуба обладателей» нестабильных и/или авторитарных государств локального либо регионального значения, выделяющихся своей экстремистской идеологией, а также агрессивной и непредсказуемой внешней политикой, – это лишь вопрос времени. Способность таких режимов одновременно заполучить в свои руки оба военных потенциала – баллистические ракеты и ОМУ – и составляет суть той угрозы, которой Чехия готова противостоять. К странам особого риска сегодня относятся Иран и Корейская Народно-Демократическая Республика. Иран уже располагает возможностью поразить ракетами периферию Европы, а КНДР – приграничные районы США.

Ряд государств Северной Африки и Азии также способны освоить подобного рода возможности. Некоторые из них не застрахованы от радикальных политических изменений: власть окажется в руках групп или лиц, готовых воспользоваться ракетным арсеналом в целях шантажа стран евро-атлантической зоны.

В результате распространения рискованных технологий и с учетом их финансовой доступности появилась и нарастает новая угроза, связанная с вероятностью попадания их в руки автономных тер-

рористических группировок (прежде всего экстремистов исламистского толка). Технологии могут быть захвачены сквозь бреши в системе, обеспечивающей безопасность военных программ развитых стран. Утечка иногда случается даже с ведома государств, преследующих таким образом свои стратегические интересы, но теряющих контроль над последствиями распространения. Примером может служить вооружение иранскими баллистическими ракетами группировки «Хезболла». И хотя речь идет о ракетах малого радиуса действия, конфликт на израильско-ливанской границе в 2006 году наглядно продемонстрировал, к чему это привело.

ЧЕШСКИЙ ПОДХОД

По убеждению Чешской Республики, коллективная оборона, построенная на принципе «союзники помогают друг другу», — единственный и жизнеспособный подход. Поэтому наша страна добровольно вошла в состав Североатлантического альянса и положительно отреагировала на предложение США развернуть на территории Чехии радиолокационную станцию (РЛС). Предложение участвовать в проекте ПРО мы не только оцениваем как возможность самостоятельно защитить свою территорию, но и осознаём также союзнически-оборонное, геополитическое, моральное и национальное (внешнеполитическое) значение этого шага.

Мы подчеркиваем, что данный проект призван внести вклад в дело обороны всех союзников по НАТО, не исключая и другие страны, если они того захотят. Включение ПРО в оборонную архитектуру Организации Североатлантического договора означает гарантии всем европейским союзникам. Это повысит обороноспособность НАТО, готовой развивать партнерство и сотрудничество с РФ в масштабах, обусловленных желанием самой России. Экспертам хорошо известно, что для эффективности ПРО на ближневосточном направлении нужен не только «ведущий» радиолокатор (для ракет-перехватчиков) в Центральной Европе, но и так называемая вынесенная (*forward based*) РЛС раннего предупреждения (*early-warning*) в окрестностях Каспийского моря. В этом смысле присоединение России к нашим усилиям явилось бы весьма полезным: потенциал российской РЛС в азербайджанской Габале оказался бы достойным вкладом в укрепление данной системы.

Чехия уверена, что проект ПРО может сыграть и важную геополитическую роль. Создание европейского «пилона» не только послужит налаживанию трансатлантических связей, но и засвидетельству-

ет неразрывность системы евро-атлантической безопасности и укрепит сотрудничество союзников. Не в последнюю очередь это продемонстрирует принадлежность Чехии и Центрально-Европейского региона в целом к евро-атлантическому пространству. Чешская Республика, безусловно, не хотела бы стать «некоей» территорией между Россией и Германией или зоной с преобладающим влиянием одной державы. Мы хотим остаться страной, безопасность которой гарантирована в соответствии с ее свободным выбором и прочно закреплена многосторонними обязательствами и взаимодействием культурных и экономических влияний других государств.

Не менее важен моральный аспект готовности Чехии положительно отреагировать на пожелание Соединенных Штатов установить РЛС на чешской территории. После Первой мировой войны, в 1918-м, США способствовали образованию чехословацкого государства и в целом приложили усилия к завершению европейской бойни. Соединенные Штаты содействовали возрождению Чехословакии также и после Второй мировой войны, разгромив совместно с Красной армией нацистскую Германию. Период непосредственно после войны закончился для чехов неблагоприятно. В 1947 году нам пришлось уступить политическому натиску Советского Союза и отказаться от предлагавшейся экономической помощи США – так называемого плана Маршалла. В 1948-м с помощью Советского Союза был осуществлен коммунистический путч. Тот же СССР оккупировал Чехословакию в 1968 году, а Вашингтон оказывал поддержку демократическим оппозиционным силам, способствуя тем самым свержению коммунистического ига. Не в последнюю очередь именно Соединенные Штаты обеспечивают безопасность Чехии в рамках НАТО. Поэтому мы считаем своей моральной обязанностью содействовать по мере сил обороне США и союзников.

С точки зрения Чешской Республики, присоединение к ПРО важно для нашей нации. Прага готова взять на себя ответственность за свою судьбу и судьбу союзников. Уже теперь Чехия вносит сильный вклад в дело сохранения и продвижения мира: наши солдаты служат на Балканах, в Афганистане, в Ираке и в других «горячих точках» планеты. Благодаря участию в проекте ПРО, Чешская Республика станет страной, готовой защищать независимость и свободу на деле, а не на словах, даже если ей придется отказаться от части комфорта, возможного в ситуации, когда Чехия отсиживалась бы за спиной более активных государств.

Не столкновение, а партнерство

Тимур Тимофеев

Журнал «Россия в глобальной политике» не раз обращался к теме взаимодействия цивилизаций, представляя различные взгляды на этот сложный вопрос. Данную тему затрагивает в своей статье и профессор Александр Янов, много лет проработавший в Нью-Йоркском университете («Сколько на Земле цивилизаций?» // «Россия в глобальной политике», № 5, 2006).

Автор атакует основные положения классической историософии и призывает покончить с «мутным (!) мультицивилизационным» подходом. Фактически профессор Янов утверждает, что никакого многообразия цивилизаций нет. Мол, существует лишь одна цивилизация — европейская, уходящая корнями в античность и представляющая собой развитие в направлении политической модернизации. Все же остальное — различные проявления варварства, а попытки придать им цивилизационную форму — не более чем изобретения властей, дабы оправдать собственный произвол.

Подобная «суженная» трактовка цивилизационных процессов характерна не только для Александра Янова. Тем же грешат и другие противники признания особых интересов славянских, евразийских и любых других народов, приверженцы идей «гуманитарной интервенции» и пр. Свои заключения они основывают на собственных политических пристрастиях и геополитических предпочтениях. В результате законным провозглашается не только вмешательство Запада в дела, например, арабских государств, но и, по сути, любая война, если она ведется «во имя цивилизации». В этом, собственно, и состоял смысл «момента однополярности», провозглашенного американскими идеологами в начале 1990-х. Результаты политики, проводившейся с тех времен, в комментариях не нуждаются.

Сегодня подавляющее большинство исследователей признают *многосолидность* меняющегося мира, *многообразие* цивилизаций и субцивилизаций. Однако, когда речь заходит о

Т.Т. Тимофеев — член-корреспондент Российской академии наук.

критериях их классификации, начнутся разногласия. Действительно научный подход требует *многомерности* в ретроспективной и перспективной оценке всемирно-исторических процессов.

На каком основании оспаривается право некоторых общностей (скажем, персидской и славянской, как это делает Янов) называться цивилизациями? Автор предлагает при классификации цивилизаций ввести, кроме общеизвестных (социокультурных и иных) критериев, еще некие дополнительные тесты, ссылаясь либо на уровень демократичности, либо на степень деспотичности политических систем и режимов.

Похоже, такие предложения далеко не случайны в разгар ведущейся за океаном новой неистовой антииранской кампании... Но научно обосновать это едва ли возможно. Разве, скажем, антиперсидские критические стрелы в состоянии зачеркнуть общеизвестные вековые достижения иранской культуры и цивилизации?

Разве в наши дни вооруженные операции США в Ираке могут служить оправданием для бомбовых ударов по памятникам и музеям на земле древней месопотамской цивилизации? В таком контексте рассуждения о «степени цивилизованности» того или иного общества звучат, по меньшей мере, странно.

А Китай? Сколько острокритических речей было произнесено в тех же Соединенных Штатах по поводу со-

бытий, произошедших в 1989 году на пекинской площади Тяньаньмэнь, и вообще о реакции руководства КНР на действия оппозиции. Тем не менее огромные успехи Китая в важнейших сферах социально-политической и экономической жизни, достигнутые за последние годы, общепризнаны. Невозможно отрицать факт разностороннего подъема китайской цивилизации. Например, патриарх современной американской цивилиграфии Уильям Макнил теперь, спустя три десятилетия после первого издания его обобщающего труда по вопросам цивилизационной истории, самокритично признаёт, что недооценивал историческую роль и потенциал китайской цивилизации.

Ныне, наряду с весьма странными ультраполитизированными подходами, из уст более дальновидных политологов и политиков можно услышать и более трезвые суждения, призывающие к спокойному, конструктивному анализу разногласий между государствами с неодинаковым политическим устройством, принадлежащими к разным локальным цивилизациям.

Размышляя на эти темы, следует принимать во внимание и разные подходы к тем или иным аспектам идентичности. Ведь достаточно отчетливое осознание собственной (например, российской) *идентичности* помогает лучше воспринимать особенности других национально-этнических и цивилизационных отношений.

Кроме того, нельзя не видеть многомерный, разноуровневый характер таких проблем. Проявляться могут не одна, а сразу *несколько идентичностей*: национальная, региональная, локальная, глобальная. Нередко они дополняют друг друга, а иногда и находятся в противоречии.

Можно согласиться с идеей, выдвинутой участниками международной конференции по вопросам изучения мировых цивилизаций (Гонконг, апрель 2007 г.). Людям надо объяснять, отмечалось на этой конференции, что в одно и то же время они могут иметь несколько идентичностей и не обязаны делать выбор между ними. Ощущать себя «и гражданами глобального мира, и гражданами своей страны, но также и своего города либо своей деревни, членами своей семьи, как и участниками, активистами ряда гражданских движений и социальных образований — сетей. Они живут и будут жить в многоуровневом мире».

Такие соображения тем более интересны (в том числе в методологическом отношении), что они способны внести вклад и в многолетнюю интенсивную дискуссию о соотношении, скажем, *национальных* (региональных) и *глобальных* аспектов развития как отдельных социумов, так и всего мирового сообщества.

Зачастую выявляется ряд узлов полемики и противоречий. Прежде всего нужно учитывать неодинаковое миропонимание и восприятие в

странах Востока и Запада тех или иных исторических теорий, их постулатов и выводов. Ссылаясь на возросшую в XX–XXI веках роль глобальных процессов, некоторые международники (историки, экономисты, философы) стали говорить о формировании некоего единого «мегаобщества». В нем, мол, преодолеваются экономические, социально-политические и идеологические противоречия, оно объединяется общими ценностями. Ему-де чужды стремления стран к сохранению реального суверенитета и верности принципам равенства, справедливости. С подобным утверждением, однако, трудно согласиться.

Необходимо глубже вникнуть и в истоки самой межцивилизационности, в своеобразие форм проявления в разные периоды эволюции мировой экономики, политики, культуры. Корни этой проблемы лежат, помимо всего прочего, в неоднородности мирохозяйственных структур, неравномерности развития разных стран и цивилизационных общностей. Особенно отчетливо это проявилось со времен господства колониальных империй, что вело к экономическому отставанию и зависимости многих стран и народов на «периферии» капиталистического мира.

Поэтому и сегодня многие исследователи Третьего мира склонны трактовать перипетии межцивилизационных конфликтов скорее как проявление глобального антагонизма

и противостояния между странами Юга и Севера. Эта идея проходит красной нитью в публикациях философа и экономиста Самира Амина, редактора известной парижской газеты *Le Mond diplomatique* Игнасио Рамоне (в частности, в его комментариях в недавно изданном международном «Атласе»), а также в других работах.

При этом отмечаются не только определенные сходные черты, но и различия, скажем, между более ранними проблемами евроцентризма (в частности, в виде британской, голландской, испанской, португальской имперскими формами колониальных завоеваний) и более поздними американскими методами внешнеэкономической экспансии, сопровождавшимися гегемонистской политикой. На это справедливо указывают многие авторы, принадлежащие к разным течениям и оттенкам общественной мысли.

Серьезные последствия имеют новые явления в международной политике и экономике, которые связаны с мирным возвышением Китая, Индии, как и России, Бразилии, ЮАР, других стран, с возрастанием в XXI столетии их роли в мировых делах.

Сама констатация факта многообразия цивилизаций нисколько не ослабляет, а, наоборот, с новой силой подчеркивает необходимость активных и целеустремленных поисков форм и путей расширения их диалога, достижения большего взаимопо-

нимания и эффективного мирного сотрудничества между ними. Еще до 11 сентября 2001 года стало заметно, что общественная мысль многих стран уделяет серьезное внимание концептуальным основам перспективного развития межцивилизационных отношений (как, впрочем, и вопросам урегулирования внутрицивилизационных противоречий и конфликтов).

Такая тенденция проявилась в работах ряда незападных идеологов и мусульманских деятелей. Значительный отклик вызвала в свое время позиция известного реформатора, мусульманского лидера, бывшего президента Ирана Сейеда Мохаммеда Хатами. Выступая в 1998-м на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, он призвал перейти от конфронтации и враждебности в межгосударственных отношениях к «диалогу цивилизаций». Этот призыв получил поддержку Генеральной Ассамблеи.

Многие видные государственные деятели, представители международных организаций, а также общественных, научных, университетских кругов, в том числе принявшие участие в посвященной «миллениуму» (тысячиелетию) конференции ООН на высшем уровне (2000), неоднократно выступали за приумножение усилий для обогащения практического опыта по расширению диалога между цивилизациями.

При этом важно уделять главное

внимание не «разъединяющим», а объединяющим концепциям. Большую роль в данном отношении может сыграть и та серьезная интенсивная работа, которая стала разворачиваться вокруг широкой международной программы «Альянс цивилизаций». Она была инициирована сначала правительствами Турции и Испании, а затем активно поддержана Организацией Объединенных Наций.

По решению ООН ее руководством была создана так называемая «Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам». Ее сопредседателями стали государственный министр Турции профессор философии Мехмет Айдын и известный международный общественно-политический деятель профессор Федерико Майор (экс-генеральный директор ЮНЕСКО, ныне президент Фонда культуры мира, Испания). Этой группе поручена подготовка для ООН обобщающего документа — аналитического доклада на тему «Альянс цивилизаций» с соответствующими выводами и рекомендациями. Характерно, что в подготовке и обсуждении данного доклада (наряду с авторами из крупнейших мировых держав — Великобритании, Индии, Китая, России, США, Франции) приняли активное участие видные представители афро-азиатских, мусульманских и других государств. Работа над докладом была завершена в ноябре 2006 года. Текст его, размещенный на сайте

www.unaocs.org, приобрел широкую международную известность.

Руководство Организации Объединенных Наций и представители государств исходили и исходят, с одной стороны, из того, что события последних лет «усугубили взаимные подозрения, страх и непонимание между исламским и западным обществами. Эту атмосферу эксплуатируют экстремисты всего мира». С другой стороны, растет убеждение: только всеохватывающая коалиция «способна предотвратить дальнейшее ухудшение отношений между обществами и государствами», которое «могло бы поставить под угрозу международную стабильность». «Альянс цивилизаций» стремится противодействовать этой тенденции, отстаивая линию на взаимоуважение между цивилизациями и культурами.

Формулируя ряд общеполитических рекомендаций, которые призваны помочь преодолению глобальных и других угроз, ООН призывает к установлению партнерских связей, способных продвинуть идею альянса цивилизаций, используя, например, возможности и каналы международных организаций. Намечаются основные области действий и определяются средства, с помощью которых возможно осуществить такие действия. Ключевая роль возлагается на соответствующую позитивную деятельность в таких сферах, как образование, работа с молодежью и с мигрантами, использование СМИ и т. д.

Для реализации рекомендаций намечен ряд практических мер. Среди них созыв форума «Альянс цивилизаций», содействие в создании советов «Альянса цивилизаций» с участием гражданского общества (на национальном, региональном и местном уровнях), учреждение фонда

«Альянса цивилизаций» для поддержки межкультурного сотрудничества и поощрения диалога.

Только так можно добиться желаемой цели и направить цивилизационные процессы не на столкновение, а на интеграцию социумов.

Франция на заре XXI века

Пётр Черкасов

Франция. В поисках новых путей
/ Отв. ред. д. и. н. Ю.И. Рубинский.
— М.: издательство «Весь Мир»,
2007 — 624 сс.

За последнюю четверть века во Франции, как и во всем мире в целом, произошли масштабные перемены, давно ожидавшие серьезного интеллектуального осмысления. И вот перед нами книга о современной Франции, подготовленная авторским коллективом во главе с доктором исторических наук Ю.И. Рубинским — руководителем Центра французских исследований Института Европы РАН, основателем политологической

школы в отечественном франковедении. Его научные заслуги отмечены Французской академией (премия Гизо), а также правительством Франции (высшая — Командорская — степень ордена Академических пальм). В течение 18 лет — с середины 1970-х до середины 1990-х годов — Юрий Рубинский, будучи первым советником посольства СССР, а затем России в Париже, непосредственно наблюдал за переменами, происходившими во Франции на исходе XX столетия.

Другие авторы книги — Т.В. Белик, Ю.В. Дубинин, И.С. Новожёнова, Е.О. Обичкина, А.Л. Семёнов,

П.П. Черкасов — д. и. н., руководитель Центра французских исторических исследований Института всеобщей истории РАН.

С.М. Фёдоров, Г.Н. Черников – тоже далеко не новички в изучении социально-политических и экономических проблем современной Франции. Высокий профессиональный уровень авторского коллектива стал залогом успеха проведенного научного исследования.

Хронологическим рубежом, разделяющим два основных этапа в послевоенной истории Франции, может считаться середина 1970-х. Период между 1945 и 1975 годами во французской политической литературе нередко называют «славным тридцатилетием», когда страна буквально возродилась после потрясений Второй мировой войны, кризиса партийно-парламентской системы Четвертой республики и крайне болезненного процесса деколонизации. Начавшаяся на рубеже 1940–1950-х модернизация ускорила с установлением Пятой республики, когда Франция явила миру одну из лучших моделей социальной рыночной экономики. При активном участии государства в производственном процессе (дирижизм), в административном регулировании трудовых отношений, а также в создании самой передовой по тому времени системы социальной защиты, основанной на перераспределительном принципе, были обеспечены высокие темпы роста ВВП: 4,6 % в 1949–1969 и 6,6 % в 1969–1973 годах (с. 103). Это позволило уже к началу 1970-х коренным образом обновить производ-

ственную структуру, причем в условиях полной занятости. Объем производства и услуг, покупательная способность и жизненный уровень французов в период с 1946 по 1974 год возросли в четыре раза (с. 8).

Дела в экономике шли столь хорошо, что в 1969-м президент Жорж Помпиду провозгласил национальной задачей превращение страны к началу XXI века в экономического лидера Европейского сообщества (с. 105). Наряду с экономической демонстрировала свою эффективность и политическая система Пятой республики, которую оппоненты Шарля де Голля поначалу называли авторитарно-диктаторской и бонапартистской. Широкие полномочия исполнительной (прежде всего президентской) власти, зафиксированные в Конституции 1958 года, не ослабили французскую демократию, как предсказывали левые. Напротив, они укрепили и стабилизировали ее.

Конституция Пятой республики действует уже почти 50 лет, претерпев лишь незначительные изменения. Единственной, по сути, важной модификацией Основного закона стало сокращение семилетнего президентского мандата до пяти лет, осуществленное по инициативе президента Жака Ширака в 2000-м. Это решение было продиктовано желанием минимизировать издержки так называемого «сожительства» (*cohabitation*), когда президент и парламентское большинство, а, следова-

тельно, и правительство по результатам не совпадавших по срокам легислатур оказывались в противостоящих политических лагерях: левый президент и правый премьер-министр и наоборот (с. 295–301). Итоги последних президентских и парламентских выборов-2007, на которых (в обоих случаях) победу одержала одна и та же политическая сила, доказали правильность принятого Шираком решения.

В условиях биполярного мира, где правила игры устанавливались двумя сверхдержавами – США и СССР, Франция, руководимая в 1958–1969 годах генералом де Голлем, впервые со времени окончания Второй мировой войны заговорила «собственным голосом», сумев заставить считаться с ее интересами и Вашингтон, и Москву. Умелое сочетание твердости и гибкости в отстаивании национальных интересов позволяло Франции в 60–80-е годы прошлого века достаточно эффективно решать стоявшие перед страной проблемы в области международной политики.

Политическому руководству Франции, будь то центрист Валери Жискар д'Эстен, социалист Франсуа Миттеран либо неоголист Жак Ширак, оставалось лишь следовать (с теми или иными идеологическими коррективами) оправдавшему себя традиционному курсу на совершенствование французской модели социального государства, а на международной арене – сочетать атланти-

ческую солидарность с попытками отстаивать собственные интересы. Но, как выяснилось со временем, они не смогли (либо не успели) адекватно оценить новые вызовы, перед которыми оказалась Франция на рубеже двух столетий.

Между тем за фасадом внешнего благополучия Пятой республики обнаруживались всё более острые экономические проблемы, «тянувшие» за собой все остальное. По мнению авторов рецензируемого труда, первые тревожные признаки «застоя» во французской экономике проявились уже в середине 1970-х. В дальнейшем они привели к затяжному кризису, знаменовавшему окончание «славного тридцатилетия» и наступление эпохи тревожных испытаний, которой суждено было продлиться не менее 30 лет. Непосредственные причины нового «длинного цикла» авторы монографии связывают с двумя «нефтяными шоками» – 1973 и 1979 годов. Авторы также выявили и проанализировали более глубокие причины, связанные с научно-технической революцией, прежде всего в области информатики, с обострением конкурентной борьбы на мировых рынках, особенно со стороны некоторых объединений и развивающихся стран с гораздо более низкими издержками производства (АСЕАН, Индия, Китай). Но самое главное – французская социальная модель все труднее вписывалась в начинавшийся процесс глобализации и перехода наибо-

лее развитых стран так называемого «золотого миллиарда» — США, Японии, государств Евросоюза — от промышленной стадии развития к постиндустриальной (с. 105–106).

На обломках отвергнутой неокейнсианской модели в англосаксонских странах происходила «консервативная революция», основанная на принципах неолиберализма: минимизация государственного вмешательства в экономику, монетаристская бюджетно-финансовая политика, свертывание перераспределительной системы социального страхования. Со всей очевидностью обнаружилось, что Франция стала заметно отставать от своих соседей и партнеров по Европейскому союзу. Роль экономического лидера ЕС перешла к ФРГ, сумевшей, в отличие от своей соседки, провести ряд жестких реформ и в результате модернизировать собственную социальную рыночную экономику.

Франция же упорно продолжала держаться за национальную модель экономики, год от года теряя позиции в конкурентной борьбе. Среднегодовые темпы роста французской экономики на рубеже XX и XXI веков снизились вдвое — до 1,5–2 %. Под тяжестью налогов и обязательных выплат в фонды соцстраха происходил отток капиталов, квалифицированных кадров и целых предприятий за рубеж. Хронический дефицит бюджета, а с 2003-го и торгового баланса имел следствием раз-

бухание государственного долга, достигшего 65 % объема ВВП. Финансово-экономические неурядицы сопровождались накоплением и обострением социальных проблем, главной из которых стала — особенно среди молодежи — безработица, охватившая 8,5–10 % трудоспособного населения. Эта устрашающая цифра вдвое превышала соответствующие показатели в США и Японии.

Проблему занятости, по мнению авторов рецензируемой книги, усугубляет неэффективность французской системы образования, не способной обеспечить должную социальную мобильность и демократизировать формирование элит на фоне сохраняющегося значительного разрыва между доходами верхушки общества и его «низамы». Напряженность во французском обществе подогревается вследствие нерешенных проблем иммиграции, составляющей ныне около 6 млн человек, то есть примерно 10 % всего населения Франции (гл. 2), а также проблемы «отцов» и «детей»: обеспечение равного доступа молодежи на рынок труда и пр.

Сложность ситуации неоднократно напоминала о себе чередой социально-политических кризисов и массовых беспорядков: май 1968-го, декабрь 1986-го, октябрь — ноябрь 2005-го, весна 2006-го, весна 2007-го (гл. 3). Кризисы и беспорядки в ряде случаев имели серьезные политические последствия. Студенческая революция (май — июнь 1968 г.),

по существу, предопределила уход Шарля де Голля, а бунт арабской молодежи в пригородах Парижа (осень 2005 г.) перечеркнул политическую карьеру тогдашнего премьер-министра Доминика де Вильпена, которого Жак Ширак видел своим преемником.

Нельзя сказать, что сменявшие друг друга правительства не сознавали серьезности наметившихся негативных тенденций в социально-экономическом развитии Франции. Они неоднократно предпринимали попытки исправить положение, прилагая усилия, в частности, к тому, чтобы реформировать убыточную систему социальной защиты. Но всякий раз эти попытки наталкивались на решительное сопротивление, нередко принимавшее форму открытых столкновений между государством и гражданским обществом. Значительное число (несколько миллионов) «иждивенцев» не проявляли ни малейшего желания поступиться хотя бы частью социальных благ.

Тревожной тенденцией общественных настроений во Франции на протяжении двух последних десятилетий стало разочарование многих французов результатами деятельности как левых, так и правых правительств, что вело к растущему абсентеизму или протестному голосованию — за социал-популистские либо националистические лозунги. Примером последнего рода реакции общества стал неожиданный для многих выход

лидера крайне правых Жана-Мари Ле Пена во второй тур президентских выборов 2002 года.

Политическое развитие Франции, начиная с 1970-х, выявило устойчивую тенденцию к преодолению традиционной для этой страны чрезмерной многопартийности, ослаблявшей всю систему власти. На смену многопартийности пришла биполяризация партийно-политических сил, нашедшая выражение в регулярной ротации у власти двух основных партий левого и правого центра — неоголлистов и социалистов. Авторы книги связывают эту тенденцию с глубокими сдвигами в социальной структуре французского общества, ядро которого — средний класс — составляют теперь уже не столько собственники, как было прежде, сколько наемные работники, включенные, благодаря высокому уровню профессиональной подготовки, в современный сектор экономики (гл. 6).

На исходе XX столетия Франция столкнулась с серьезными трудностями и на международной арене. «Конец “холодной войны”, распад СССР, объединение Германии, вызвавшие крушение биполярного мира, — отмечает Юрий Рубинский, — выбили почву из-под внешнеполитической стратегии де Голля и его преемников, которым долгое время удавалось успешно компенсировать ограниченные материальные возможности Франции за счет гибкого дип-

ломатического маневра, роли привилегированной посредницы между Западом и Востоком, Севером и Югом» (с. 9). Внешней политике Франции последней трети XX – начала XXI века посвящен в книге целый раздел.

В 1990-е годы предметом бурной дискуссии, продолжающейся по сей день, стали новые тревожные тенденции в социально-экономическом развитии Франции, начавшей серьезно отставать по ряду показателей (прежде всего по размеру ежегодного наличного валового дохода семьи) не только от Германии и Великобритании, но и от таких ее европейских партнеров, как Бельгия, Дания, Нидерланды, Норвегия и Швейцария. Если обобщить суть этих дискуссий, то, как отмечается в книге, можно выделить две противоборствующие позиции. По утверждению «деклинистов» (от фр. *déclin* – упадок), Франция упорно цепляется за изжившую себя социально-экономическую модель эпохи «славного тридцатилетия» и идет к очевидному упадку и утрате позиций по «всем азимутам». Противники же «деклинистов» доказывают, что достижения Франции намного перевешивают трудности, которые есть не что иное, как издержки перехода к более высокой постиндустриальной стадии развития. Надо сказать, что число оптимистов среди политологов и экономических экспертов, размышляющих над будущим Франции, превышает число пессимистов.

Авторы также не разделяют мрачных прогнозов «деклинистов». Во введении к книге Юрий Рубинский справедливо обращает внимание на то, что спор о будущем Франции не является чем-то принципиально новым. «Он регулярно вспыхивал после крупных событий, коренным образом менявших внутреннюю ситуацию в стране и в мире, заставляя искать новые подходы к проблемам экономики, социальной жизни, внутренней и внешней политики. Так бывало, в частности, после поражений Франции в 1870 и 1940 годах, в ходе затяжной депрессии 30-х годов, потери второй в мире колониальной империи в 50-х годах XX века, когда честолюбивые притязания французов на политическое лидерство в Европе и культурное в мире сменялись беспощадной самокритикой, доходившей до утраты веры в будущее своей страны» (с. 9).

Эта последняя по времени дискуссия, достигшая широкого размаха в 1990-е, безусловно, встряхнула французское общество, осознавшее необходимость перемен. Конечно, для левой части электората пути выхода из застоя видятся иными, нежели для правых. Но желание обновления было и остается общим для всех французов.

Вспоминаю свои встречи двухлетней давности в Париже с моим другом – бывшим журналистом, традиционно голосующим за правых. Тогда, в 2005 году, в правом лагере раз-

ворачивалась борьба между двумя претендентами на роль преемника Жака Ширака — Домиником де Вильпеном и Николя Саркози. Мой друг, воздавая должное утонченному аристократизму и интеллекту первого, вместе с тем заметил: «К сожалению, как политик он не более чем клон старика Ширака, который всем надоел. А Франция, как никогда, нуждается в переменах. В этом отношении предпочтительнее Саркоз».

Здесь важно сделать одно добавление. Мой друг в социальном отношении типичный «иждивенец» — пенсионер, пользующийся всеми благами социального обеспечения эпохи «славного тридцатилетия» (бесплатная операция на сердце, бесплатные процедуры диализа и т. д.). Тогда я подумал: если так настроен старый голлист, то что же думают более молодые?..

Президентские выборы-2007, прошедшие при рекордном с 1981-го участии зарегистрированных избирателей (84,8 %), со всей очевидностью показали, чего желают французы, а именно перемен, хотя и понятно, что они чреватые рисками для социальной стабильности в стране. Окончательный переход Франции от исчерпавшей себя модели к новой, контуры которой еще не определились полностью, займет, по мнению авторов рецензируемой книги, минимум полтора — два десятилетия. «Успех его, — подчеркивается в книге, — решающим образом зависит от

согласия среди самих французов относительно характера и темпов модернизации экономики, государственных институтов, внутренней и внешней политики, а главное — от ее цены для каждой из социальных категорий, составляющих французское общество» (с. 603—604).

Как бы то ни было, но при всех накопившихся и не решенных на сегодняшний день проблемах Франция вступила в XXI столетие как полноправный член элитарного клуба наиболее развитых государств планеты. В 2004 году она занимала по объему ВВП (2 трлн долларов) пятое место в мире после США (11,7 трлн), Японии (4,6 трлн), Германии (2,7 трлн), Великобритании (2,2 трлн) и четвертое-пятое по удельному весу в мировой торговле (5,2 % по экспорту, 4,7 % по импорту товаров и услуг). По продажам вооружений Франция уступает лишь США и России, по сбыту продукции агропромышленного комплекса — только США. Франция прочно лидирует в Евросоюзе в таких ключевых отраслях, как атомная энергетика, авиакосмическая промышленность, скоростной железнодорожный транспорт, сельское хозяйство, строительство, высокая мода, туризм (с. 89).

«Анализ демографической динамики, проблем иммиграции и молодежи, экономики, общества, внутренней и внешней политики Франции начала XXI века позволяет сделать

вывод о том, что шансы страны и впредь успешно играть роль одной из ведущих европейских держав с мировой ответственностью не вызывают сомнений, — подчеркивает руководитель авторского коллектива Юрий Рубинский. — Несмотря на множество проблем, связанных с незавершенностью процесса постиндустриальной модернизации и поисками новой модели общества, по-новому

сочетающей национальную специфику с закономерностями мирового развития, Франция может с уверенностью смотреть в будущее» (с. 608).

Полностью разделяя этот вывод, остается лишь повторить сказанное в самом начале. Читатели получили в свое распоряжение ценную книгу, позволяющую понять существо проблем, стоящих перед Францией на заре XXI столетия.

Китай глазами России

Василий Михеев

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. — М: АСТ: Восток — Запад, 2007. — 598, [9] с, 16 л. Ил.

Монография Александра Лукина привлекает внимание как выбором темы, так и ее раскрытием в ходе многопланового исследования. Она посвящена чрезвычайно актуальной, важной и вместе с тем еще недостаточно изученной проблеме — формированию образа Китая в России.

Последнее время как в России, так и за рубежом активно проводились

исследования образа Китая в США, Австралии, Японии и ряде других стран. Есть серьезная научная литература, посвященная тому, как эти и другие государства воспринимаются в самой КНР, как они воздействуют на формирование китайской внешней политики.

В то же время ни в отечественной, ни в зарубежной литературе до настоящего времени не было представлено сколько-нибудь значительного труда, в котором комплексно исследовалась бы эволюция представлений о Китае в России и их влияние на

В.В. Михеев — заведующий сектором экономики и политики Китая и Японии Института мировой экономики и международных отношений РАН, член-корреспондент РАН.

российскую мысль и внешнюю политику. Этой теме посвящены лишь несколько работ, в основном статей, по отдельным историческим периодам, включая упоминания о Китае и китайцах у некоторых авторов — мыслителей, философов, писателей.

В этом плане монография Лукина фактически открывает новое направление в изучении истории российского обществоведения. Подводя итоги и обобщая разрозненные исследования, проводившиеся до настоящего времени, автор устанавливает закономерности эволюции образа Китая в России на протяжении нескольких столетий, описывает основные этапы этой эволюции, рассматривает влияние представлений о соседней стране на внешнеполитический курс России.

Есть основания считать, что отечественная историческая наука пополнилась новым серьезным исследованием, интегрирующим существующие наработки по проблеме и предлагающим целостное ее видение. В монографии изучен и критически проанализирован поистине грандиозный объем источников и литературы на разных языках, в том числе на китайском.

Главной целью исследования Александра Лукина является реконструкция и интерпретация образа Китая в постсоветской России. Такой акцент на современности понятен для автора, основной научный интерес которого лежит в сфере современных

международных отношений. При этом две первые главы книги, посвященные эволюции представлений о Китае и его населении в дореволюционной России и в СССР, обладают большой самостоятельной ценностью. Их главное назначение — обобщить существующий материал и изложить его в определенной последовательности, создающей основу для реконструкции шаблонов российского восприятия Поднебесной.

Три последующие главы основаны на новом материале и источниках, привлечение которых дает возможность тщательно и всесторонне проанализировать развитие взглядов на китайскую действительность в России в последнее десятилетие XX века. В одной из глав исследуется восприятие Китая в российских приграничных районах, где население опасалось так называемой китайской «демографической экспансии», а также планов захвата российских территорий в процессе демаркации границы, которые якобы вынашивал Пекин. Показано, как эти настроения, возникшие на фоне глубокого экономического кризиса, резкого падения производства, существенного сокращения рабочей силы и значительного оттока населения с российского Дальнего Востока, использовались региональными властями в борьбе за голоса местного электората и как они проникали в некоторые московские политические круги.

Автор разъясняет причины, по которым «китайский вопрос» стал одной из главных политических проблем на российском Дальнем Востоке и в отдельных областях Восточной Сибири, и на некоторое время превратился в источник конфронтации между рядом региональных лидеров и высшим руководством в Москве, оказывая непосредственное влияние на политику федерального центра.

Отдельная глава посвящена различным подходам к КНР как на государственном уровне, так и в российском общественном мнении. В ней рассматриваются различные, зачастую диаметрально противоположные взгляды политиков и аналитиков на китайские экономические реформы, на политику России в отношении Азии в целом и Китая в частности в свете растущей экономической и военной мощи последнего. Автор продемонстрировал, как различные подходы взаимодействовали друг с другом, как они использовались отдельными силами и группировками во внутриполитической борьбе. Образ Китая и китайцев в российском общественном мнении менялся вместе с представлениями о текущей ситуацией в России, ее месте в мире и перспективах на будущее. Впервые в научной литературе освещается эволюция российских взглядов на Тайвань.

В заключительной части монографии подводятся итоги, рассматриваются как представления о Китае в

России и их влияние на практическую политику Москвы в отношении Пекина, анализируются возможные варианты российской политики в Восточной Азии в свете растущей роли КНР в этом регионе. Автор делает обоснованный вывод о том, что нынешний образ Китая в российском общественном мнении может способствовать развитию более тесных взаимоотношений.

Вместе с тем это интереснейшее исследование не свободно от некоторых недостатков. Во-первых, широкий охват темы порой не позволяет автору детально разобрать мнения конкретных российских деятелей. Это общий недостаток работ подобного рода, который может быть преодолен дальнейшими исследованиями. Во-вторых, местами, в особенности во второй главе, рассмотрение собственно образа Китая недостаточно четко отделяется от изложения российской/советской политики в отношении этой страны. Естественно, для соответствующего анализа явно не хватает источников, в особенности относящихся к сталинскому периоду, когда открытые дискуссии по вопросам внешней политики не велись. Более тщательное изучение ранее закрытых документов способно пролить свет на некоторые нюансы в подходе к Китаю со стороны советских руководителей, а также деятелей науки, культуры, журналистов и пр.

Алфавитный указатель статей, опубликованных в 2007 году

- Аккер Р. ван ден, Рюле М.* Саммит НАТО в Риге: большой контекст // т. 5, № 1
- Амаду Л.* На пути к балансу и стабильности // т. 5, № 3
- Арбатов А.* Грядет ли холодная война? // т. 5, № 2
- Асмус Р.* Евро-атлантическое Причерноморье // т. 5, № 3
- Аттали Ж.* «Понятие “нация” станет отзвуком былых реалий» // т. 5, № 2
- Бабаева С.* Свобода от морали. Что ценит современная Россия? // т. 5, № 4
- Бликс Х.* «Генералы совершенно не понимают психологию» // т. 5, № 3
- Блэр Т.* Битва за глобальные ценности // т. 5, № 1
- Боден Д.* Конфликты в Грузии: как быть дальше? // т. 5, № 6
- Бордачев Т.* Европейский мир после 1989 года // т. 5, № 3
- Бордачёв Т.* Суверенитет и интеграция // т. 5, № 1
- Борко Ю.* Свет и тени европейской интеграции // т. 5, № 1
- Буторина О.* Интеграция в стиле фанк // т. 5, № 5
- Ведрин Ю.* «Отказ от государств-наций – иллюзия» // т. 5, № 6
- Вельяминов Г.* Признание «непризнанных» и международное право // т. 5, № 1
- Вендина О., Колосов В.* Партнерство в обход барьеров // т. 5, № 1
- Воронцов А., Ревенко О.* Корейский полуостров: единство и борьба // т. 5, № 6
- Гат А.* Возвращение великих авторитарных держав // т. 5, № 4
- Гилман М.* «Большая восьмерка» и интернационализация рубля // т. 5, № 3
- Громыко А.* «Тони Блэр Лимитед» // т. 5, № 2
- Гроцки Д., Кемпе И.* Неравносторонний треугольник // т. 5, № 3
- Грэм Т.* Диалектика силы и слабости // т. 5, № 3
- Давыдов А.* Преодолевая стереотипы // т. 5, № 4
- Дворкин В.* Чем грозит ПРО США? // т. 5, № 2
- Де Монбриаль Т.* Многополярность и многообразие // т. 5, № 6
- Делор Ж.* «Многие страны скатываются к национализму» // т. 5, № 1
- Денисов А.* МВФ: как прожить бывшему кредитору? // т. 5, № 5
- Деш М.* Буш и генералы // т. 5, № 3
- Дракохруст Ю.* Белоруссия – форпост «старой» Европы? // т. 5, № 1
- Дрезнер Д.* Новый «новый мировой порядок» // т. 5, № 2
- Дубинин Ю.* О «Европе от Атлантики до Урала» // т. 5, № 5
- Житнюк П., Кузьмичёв В., Сомс Л.* Открытый код и национальная безопасность // т. 5, № 4,
- Зевелёв И., Троицкий М.* Россия и Китай в зеркале американской политики // т. 5, № 5
- Зигман Г.* Ближневосточный мирный процесс как великая афера // т. 5, № 6
- Золотарев П.* Военная политика России: цели и приоритеты // т. 5, № 2
- Зурабишвили С.* Косово как позитивный прецедент // т. 5, № 2
- Иваненко В.* Роль энергоресурсов во внешней политике России // т. 5, № 5

- Иваненко В. Россия: гравитация и интеграция // т. 5, № 3
- Казимиров В. Два хельсинкских принципа и «атлас конфликтов» // т. 5, № 2
- Казимиров В. Есть ли выход из тупика в Карабахе? // т. 5, № 5
- Кайзер К. Взаимоотношения крупных держав в XXI веке // т. 5, № 5
- Кампанер Н. Европейская энергобезопасность и уроки истории // т. 5, № 6
- Караганов С. Новая эпоха противостояния // т. 5, № 4
- Кёртон Д. «Большая восьмерка» после Санкт-Петербурга // т. 5, № 1
- Койл Ф. Американская ПРО и альтернатива Путина // т. 5, № 4
- Косачев К. Россия и Запад: наши разногласия // т. 5, № 4
- Крастев И. Россия как «другая Европа» // т. 5, № 4
- Крашенинникова В. Америка: уязвимая и опасная // т. 5, № 2
- Кудров В. Россия на подъеме // т. 5, № 1
- Лавров С. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // т. 5, № 2
- Лавров С. Сдерживание России: назад в будущее? // т. 5, № 4
- Лайн Р. Россия и Запад: конфронтация неизбежна? // т. 5, № 6
- Леманн Ж. Близок ли закат свободной торговли? // т. 5, № 5
- Ломанов А. Гармония превыше всего // т. 5, № 6
- Лукин А. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // т. 5, № 3
- Лунёв С. Индийский марш // т. 5, № 4
- Льюис Б. Последнее наступление ислама // т. 5, № 5
- Малашенко А. Фактор ислама в российской внешней политике // т. 5, № 2
- Манделбаум М. Демократия без Америки // т. 5, № 5
- Маркедонов С. Азербайджан: «без друзей и без врагов» // т. 5, № 4
- Маркедонов С. Грузинский парадокс российской политики // т. 5, № 2
- Марки Д. Ошибочная альтернатива в подходе к Пакистану // т. 5, № 4
- Мартин А. Уго Чавес и новая утопия // т. 5, № 1
- Милов В. ЭнергодIALOG Россия – ЕС: заполнить вакуум // т. 5, № 5
- Мирский Г. Палестинский узел: ни развязать, ни разрубить // т. 5, № 4
- Муази Д. Конфликт эмоций // т. 5, № 1
- Наумкин В. Фехтование цивилизаций // т. 5, № 5
- Новиков А. СНГ: ядерный терроризм реален // т. 5, № 2
- Овчинский В. Афганистан без коалиции // т. 5, № 1
- Овчинский В. Пакистанская рулетка // т. 5, № 4
- Паньков В. Свобода торговли между Россией и ЕС: за и против // т. 5, № 1
- Печатнов В. Как оживают фантомы // т. 5, № 3
- Поляр Т. Зачем Чешской Республике ПРО // т. 5, № 6
- Ранкс К. Минное поле истории // т. 5, № 3
- Ревенков В., Фейгин В. «Газовая ОПЕК» или другие формы взаимодействия // т. 5, № 4
- Романова Т. Третий пакет // т. 5, № 6
- Рубинский Ю. Никола Саркози: прагматизм и преемственность // т. 5, № 4
- Саймс Д. Теряя Россию // т. 5, № 6
- Санаи М. Ирано-российские связи: проблемы и перспективы // т. 5, № 2
- Сафранчук И. Конкуренция за безопасность Центральной Азии // т. 5, № 6

- Слотер М., Шив К.* Новый курс для глобализации // т. 5, № 5,
Соколов С. Договор Россия – ЕС: готовимся к переговорам // т. 5, № 2,
Сутела П. ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие на равных? // т. 5, № 6,
Сухов И. Фонтан дружбы народов // т. 5, № 2
Такей Р. Время для разрядки в отношениях с Ираном // т. 5, № 2
Терентьев А. Гордон Браун: моралист у власти // т. 5, № 4
Тимошенко Ю. Сдерживание России // т. 5, № 3
Тодд Э. «Не стесняться имперского прошлого» // т. 5, № 4
Тодуа З. Россия в Молдавии: вернуть инициативу // т. 5, № 1
Толорая Г. Восточная стратегия России и корейский вызов // т. 5, № 6
Торосян Т. Мнимое противоречие // т. 5, № 4
Файгенбаум Э. Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии // т. 5, № 6
Форд Рунге К., Сенауэр Б. Как биотопливо может заставить бедняков голодать // т. 5, № 6
Фрейташ ду Амарал Д. Не расширять ЕС в пику России // т. 5, № 1
Фримен Ч. На чем споткнется Китай? // т. 5, № 5
Фурман Д. Удивительная Молдова // т. 5, № 5
Хаас Р. США – Россия: перейти Рубикон // т. 5, № 3
Хауккала Х. Завтра уже наступило // т. 5, № 5
Цзинцзе Л. Не допускать левого и правого уклона // т. 5, № 5
Чарногурский Я. Косово как тест для России // т. 5, № 1
Швейцер В. Сепаратизм или автономия? // т. 5, № 1
Шлыков В. Один в поле не воин // т. 5, № 3
Эпштейн А. Израиль – Россия: несостоявшийся роман? // т. 5, № 3

Рецензии и отклики

- Иванов И.* ИМЭМО смотрит в будущее // т. 5, № 4
Караганов С. Пространство свободы // т. 5, №4
Кокеев М. НАТО между прошлым и будущим // т. 5, № 2
Коновалихин М. Атомный ренессанс в Швеции // т. 5, № 3
Ли В. Познавая Китай // т. 5, № 5
Лукьянов Ф. Замкнутые круги парламентаризма // т. 5, № 3
Максимычев И. Великобритания: хроника модернизации // т. 5, № 4
Михеев В. Китай глазами России // т.5, № 5
Палажченко П. Украинская государственность и плюрализм // т.5, № 5
Степанов А. О мастерстве дипломатических переговоров // т. 5, № 3
Тимофеев Т. Не столкновение, а партнерство // т. 5, № 5
Федюкин И. Демократия, управляемая генералом // т. 5, № 1
Черкасов П. Франция на заре XXI века // т. 5, № 5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН, декан факультета мировой политики и мировой экономики ГУ – ВШЭ
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Маргги** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл**
(в личном качестве) министр иностранных дел Швеции
- ВАЙНШТОК**
Семен Михайлович генеральный директор госкорпорации «Олимпстрой», академик Академии горных наук
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ в 2004–2007 гг.
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., заместитель президента – председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич академик РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЫК Борис Николаевич** член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики

ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ
ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика», президент фонда «Русский мир»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	член-корреспондент РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, президент фонда «Наш выбор», заместитель председателя президиума движения «Российский народно-демократический союз»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США

ЮРГЕНС
Игорь Юрьевич

к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)

ЯСТРЖЕМБСКИЙ
Сергей Владимирович
(в личном качестве)

к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН
Анатолий Леонидович

к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

БУТОРИНА
Ольга Витальевна

д. э. н., советник ректора МГИМО (У) МИД России

ВИШНЕВСКИЙ
Анатолий Григорьевич

д. э. н., директор Центра демографии ГУ–ВШЭ

ДУБИНИН
Юрий Владимирович

профессор МГИМО (У) МИД России,
заслуженный работник дипломатической службы РФ

ГРИГОРЬЕВ
Леонид Маркович

к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН,
президент Института энергетики и финансов

ЛОМАНОВ
Александр Владимирович

д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН

МИРСКИЙ Георгий Ильич

д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

ЭНТИН Владимир Львович

к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир
Олегович (председатель)

президент холдинговой компании «Интеррос»

ВАРДАНЯН Рубен Карленович

президент группы компаний «Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ Сергей
Владимирович

генеральный директор (президент) ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ
Владимир Петрович

к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»

КУЗЯЕВ Андрей Равелевич

президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ
Валерий Михайлович

генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «**Роспечать**»,
индексы: **46708, 46709, 46710**

Подписка в России и СНГ по каталогу «**Пресса России**»,
индексы: **15577, 11119, 16497**.

Подписка на Украине, по каталогу «**KSS**», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru

или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал			<input type="text"/> индекс издания														
Россия в глобальной политике (наименование издания)															<input type="text"/> Количество комплектов		
на 2006 год по месяцам																	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12						
Куда			<input type="text"/>														
			Почтовый индекс						(адрес)								
Кому			<input type="text"/>														
			(фамилия, инициалы)														
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА														
			<input type="text"/> индекс издания														
Россия в глобальной политике (наименование издания)																	
Стоимость подписки			___ руб. ___ коп.						Количество комплектов								
			___ руб. ___ коп.														
на 2006 год по месяцам																	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12						
Куда			<input type="text"/>														
			Почтовый индекс						(адрес)								
Кому			<input type="text"/>														
			(фамилия, инициалы)														

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд Российской Государственной Библиотеки
- В киоске «Деловые люди» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА
- Клуб «Проект О.Г.И» Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № ПД-4

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № ПД-4

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

Р/с _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)